

Фантастика
ФЛ
Приключения

ГЕОРГИЙ КУБАНСКИЙ

ТАЙНА РЕКИ СЕМУЖЬЕЙ

Сканирование: хуз
Обработка: krestik

ГЕОРГИЙ КУБАНСКИЙ

ТАЙНА РЕКИ СЕМУЖЬЕЙ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ
МОСКВА 1958

Иллюстрации
Е. СЕЛЕЗНЕВА

Кубанский Георгий Владимирович

ТАЙНА РЕКИ СЕМУЖЬЕЙ

Редактор Б. Ф. Третьяченко

Техн. редактор В. И. Сушкевич

Сдано в набор 1/III 1958 г. Подписано к печати 18/VII 1958 г.

А-07213. Бумага 70 × 92 1/2 12,43 усл. п. л. Уч.-изд. 12,16.

Уч. № 30/3991. Тираж 15 000 экз. Зак. 370. Цена 4 р. 65 к

17-я типография Мосгоссовнархоза. Москва, Шипок, 18.

Глава первая

ПРОИСШЕСТВИЕ В ПОСЕЛКЕ

Исчезновение семиклассника Васьки Калабухова взбудоражило все Пушозеро. Куда мог уйти мальчуган из заброшенного в тундре поселка? Где искать его? Об этом обстоятельно и взволнованно толковали в домах и на улице, даже в управлении горнорудного комбината. Предположения высказывались самые различные. Одни полагали, что Васька заблудился в мелколесье, тянувшемся от озера до горной тундры. Другие опасались, как бы он не забрел в Лосиное болото, пользовавшееся недоброй славой во всей округе. Нашлись и такие, что связывали исчезновение Васьки Калабухова с пропажей плотика, сколоченного ребятами из

обрезков бревен. Но все сходились на одном: с мальчуганом стряслось неладное, надо его искать.

У крыльца, обшитого тесом, стандартного дома с маленькой фанерной вывеской «Общежитие рабочих № 7» это событие обсуждалось особенно горячо. Наташа, раскрасневшаяся, с выбившейся из-под красной вязаной шапочки темно-русой прядкой, возмущенно отчитывала Володю, добродушно посматривавшего на нее через сильные, выпуклые очки. Трудно было ей отчитывать рослого сухощавого парня. Желая казаться повыше, девушка выпрямилась, вскинула стриженную по-мальчишески голову, даже плечи приподняла. И все же Наташе приходилось смотреть на виновного снизу вверх. Строгий вид ее вызывал у Володи невольную улыбку. Отчитывая его, Наташа время от времени посматривала на стоявшего в стороне широкого в плечах, кряжистого Федю, ожидая поддержки. Но Федя невозмутимо молчал с видом человека, которсму давно уже известно, чем закончится спор, а потому и не считающего нужным вмешиваться.

— У тебя, Володя, удивительные способности! — На чистом лбу Наташи надломилась уголком тонкая гневная морщинка. — Удивительные! Всего две недели, как мы приехали сюда, и ты уже успел трижды отличиться. С крыши свалился. Раз! Поссорился с комендантом общежития. Два! В милицию попал...

— Наташа! — Володя поправил очки и значительно поднял палец. — Не забывай наше правило: «Вперед! Всегда вперед!»

— Даже в милицию?

— Комендант потребовал с меня магарыч. Как с новичка...

— А ты послал его к черту и назвал взяточником! — перебила его Наташа. — А потом, в милиции, не сумел ничего доказать и остался виноватым. Кр-расиво! — И, не давая возразить себе, она быстро перевела разговор: — Ладно! Не стоит сейчас толковать о прошлом. Скажи лучше: ты подумал?

Желая дать товарищу прочувствовать свою вину, Наташа значительно помолчала. Володя воспользовался паузой и заговорил громко, нарочито бесстрастным голосом:

— Разберемся в существе вопроса. Обстоятельства дела таковы. Вчера, в восемь ноль-ноль утра, ученик седьмого «Б» класса Василий Калабухов, более известный в поселке по прозвищу Чудак-Рыбак, ушел из дому и по настоящее время не вернулся. Принимая во внимание наклонности Чудака-Рыбака к бродяжничеству, а также и то, что живем мы не в Московской области, а в тундре, где нет ни регулировщиков движения по болотам, кочкам и горам, ни указателей, ни справочных киосков, остается предположить...

— Ты еще Расскажи нам, что комитет комсомола обратился к молодежи поселка с призывом отправиться на поиски мальчика, — нетерпеливо перебила его Наташа.

— Точно! — подхватил Володя, словно не замечая насмешливого тона девушки. — А кто мы такие? Молодежь! Комсомольцы! Наше дело идти, искать...

— Куда идти? — вспыхнула Наташа. — Мы тут новые люди. Местных условий не знаем...

— Не знаем, так узнаем, — беспечно бросил Володя.

И украдкой поглядел в сторону молчавшего Феди. На этот раз Федя поддержал его.

— Узнаем, — согласился он и кивнул крутой стриженной головой с широким шишковатым лбом. Но лицо его с полными щеками, еще сохранившими застенчивые мальчишеские ямочки, оставалось по-прежнему невозмутимым.

— Мы запутаемся в здешних лесах и болотах, — не отступала Наташа, — если с нами не пойдет никто из местных жителей. Запутаемся! Придется искать не только мальчишку, но и нас, спасителей. Вот прославимся! Пошли искать — и потерялись!

Наташа говорила откровенно, зная, что друзья не заподозрят ее в трусости. Девушка все время повторяла слово «мы», хотя никто ее не звал на поиски. Но Наташа и мысли не допускала, что товарищи пойдут в тундру без нее. Девушку возмущало самоуправство Володи. Как мог он, не советуясь с друзьями, сказать в комитете комсомола, что они пойдут втроем искать пропавшего мальчишку?

— Все, что ты говоришь, верно, — примирительно начал Володя. — Но подумай...

— Опять но! — вспыхнула Наташа. — А без но нельзя?

— Никак, — по-прежнему спокойно ответил Володя. — Еще раз напоминаю. Живем мы не в славном древнем граде Серпухове, а в Заполярье. Молодежи в Пушозере немного. Большинство комсомольцев такие же новоселы, как и ты, я, Федя. И если мы обшарим хоть кусочек леса — уже поможем розыскам мальчишки.

— Поможем, — согласился с ним Федя.

— Друзья! — Воодушевленный поддержкой Феди Володя заговорил в приподнятом тоне, почти с пафосом. — Вспомните, почему мы оказались здесь, за Северным Полярным кругом? Наш девиз — «Вперед! Один за всех, и все за одного!» Смеем ли мы сидеть в поселке и ждать, пока кто-то отыщет пропавшего мальчонку? Да и какие мы новички! Мало мы бродили по подмосковным лесам и болотам? По кавказским горам лазили! Не пропадем и тут. В конце концов, Наташа, ты... — Володя хотел сказать «ты можешь остаться», но понял, что этим серьезно обидит девушку, и незаметно поправился: — ...ты забыла, что мы собираемся не в дальние странствия. Сегодня суббота. До понедельника мы свободны. Кстати, управление комбината разрешило, в случае надобности, задержаться на сутки-другие.

— Сегодня и завтра... — Наташа задумалась, медленно заправляя под шапочку распушившиеся мягкие темно-русые волосы. — Пожалуй, можно. — Она опустила руку и спросила уже спокойно: — Когда и где встретимся?

— Через час, — ответил Володя. — Возле почтового ящика.

Почтовый ящик был своеобразной достопримечательностью молодого тундрового поселка. Обычный синий ящик ничем не отличался от тысяч и тысяч таких же ящиков, разбросанных от Тихого океана до Балтики, от знойной Кушки до студеного Баренцова моря. И все-таки в жизни молодежи поселка он занимал значительное место. К нему приходили на свидания так же, как в Москве к станциям метро, а в

Ленинграде — к памятнику Петра. Здесь началась дружба и любовь, радости и огорчения... Встречаться у одинокого почтового ящика было, пожалуй, даже удобнее, чем у станции метро или возле памятника Петру. Тут не потеряешься сам и не пропустишь с толпой прохожих нужного человека...

Ровно час спустя трое друзей сошлись у синего ящика, висевшего рядом с деревянным крыльцом почты. У каждого из них за плечами был хорошо пригнанный рюкзак, в руках бамбуковый посох — память о Кавказе. Кроме этого, у Феди на поясе висел остро отточенный топорик в брезентовом чехле, а на узком ремешке, переброшенном через плечо, — туго скатанная плащ-палатка. На Крайнем Севере нельзя доверять неверной июньской погоде: ясный солнечный день мог внезапно смениться дождем, а то и мокрым, липким снегом.

Федя, Володя и Наташа, одетые в плотные лыжные костюмы и одинаковые вязаные шапочки, походили на двух братьев и сестру. Походили они не только костюмами. Стоило присмотреться к ним — и нетрудно было заметить, что они понимают друг друга с полуслова, а порой даже угадывают мысль товарища, прежде чем тот успеет ее высказать.

— Маршрут нам дали такой... — Володя строго посмотрел через очки на товарищей. — Выйти за поселком к ручью Безымянному. Подняться по ручью до скалы с елью. Если мы не найдем ничего интересного, то на обратном пути надо прочесать мелкий лесок по обеим сторонам ручья. Всего нашим ногам предстоит сделать в оба конца около сорока километров.

— За два дня? Немного, — удивилась Наташа и первой вышла на дорогу. Она не любила терять время на разговоры. В пути можно будет обсудить подробности маршрута и уточнить план поисков.

На улице, возле некоторых домов, собирались такие же группы молодежи. Одетые по походному, с вещевыми мешками или рюкзаками за плечами, они тоже готовились отправиться на поиски пропавшего Васьки Калабухова.

Поселок Пушозеро привольно вытянулся по берегу озера в одну длинную и широкую улицу с проглядывающими кое-где из земли крупными валунами. Оживляли улицу недавно посаженные молодые березки. В центре поселка высились двухэтажные здания управления комбината и клуба. По обеим сторонам от них выстроились добротно срубленные стандартные дома. Необычно выглядели они на просторных пустых участках — ничем не огороженные, словно голые. За жилыми строениями, несколько на отшибе, виднелся бревенчатый гараж. Возле него были составлены в штабеля металлические бочки. Тут же стоял бензовоз со снятыми колесами — странно низкий, непохожий на автомашину...

Пока маленькая группа миновала поселок, к ней не раз приставали мальчишки — просили взять их на поиски Чудака-Рыбака. По горячим просьбам, взволнованным голосам и лицам ребят нетрудно было догадаться, что в мальчишеском мире Чудак-Рыбак был фигурой значительной и уважаемой.

Наташа шла первой, с суровым лицом человека, готового на подвиг. Суровость очень шла

к ней — маленькой, стройной и крепкой, с чуть вскинутой головой и мягко закругленными щеками. Никто из мальчишек не решался приставать с просьбами к Наташе. Очкастый, чуть сутулый Володя казался им проще, добрее. За ним и бежали ребята, пока Наташа не обернулась.

— А ну, двоечники! — Она пристукнула посохом о землю. — Марш по домам! Учите арифметику.

Обиженные «двоечники» отстали. Долго еще ворчали они вслед Наташе, высказывая едкие соображения о задавалах и воображаемых.

Глава вторая

ТРИ ДРУГА

У Наташи, Феде и Володи издавна сложились своеобразные отношения.

Наташа совершенно искренне считала себя вожакom своих друзей. Ведь девушка в восемнадцать лет старше девятнадцатилетних мальчишек.

Володя так же искренне полагал, что настоящим вожакom их маленькой артели является он, и никто другой. Кто был самым предприимчивым? Кто еще в Серпухове подбивал друзей на походы в лес, на рыбалку, находил новые интересные места? Кто затеял экскурсию по Военно-Грузинской дороге, сумел уговорить Наташкину мать отпустить ее с мальчишками в дальний поход? Все, что было интересного в недолгой жизни друзей, начинал он, Володя.

Однако молчаливый коренастый Федя, хоть

и не высказывал вслух, но был твердо убежден, что именно он верховодит в своей компании. Конечно, он неразговорчив, не ввязывается в ненужные споры, а предпочитает послушать других, подумать. Зато, когда Наташа с Володей на шумятся вдоволь и запутаются окончательно, Федя скажет свое слово, и обессилившие спорщики сделают так, как скажет он, Федя.

Если Наташа постоянно учила друзей рассудительности и последовательности в своих поступках, то Володя старался приучить Наташу и Федю ценить инициативу и решительность, а Федя отучал Наташу и Володю от излишней самонадеянности и торопливости. И все трое не очень-то преуспевали в своих добрых намерениях. По-прежнему Володя носился все с новыми и новыми планами. Наташа охлаждала его горячую голову, а Федя терпеливо выжидал, пока придет время сказать свое решающее слово. Таким образом, в компании из трех человек оказалось три вожака. И каждый из них был по-своему прав, нужен и полезен.

Еще учась в серпуховской школе, друзья увлекались романом А. Дюма «Три мушкетера». Они читали его и перечитывали, подолгу толковали о героях и о событиях, происходивших в книге. Все трое восторгались силой и мужеством Портоса, но единодушно осуждали его любовные шашни с отвратительной и жадной богатой старухой — женой прокурора. Очень нравился им умный, изящный Атос. Но пил он столько, что порой, по расчетам Феди, любившего во всем точность, Атос наливался вином по самые уши. Обаятелен был и тон-

кий знаток книг Арамис. Но его желание стать попом возмущало всю троицу.

Что же заставляло их по многу раз перечитывать и обсуждать роман, если все три героя книги оказались, на их взгляд, далеко небезупречными? Привлекало друзей благородное стремление мушкетеров к подвигу, их могучая, бескорыстная дружба. «Один за всех, и все за одного!» Какие чудесные слова!

Друзья строго следовали этому правилу в жизни. Когда Наташа, купаясь в Оке, уставала, Володя, сильно загребая воду, подплывал к ней и кричал:

— Плечо!. Обопрись на мое плечо

Приятно было Наташе положить руку на плечо друга и видеть, как тяжело плывет он, выплевывая воду и звучно фыркая. Прислушиваясь к шумному дыханию Володи, Наташа знала, что он скорее наглотеется мутной, припахивающей нефтью воды, скорее даже потонет, но не позволит ей убрать руку. В такие минуты Наташе становилось радостно и вместе с тем — страшно. Но дружеская помощь Володи была так приятна и волнующа, что Наташа не могла сдержаться и порой притворялась усталой, чтобы услышать Володино:

— Плечо!. Обопрись на плечо!

И второе, что влекло друзей к образам трех мушкетеров — их девиз: «Вперед! Всегда вперед!» Всего несколько слов, а какой в них смысл, какая сила! Они уводили дружную троицу далеко в лес, в пещеры, вырытые неизвестно когда и кем в крутом берегу Оки; увлекли ребят в колхоз, где они организовали «бое-

вой экипаж» конных грабель, а потом — и в путешествие по Военно-Грузинской дороге...

Один лишь раз обстоятельства чуть не разлучили Федю и Володю с Наташей. Окончив среднюю школу, юноши поступили в горно-промышленное училище, находившееся неподалеку от Серпухова. Они собирались стать подрывниками. С восторгом рассказывали они Наташе о своей будущей профессии, о занятиях в училище, о товарищах по учебе. Десятиклассница Наташа вскоре отчетливо представляла себе не только здание училища, окруженное старыми липами, но и педагогов, учащихся; представляла настолько отчетливо, зримо, будто сама училась там, дружила с одними и не ладила с другими. Она знала о будущей работе своих друзей столько, что смело вмешивалась в споры Феди и Володи о преимуществах тринитротолуола перед аммоналом при взрывах скальных пород, деловито обсуждала правила техники безопасности подрывников...

Понемногу и сама Наташа увлеклась профессией своих друзей. Мечты о новых, неведомых краях волновали троицу все сильнее. И, когда Наташа не прошла по конкурсу в институт, она не испытала особого огорчения. Совсем недавно партия обратилась к комсомольцам и молодежи, призывая их ехать в далекие, малонаселенные районы страны. Наташа, Федя и Володя отправились в райком комсомола...

Неделю спустя трое друзей с эшелонном новоселов прибыли на Кольский полуостров. Через несколько дней они уже обосновались в поселке Пушозеро.

ВСТРЕЧА НА РУЧЬЕ

За поселком широкая улица внезапно оборвалась. Осталась от нее лишь неровная стежка. Плавню скользнула она с пригорка к большому светлому озеру и ткнулась в узкий залив, глубоко врезавшийся в травянистый берег. Обогнув залив, где стояло у приколов несколько лодок, стежка круто свернула в сторону от озера и устремилась к густым зарослям низкорослой березы, прикрывающим ручей Безымянный.

После долгой полярной ночи березки жадно тянулись к щедрому солнцу, светившему днем и ночью. Наливались соком, расправлялись тонкие корявые ветви. Крепкие, еще клейкие листки разворачивались, будто узорчатой занавесью прикрывали узловатые стволы, скупо одетые бледно-розовой берестой, тянули деревца вверх, к бескрайнему голубому небу. А над лесом и ручьем нависло огромное яркое солнце. Оно обрушило на землю такую массу света! Казалось, будто он наступает со всех сторон, излучается стволами березок, травой, каменистым дном ручья, даже самой землей. Каждая былинка, листок, крапинка на камне обрели в нем необычайно четкие очертания. Даже тени от людей и деревьев падали на землю расплывчатые, блеклые, будто стертые.

В прозрачной воде ручья зябко дрожало каменистое дно. Старательно подрывался он под невысокий крутой бережок, обнажая спутанные корневища, свисающие почти до самой воды косматыми неопрятными бородами.

Еле приметная стежка скоро совсем растаяла в густом березнячке. Тонкие крепкие ветви сплетались перед путниками все плотнее, цеплялись за лыжные брюки, за лямки рюкзаков. Под ноги подвертывались прикрытые листвой камни. И все же шагать было приятно. Крепкий запах молодой березы, звонкое бормотанье ручья и ласково греющее солнце бодрили пешеходов, облегчали путь. Легкий ветерок еле слышно шуршал листвой, теребил выбившийся из-под шапочки локон Наташи, приятно охлаждал разгоряченную быстрой ходьбой влажную шею...

Усталость подкралась незаметно. Заросли березняка будто осели, стали ниже, плотнее; гуще сплетались ветви, чаще попадались под ноги камни. Все ощутимее оттягивал плечи рюкзак, а лямки его острее врезались в распаренные плечи.

Первой стала посматривать на часы Наташа. Федя заметил это и прибавил шаг. Скоро он обогнал девушку. Сейчас она безропотно уступила ему место ведущего. Легко разрывая своим крупным телом сплетающиеся ветви, Федя прокладывал в зарослях дорогу товарищам. И все же Наташе хотелось окликнуть его, напомнить, что пора присмотреть место для ночлега...

Неожиданно Федя остановился, разглядывая что-то впереди. За ним и Наташа приподнялась на носки, выглянула из-за низких березок.

Это было неожиданно! Настолько неожиданно, что даже не верилось в такую удачу. Совсем недалеко, у поворота ручья, на крупном

валуне, делившем течение на две упругие струи, лежал на спине мальчишка лет тринадцати — четырнадцати в рыжей с белыми пятнами меховой шапке. Распахнув старенькую стеганку, он широко раскинул руки, довольно щурясь на вечернее солнце, и совсем не походил на «погибающего» мальчика.

Еле скрывая бурную радость под напускной внешней суровостью, Наташа быстро опередила Федю, легко перепрыгнула неширокий поток и подошла к мальчишке. Его скуластое лицо с редкими крупными веснушками и круглым блестящим носом не выразило ни радости, подобающей спасенному, ни тревоги за беспокойство, причиненное людям своим внезапным исчезновением.

— Хорош! — строго сказала Наташа.

И посмотрела на него так, что тот должен был немедленно сгореть от стыда и раскаяния.

— А чего? — Мальчишка не спеша поднялся на ноги и широким движением запахнул стеганку. — Хоро-ош!

— Тебя весь поселок ищет! — В голосе Наташи зазвучали осуждающие нотки. — А ты валяешься на солнышке. Греешься!

— Кого ищут-то? — переспросил мальчишка.

— Тебя. Ваську Калабухова!

— Ваську? — Глаза-щелочки, круглый блестящий нос и крупные веснушки мальчугана сбежались в плутоватую улыбку. — Ищут! А я и сам ищу Чудака-Рыбака.

— Ищешь? — опешила Наташа. — Ты?

— Я, — спокойно подтвердил мальчишка. Он внимательно осмотрел подошедших к не-

му Федю и Володю, потом удивленно развел руками:

— И куда он, бес, девался только! Час лежу тут и думаю.

— Почему же ты ищешь один? — спросил Володя.

— Один! — Мальчишка укоризненно взглянул на Володю. — А кто возьмет меня искать Ваську? Скажи только об этом матери... Она живо проверит, крепко ли мои уши пришиты к голове.

— Так ты удрал из дому? — спросила Наташа.

— Я записку оставил матери, — уклонился от прямого ответа мальчишка.

Он помолчал немного, присматриваясь к разочарованно притихшим спасителям, и грустно добавил:

— Васька, друг мой. Третий год мы с ним на одной парте сидим. И отметки у нас... — Мальчуган припомнил что-то приятное и даже зажмурился от удовольствия: — у него по литературе четверка? И у меня четверка. По алгебре у нас были пятерки. У обоих. Потом Васька ляп! Схватил по алгебре двойку. На завтра вызвал меня учитель к доске... Получай, Петька, пару. Дружба!

— Как твоя фамилия? — спросил Володя.

— Петра Жужукина знаете? — с достоинством спросил мальчуган и пытливо посмотрел на своих собеседников.

— Не имеем чести... — ответил Володя.

— Чести!.. — недовольно повторил паренек, принявший шутку за насмешку. — Я — Петр Жужукин. Петька!

— Та-ак! — Володя строго блеснул очками. — А скажи-ка нам, Петр Жужукин, долго ты еще собираешься искать своего друга Ваську Калабухова?

— Покамест не найду! — не размышляя, отрезал Петька.

— Решительный ты мужчина! — с уважением произнес Володя. — И надеешься его найти?

— Найду.

— Очень хорошо! — продолжал Володя, несколько сбитый несокрушимой уверенностью мальчугана. — А подумал ли ты, дорогой мой Петр Жужукин, чем ты будешь кормиться во время поисков?

— Насчет кормежки у меня слабина. — Петька глубоко вздохнул. — Не подумал я насчет кормежки. Буханочку хлеба прихватил, удочки. И все.

Мальчишка снова внимательно осмотрел обступивших его друзей, будто оценивая, чего стоит каждый из них, и неожиданно попросил:

— Возьмите меня с собой. Ваську искать!

Петька пригнул голову и выжидающе уставился на неприступно строгую Наташу, потом на молчаливого Федю, еще не высказавшего своего отношения к происходящему. Взгляд Петьки с надеждой задержался на Володе:

— Возьмете? А?

— Нужен ты нам... — отмахнулся Володя.

— А вот и нужен! — вспыхнул Петька. — Нужен! Со мной не пропадешь...

В ответ он услышал дружный хохот. Весело поблескивая очками, смеялся Володя. Искрен-

не, по-девчоночьи заливалась Наташа. Даже Федя не устоял, широко улыбнулся...

Петька только-только вступил в тот счастливый возраст, когда в мальчишке пробиваются первые, робкие еще черточки юноши. Перейдя в седьмой класс, многие ребята обзавелись расческами, а кое-кто даже и карманными зеркальцами. Расчески работали у семиклассников больше, чем у любого щеголя, — причесывались мальчишки ежеминутно. Сколько удовольствия доставляло Петьке причесать свои и без того гладкие белобрысые волосы, а потом украдкой глянуть в зеркало! Заодно расческа выручала его в затруднительных объяснениях. Вот и сейчас, желая показать Володе, что не такой уж он мальчишка, Петька вытащил из кармана ярко-розовую расческу и стал не спеша причесываться. Но достать зеркальце он почему-то не решился.

Если б Петька мог читать чужие мысли, он узнал бы примерно следующее.

«Стоит взять мальчишку, — подумала Наташа. — Право, стоит! Все же он местный... Только выдержит ли он наш шаг?»

«Паренек хороший! И в лесу, видать, как дома. Ишь, куда забрался! — размышлял Володя. — Жалко, что маловат он. Отставать будет».

«Такого можно взять, — решил Федя. — Долго ли осталось нам искать? Самое большее — еще сутки задержимся».

Петька понял сомнения своих собеседников. — Возьмите! — попросил он еще раз. — Чего боитесь-то? Я не помешаю. А если устану,

идите сами по себе. Не обращайтесь на меня внимания. И все!

— Ловок! — усмехнулся Володя. — По-твоему, выходит так: сперва взять тебя, а потом бросить, где попало, в лесу или в болоте?

— А что мне лес? — Петька лихо сдвинул на затылок свою пеструю шапку с болтающимися ушами. — Не видал я леса!

— Ступай-ка ты, паренек, домой, — серьезно сказал Володя. — Так-то лучше будет.

— Нечего тебе делать с нами, — решительно поддержала его Наташа.

— Не берете? — жестко бросил Петька. — Не надо. Пойду один искать Ваську.

Последние слова его окончательно рассеяли сомнения трех друзей. Оставить мальчугана одного в лесу, с буханкой хлеба — нечего было и думать. Но такого не уговоришь вернуться домой. Не вести же его в поселок силой!..

Наташа украдкой переглянулась с Володей. Тот понимающе опустил ресницы и так же коротко посмотрел на Федю.

Незамеченное Петькой безмолвное обсуждение — брать его с собой или не брать — длилось не больше секунды.

— Ладно! — объявил за всех Володя. — Нас тут три мушкетера — Атос, Портос и Арамис. Ты, Петька Жужукин, будешь у нас... Д'Артаньяном.

Петька презрительно поморщился.

— Кем буду? — переспросил он.

— Д'Артаньяном.

— Нашли дурака! — обиделся Петька.

— Не хочешь? — удивилась Наташа. — А ты знаешь, кто такой Д'Артаньян?

— Больно рукастый он! — отрезал Петька. — Любит за воротники хватать.

— За воротники?! — Наташа изумленно отступила от мальчишки. — Д'Артаньян?

— Бросьте дурачить меня! — с достоинством ответил Петька. — Что я, в кино не бывал?

И снова дружный хохот собеседников озадачил Петьку.

— О-ой! — задыхался от смеха Володя. — Он спутал Д'Артаньяна с Вартаньяном!

Новоселы не успели еще окунуться в гущу поселковой жизни. Но и они краем уха слышали, что пожилой контролер клуба Саркис Суренович Вартаньян не пользовался приятелью пушозерских мальчишек. Слишком уж неукоснительно и строго выполнял он ненавистное для ребят правило: «Дети до шестнадцати лет на вечерние сеансы не допускаются». Мальчишки прозвали своего недруга «Рукастым» и не желали признавать ни его имени-отчества, ни фамилии...

Петька удивленно посматривал на смеющихся. Потом поддернул брюки, перехваченные узким потертым ремешком, застегнул свою выдавшую виды стеганку на единственную нарядную, узорчатую пуговицу с дамского пальто, зачем-то снова расстегнул ее и снисходительно бросил:

— Ладно вам смеяться-то! Зовите как хотите. — Он глубоко, с чувством вздохнул и сказал тоном человека, готового на жертву: — Ваську-то искать надо.

— Отважный Д'Артаньян... — начал было Володя. Ему хотелось объяснить Петьке, кем был герой Дюма. Но говорить ему мешал смех.

Он потер лоб ладонью, потом сильно провел ею по лицу, как бы снимая неуместную улыбку. — Пойдем, Петр Жужукин. По пути я расскажу тебе, кто такой был Д'Артаньян и почему все называли его не иначе, как отважный.

— Отважный! Мальчишкам поддавать! — буркнул Петька и даже поморщился, вспомнив сердитое мясистое лицо контролера с отвислыми щеками, в сеточке сизых жилок. Знакомым уже движением мальчуган запахнул свою стеганку и снисходительно бросил Володе: — Ладно! Давай рассказывать!

Глава четвертая

СЛЕД

Сжатый крутыми берегами ручей вился меж крупными валунами, с громким шипеньем пробирался через завалы гальки. Идти по густо заросшему берегу становилось все труднее. Приходилось двигаться руслом ручья, осторожно ступая по гладким, зализанным течением камням, а кое-где и прямо по воде.

Головным по-прежнему шел Федя. Плотный, даже несколько грузный, он шагал уверенно и легко, привычно пользуясь длинным посохом. Туго набитый рюкзак за его плечами казался невесомым. В трудных местах Федя помогал Наташе перебираться через глубину. А Петьку он без церемоний брал под мышку, переносил через быстрину и ставил на ноги. Мальчуган по-петушиному встряхивался, кричал «спасибо» и продолжал скакать с камня на камень — маленький, верткий, неутомимый, как чертенок. Случалось, он даже обгонял сво-

их взрослых спутников и скрывался из виду. Потом Петька легко взбирался на высокое место и, сложив руки рупором, кричал громко, на весь ручей:

— Э-эй! Отстали-и!

— Экий ты, парень, шумный! — останавливала разошедшегося мальчишку Наташа. — Любишь покричать.

— А я для Васьки кричу, — не терялся Петька. — Может, он тут близко. Услышит — голос подаст.

И, заложив в рот оба мизинца, мальчуган пронзительно свистел.

...Ручей казался бесконечным. Снова и снова он сворачивал, огибая встречные валуны и скалы, удлиняя утомительный путь. Случалось, шумный поток разливался в широкую тихую заводь, окаймленную грязноватой серой пеной. Приходилось пробираться, прижимаясь к берегу, хватаясь за нависшие над водой ветви ивы — тонкие, гибкие и необычайно крепкие.

Время тянулось все медленнее. Не желая признаться в усталости, Наташа и Петька часто останавливались и старательно свистели, кричали. А потом они подолгу стояли, отдыхая, и прислушивались: не слышен ли ответный свист или голос пропавшего Васьки Калабухова...

Володя взглянул на остановившуюся Наташу, достал карманные часы:

— Одиннадцать часов вечера! Вот это мы!...

И все, кроме Петьки, невольно посмотрели на синее ясное небо. Солнце опустилось на видневшийся за леском невысокий, крутой гор-

ный крик, но светило по-прежнему ярко. В зарослях стало тихо. Ни птичьего щебета, ни шороха. Даже листья застыли в воздухе, словно и они заснули.

Пора было позаботиться о ночлеге. Как на беду, по берегу тянулись однообразные густые заросли. Нигде ни прогалинки. Так и шли путники, с надеждой поглядывая на каждый новый поворот ручья: не видно ли за ним открытого места, пригодного для ночлега...

— Привал налево! — наконец крикнул Федя и показал посохом на небольшую поляну, поросшую мелкой травой.

Первой выбралась на открытый от кустарника крутой бережок Наташа. Сбросила с натруженных плеч рюкзак, казавшийся сейчас необычно тяжелым. За ней поднялся Федя. Снял с ремня охотничий топорик и, не теряя времени, отправился за топливом для костра.

В поисках сушняка Федя забрался в гущу мелкого березняка. Нарубить дрова оказалось не так просто: тонкие узловатые стволы березок были настолько крепкими, что острый топорик с трудом врубался в плотную желтоватую древесину. Федя остановился и недоверчиво попробовал на ноготь лезвие топора.

— Да-а! — озадаченно протянул он. — Вот это дровишки!

— Федя-а! — кричала с полянки усталая и голодная Наташа. — Давай быстрее.

Она сердилась. Горячий ужин казался ей ненужной затеей. Если б они были на прогулке — тогда иное дело. А сейчас можно было поесть всухомятку и не тратить дорогое время на стряпню.

Но Федя был неумолим. Строгий режим в пути он считал обязательным и не шел ни на какие уступки. Сбросив теплую лыжную куртку, он, широко взмахивая топориком, подсекал крепкие неровные стволы, валил деревцо за деревцом. Рубить приходилось, вкладывая в каждый удар не только сноровку, но и силу.

Нарубленные дрова относил на полянку Петька. Там Володя натягивал на колья плащ-палатку, а бурлящая от негодования Наташа готовила нехитрый походный ужин.

Скоро в котелке глухо забулькала каша. Все достали ложки и чинно расселись вокруг костра, посматривая голодными глазами на вкусно пахнущую кашу со свиной тушенкой. Один лишь Петька растерянно оглядывался на своих спутников: ложки у него не было.

— Эх ты, путешественник! — насмешливо бросил в сторону притихшего мальчугана Федя.

Пришлось ему выручить Петьку — вырезать на скорую руку небольшую лопатку. Для густой каши странный инструмент оказался вполне подходящим. Голодный Петька загребал своей лопаткой кашу так, что не отставал от остальных.

С ужином дружная артель справилась быстро. Еще вкуснее показался чай. Был он с каким-то особым лесным запахом и привкусом. Федя, не обращая внимания на укоризненные, а потом уже и сердитые взгляды Наташи, неторопливо выпил две кружки чая и, выплескивая остатки в костер, удовлетворенно сказал:

— Вот теперь... можно и на боковую.

Наташа поднялась от угасающего костра первой. Достала из рюкзака синее байковое одеяло.

— Куда ты? — остановил ее Федя. — Земля сырая. Надо надергать вереска.

Девушка пренебрежительно поморщилась и тряхнула головой, будто отбрасывая нависшую на глаза прядку. Возмущение ее все росло. Надо же так заботиться об удобствах! Подумаешь — сырая земля!...

На этот раз Федя не уступил ей, хотя и не стал спорить. Не обращаясь ни к кому за помощью, он принялся рвать красноватый вереск.

Володя переглянулся с Наташей. По старому опыту они знали, что пока земля не будет покрыта толстым слоем сухих мелких веток, Федя сам не ляжет спать и другим не даст отдохнуть. Пришлось им рвать жесткий, режущий ладони вереск.

— Чем это вы занялись? — удивился вышедший из кустов Петька. — Да разве ж на вересу спят? Поглядите-ка на мою перину.

И он с трудом вытащил из кустов ловко скатанный пласт сухого ягеля.

— Вот это перина! — похвастался Петька. — Пошли. Там его много, ягеля-то!

Продираясь через густые заросли, он провел Федю и Володю к невидной с полянки огромной каменной плите, покрытой серебристым, жестковатым на ощупь ягелем. Мальчуган достал из самодельных клеенчатых ножен острый кухонный нож, ловко надрезал широкий толстый пласт мха и принялся скатывать его, как ковер.

Спустя немного времени под натянутой на кольях плащ-палаткой лежал толстый слой сухого ягеля. Спать на нем оказалось не только мягко, но и тепло.

— Не верили мне! — ворчал, забираясь под краешек Фединогo одеяла, Петька — Смеялись, когда я сказал вам: со мной не пропадете!..

...Разбудили Володю птичий писк и шорох в кустах. Нехотя приоткрыл он глаза и принялся бездумно рассматривать провисшее полотно плащ-палатки. Серая пичужка, шурхнув крыльшками, села на ближнюю иву. Покачиваясь на тонкой гибкой ветке, она искоса поглядывала на Володю круглым черным глазом. И вдруг пичужка, приседая от усердия, тоненько запищала:

«Спи-ишь! Спи-ишь! Спи-ишь!»

— Нет, не сплю, — ответил ей Володя. — Встаю, птица.

Утро выдалось ясное, холодное. Невысокая трава стала матовой от росы. Крепкие, чуть сморщенные листья березок влажно блестели. В утренней тиши отчетливо звучал бодрый говорок недалекого ручья.

Свежий воздух, полный острых лесных запахов — березового листа, влаги, вереска и чуть-чуть прели, — был приятен. Хотелось вот так лежать, дышать полной грудью и слушать птичий гомон, шелест листвы.

Но Володя недолго поддавался соблазну. Решительно откинув одеяло, он вскочил на ноги:

— Подъем!

Первой высунулась из-под одеяла взлохма-

ченная голова Наташи. Девушка старательно протерла кулаком сонные глаза и села. Зябко поживаясь, она натянула на ноги холодные сапоги, схватила приготовленные еще с вечера полотенце, мыльницу и побежала к ручью.

Зато Федя ровно и спокойно всхрапывал, будто спал он не в заполярном лесу, а в серпуховском домике матери.

— Вставай! — Володя потряс округлое крепкое плечо товарища. — Слышишь?

Федя широко раскрыл глаза и четким, совсем не сонным голосом произнес:

— Я не сплю.

Володя слишком хорошо знал друга, чтобы попасться на старую уловку.

— Поднимайся! — произнес он как можно строже. — Наташа уже завтрак готовит.

Но и Федя, в свою очередь, так же хорошо знал уловки Володи. Не впервые слышал он, что «Наташа уже завтрак готовит».

— Встаю, — ответил он и посмотрел на Володю такими ясными глазами, будто давно уже проснулся и не помышлял о сне. — Потянусь только. Минуточку!

— Знаю я твои минутки! — не отступал Володя. — Учен уже. Вставай!

Федя сел в постели и кротко произнес:

— Вот я и встал.

И вдруг он плавно скользнул с головой под одеяло и неожиданно громко захрапел.

— Окатить бы этого барсука! — рассердился Володя. — Воды нет под рукой. Не на ручей же бежать!

Володя осмотрелся. Деловито снял с рогульки угол плащ-палатки, откинул его в сто-

рону. Все так же осторожно Володя отвернул край одеяла с головы Феди, потом пригнул к спящему густую ветвь и мазнул влажной холодной зеленью по оголенному плечу и лицу товарища. На этот раз тот живо вскочил на ноги, взъерошил пятерней короткие волосы и чуть сиповатым со сна баском кротко произнес:

— Ну вот... Видишь? Сам встал. Нечего было и будить меня.

Не вступая в бесполезный спор, Володя обернулся к Петьке. Мальчуган крепко спал, укрывшись с головой краем Фединогo одеяла. Он не слышал ни голосов, ни возни возле себя.

— Еще и тебя будить! — рассердился Володя. — Ну нет! С тобой-то попроще, чем с твоим напарником по одеялу.

Он подхватил мальчишку под мышки, поднял его и хотел поставить на ноги. Но Петькины ноги подогнулись, как тряпичные, и мальчишка грузно повис на руках у Володи.

— Вот это да-а! — удивленно протянул Володя. — Этот, пожалуй, самого Федю переспит. — Он тряхнул Петьку и крикнул: — Вставай! Ваську нашли!

Петька раскрыл сонные глаза и невнятно промычал:

— Ладно... заливать... Ваську нашли!

— Товарищ Д'Артаньян! — тряс его Володя. — Королева Франции подарила вам перстень не для того, чтобы вы спали под плащ-палаткой. Кардинал Ришелье, желая погубить королеву, устраивает бал, на котором она должна появиться с бриллиантовыми подвяз-

ками, подаренными ей королем. А королева подарила их герцогу Букингемскому. Скачите же, дорогой Д'Артаньян, в Англию, скачите к герцогу за подвязками...

Петька вильнул плечом, стараясь вырваться из крепких рук Володи, и буркнул:

— Дай доспать, сам, небось...

Перебила его Наташа. Она подбежала, запыхавшаяся, взволнованная.

— Вот!.. — Наташа показала мокрый и грязный носовой платок. — В ручье нашла.

Все посерьезнели. Даже Петька проснулся окончательно. Молча взял он у девушки платок. Чувствуя на себе напряженные, ожидающие взгляды окружающих, мальчуган внимательно осмотрел его и веско произнес лишь одно слово:

— Васькин.

Мокрый платок, захваченный мальчишескими руками, внимательно осматривали все по очереди. Будто можно было по платку узнать, что же произошло с Васькой Калабуховым.

Первым опомнился Володя.

— Мальчишка где-то здесь, — сказал он. — Недалеко.

— По этому случаю горячий завтрак сегодня отменяется, — живо подхватила Наташа. — Надо выяснить, где может быть мальчишка, и немедленно идти за ним.

Желая осмотреть место, где Наташа нашла Васькин платок, вся компания направилась к ручью.

— Моюсь я, — рассказывала по пути Наташа. — Потом оглянулась. Вижу... белеет что-

то в тиховодинке. Подхожу — платок! Меня как в сердце кто толкнул. Откуда, думаю, тут платок?...

Федя с Петькой внимательно осмотрели большую заводь, огороженную с одной стороны кроной палого деревца. Спутавшиеся ветви задерживали плывущие сверху сухие листья, ветки, клочки мха. Вместе с ними задержался в сучьях и платок пропавшего паренька.

Петька не ограничился осмотром места, где была обнаружена находка. Стоя на берегу, он бросил в ручей несколько сухих веток и клочков бумаги. Быстрое течение принесло их к естественной запруде.

— Мальчишка выше нас по течению ручья, — сказал Володя, внимательно следивший за тем, что делал Петька. — А нам-то поручили осмотреть ручей только до той скалы.

Он показал на видневшуюся невдалеке округлую зеленоватую скалу, похожую на стог сена. На вершине ее вытянулась высокая и узкая елка с настолько плотными ветвями, что стройное темно-зеленое деревцо походило наobelisk.

— Нам поручили найти Ваську Калабухова, — горячо поправила Наташа товарища. — Если мальчишка выше нас по течению, так зачем же нам возвращаться и осматривать лес, если мы все равно знаем, что никого в нем не найдем?

— Точно! — поддержал ее Федя.

— Вверх по ручью места пойдут вовсе дикие, — щегольнул своими познаниями Петька. — Чашоба такая!... Местами зайчишка и тот не продерется.

— Тем более, — сказала Наташа. — Там и надо искать Ваську.

Завтрак прошел почти в полном молчании. Все ели торопливо, берегли каждую минуту. Где-то тут, быть может, за близкими деревьями, бродил изголодавшийся и промерзший за ночь мальчишка. Если вчера никто из друзей-новоселов не верил, что им удастся найти беглеца, то сейчас уже никто не сомневался в удаче поисков. Хотелось поскорее найти Ваську, обогреть его, доставить домой, где мальчишку ждет плачущая мать, товарищи, а быть может, и заслуженный нагоняй. А где-то в глубине сознания у каждого из сидевших за наскоро разведенным костром теплилось гордое чувство: «Вот какие мы, новоселы! Местные жители искали и не нашли. А нам — только дай след!»

Как ни торопилась Наташа, как ни рвалась в дорогу, Федя задержал всю группу на добрых десять минут — он заставил товарищей уложить получше рюкзаки. Только после того как Федя осмотрел их и убедился, что груз равномерно ложится на спину и ляжки не оттягивают плечи, он взялся за посох и подал команду:

— Пошли!

Глава пятая

ПОИСКИ ИЛИ ПОГОНЯ?

С утра маленькая группа шла по руслу ручья с такой торопливостью, что вскоре ее движение уже стало походить не на поиски, а на погоню. Беспокоили друзей-новоселов са-

мые противоречивые мысли. С одной стороны, им повезло. След мальчишки найден. Васька не мог уйти далеко. Но завтра уже понедельник. Три рабочих места на комбинате будут пустовать. Оставить поиски и вернуться в Пушозеро, если мальчуган где-то здесь, близко? Но это просто преступление!

Смущало новоселов и другое. Утром они нашли платок. Полдня спешили по горячему следу, но так и не нагнали Ваську, хотя дважды видели его следы — примятую траву, обломанный кустарник, где он, видимо, отдыхал. Выходит, мальчуган с каким-то непонятным упорством и стремительностью двигался на северо-восток. Зачем? Что тянуло его туда? Быть может, друзья прошли мимо него и он остался где-то позади? Но ведь двигались они шумно, в пути свистели, кричали...

На коротком привале Наташа не выдержала и поделилась своими сомнениями с товарищами. Оказалось, что и Федя и Володя думали о том же.

— Не знаете вы его! — горячо вступился за друга Петька. — Вам тут трудно ходить. А Васька привычный. Места эти знает. Угнаться за ним не просто.

Замечание Петьки, что им тут трудно ходить, было принято, как вполне естественное проявление мальчишеской самоуверенности. Никто из новоселов не считал нужным возразить ему. Но, слушая Петьку, они удивлялись все больше. Мальчуган настолько верил в своего друга, что готов был идти за ним хоть на край света. Он рассказывал все новые и новые подробности о Ваське, о его смелости и смекалке,

любви к родному краю. В его рассказах Васька непрерывно рос, поднимался все выше. Вскоре он уже выглядел настоящим героем...

Перебил разболтавшегося мальчишку отошедший в сторону Федя.

— Хлопцы! — Он сорвал с головы вязаную шапочку и, поторапливая друзей, замахал ею. — Сюда, хлопцы!

Володя с Наташей подбежали к нему.

— Видите? — Федя показал посохом на проложенную в зарослях неровную дорогу.

— Вот не ожидала! — Наташа удивленно приподняла плечи. — Людей не видно — и вдруг... просека появилась.

— Не просека, а зимник, — сказал вынырнувший из кустов Петька. — По нему саамы ездят зимой на станцию. Прямоком. Никуда не заезжая.

— А где же живут саамы? — поинтересовался Володя. — В поселке их не видно.

— Не любят они проезжать поселком, — объяснил Петька. — Собаки наши бросаются на олешек, пугают так, что те несутся, как бешеные. Потому саамы и объезжают поселок торной дорогой. Да и мало их в нашей стороне. Пастбища оленьи за теми вон горами. Там и саамы живут.

— Зимой саамы ездят... — задумалась Наташа. — А летом тут мог и Васька пройти?

— Свободно! — живо согласился с ней всезнающий Петька. — Ясно, что зимником прошел. Кто же станет путаться в такой чащобе, когда рядом дорога!

— Но ты ведь не знаешь, куда спешит твой Васька? — одернул мальчишку Володя.

— Не знаю! — усмехнулся Петька. — А ты послушай-ка... — Он показал рукой в сторону незаметного за леском ручья. — Вверх по течению далеко не уйдешь.

Все замолкли и обернулись, куда показывал мальчуган. Прислушались. Оттуда доносился гулкий, рокочущий шум.

— Водопад? — догадался Федя.

— И здоровый! — блеснул глазами Петька. — Кто же полезет на водопад, если тут дорога хорошая?

Как всегда, спор решил немногословный Федя:

— Пошли.

И направился по зимнику. За ним двинулись остальные.

Сделав несколько шагов, Федя заметил впереди клочок синей бумаги. На затертом в кармане обрывке тетрадной обложки было старательно выведено крупным почерком:

ТЕТРАДЬ ПО БИОЛОГИИ
УЧЕНИКА 6-го КЛАССА «Б»
ВАСИЛИЯ КАЛАБУХОВА

— Он прошел тут совсем недавно! — возбужденно воскликнула Наташа. — Бумага сухая. А лежала она на сырой земле.

— Прибавим шагу? — живо отозвался Володя.

— Шагу, шагу! — весело поддержала его Наташа.

Идти зимником было куда легче, чем руслом ручья. Первым по-прежнему широко шагнул Федя, Володя с Петькой почти не отставали от него. Наташа держалась последней.

Шла она бодро, но все время оглядывалась. Ей казалось, что вот-вот из зелени выглянет измученная физиономия заблудившегося мальчонки.

Скоро в зарослях появились просветы. Постепенно промятый оленьими упряжками зимник расплылся в редеющем березняке. За ним виднелась низина в серебристых пятнах ягеля и каких-то кустиках, торчащих из кочек бурыми метелками. За низиной поднимался невысокий, но крутой горный кряж, кое-где покрытый снегом.

Володя остановился и горестно оперся на посох.

— Приехали! — буркнул он, избегая встречаться взглядом с товарищами.

— Быстро ты паникуешь! — одернул его Федя.

— Паникуешь! — невесело усмехнулся Володя. — Погляди. Отсюда видно до самой горы. Если б Васька вышел здесь час-два назад, мы бы увидели его на равнине.

— Возможно, мы обогнали его, — неуверенно заметила Наташа. — Мог же он остаться позади?

— Позади! — хмуро бросил Володя. — Был бы он в лесу, так давно откликнулся. Всю дорогу пели, кричали. Только из пушек не падали.

— А как же платок? — вмешался неунывающий Петька. — Обложка от Васькиной тетради?

— Может, он заснул в кустах? — сказал Володя и выразительно посмотрел в сторону Феи и Петьки. — Спят же некоторые!..

— А ну, ребята, свистим! — подала команду Наташа, не любившая попусту терять время. — Три-четыре!

На опушке поднялся такой свист и крик! На добрый километр кругом испуганно затихли птицы. Серые, в грязно-желтых пятнах пеструшки пугливо попрятались в норки. Дремавший в укрытой зеленым яме зайчишка сорвался с места. Прижав уши к спине, он пушистым серым комочком покатился в низину. А вслед ему засвистели, заулюлюкали еще громче...

Глава шестая

УЧАСТКОВЫЙ САЗОНОВ

Накричались путники до хрипоты и замолкли.

— Что ж теперь делать? — спросила Наташа. — Неужели так и вернемся ни с чем?

Никто не ответил ей.

— Мы не имеем права бросить сейчас поски и возвращаться в поселок! — горячо продолжала Наташа. Девушка не замечала, что, обращаясь к товарищам, она старалась и себя убедить в этом. — Что мы там скажем? Напали на след? Хорошо! Принесем платок и обрывок бумаги. Прекрасно! А нас спросят: «Почему вы бросили след? Кому нужен этот платок и клочок обертки от тетради?»

— Никому не нужен, — подтвердил Федя. — А если...

Он не договорил и быстрым движением руки остановил Наташу. Вдалеке, за редкими деревцами, замаячила одинокая фигура в стеганке.

— Он! — крикнула Наташа. — Васька!

И побежала навстречу. За ней припустились остальные. Последним неторопливой рысцой трусил Петька.

— Сюда, сюда! — кричала Наташа. — Э-эй!

Первым замедлил шаг и остановился Володя.

— Что за черт! — растерянно пробормотал он.

— Да-а! — разочарованно протянула Наташа. — Разбежались!

Теперь и она заметила на встречном голубой околыш милицмейской фуражки.

Один лишь Петька отнесся к неожиданному появлению милиционера по-своему.

— Ну, мне-то вовсе не хочется с тобой разговаривать, — буркнул он и свернул в кусты. Скоро его маленькая юркая фигурка пропала в зелени.

Огорченные друзья не заметили исчезновения Петьки. Сейчас их мысли были заняты другим. В подходищем милиционере они узнали участкового Сазонова.

Сазонов был в поселке человеком заметным. За глаза его ласково называли Ваней. Но, встречаясь с ним, уважительно величали Иваном Захаровичем. Привлекало симпатии пушозерцев широкое открытое лицо человека, всегда готового помочь каждому, прямой, честный взгляд. Вызывала доверие и крепкая, по-армейски подтянутая фигура милиционера. Наташе почему-то особенно запомнилась спина Сазонова — широкая, чуть сутулая — и несколько отведенные в сторону локти, отчего казалось, будто он готовится прыгнуть.

— Здравствуйте, товарищи! — Сазонов вытер большим клетчатым платком жилистую влажную шею. — Как вы сюда попали?

Наташа обрадовалась встрече с опытным человеком. Вот кто мог посоветовать, что делать дальше. Волнуясь и бросая строгие взгляды на поправляющего ее Володю, рассказала она о поисках Васьки, встрече с Петькой, о найденных в пути следах пропавшего мальчугана.

Сазонов слушал ее, слегка склонив голову, со скучающим лицом человека, которому давно известно то, о чем ему рассказывают. Внимательно осмотрел он Васькин платок, клочок тетрадной обертки и спросил:

— А где же Петька Жужукин?

— Отстал, наверно, — оглянулась Наташа. — Мы бежали к вам во весь дух.

— Отстал! — благодушно бросил Сазонов. — Знаем, как он отстал! Путаются чертенята под ногами. В субботу пришлось четверых мальчишек отправить обратно в поселок. И Петька ваш был с ними. Так нет — опять пошел в лес! Ладно. Некогда мне тут с ним возжаться. Глядите и вы! Мальчонку от себя не отпускайте. Не то придется еще и его искать.

— Парнишка хороший. — Наташа попыталась заступиться за Петьку.

— Хороший! — усмехнулся Сазонов. — Болтун! Послушайте его... Он наговорит! В мешке не снесешь. Знаю я мальчишек наших. С каждым приходилось беседовать.

Он достал из никелированного портсигара папиросу. Закурил. Лицо участкового изменилось, поскучнело, как у человека, вынужден-

ного выполнять нужную, но неприятную обязанность.

— А теперь... насчет вас скажу. — Сазонов осуждающе посмотрел на Наташу, потом на Володю с Федей. — Недисциплинированный вы народ, молодежь. Ломаете график розыска.

— Ломаем? — искренно удивился Володя. — Мы?

— Именно. Сами признаете, что вам поручили осмотреть ручей до большого камня с елкой. Стало быть, знаете свой участок поиска. А вы куда забрались? Ушли от ручья на добрых десять километров в сторону. А если считать от камня с елкой — и того больше. Как это назвать? — Сазонов нахмурился, давая понять, что возражать ему бесполезно, да и не станет он ничего слушать. — Немедленно возвращайтесь к ручью! Осмотрите свой сектор...

— Зачем нам идти к ручью! — перебила его Наташа. — Следы ведут сюда.

— Возвращайтесь к ручью! — внушительно повторил Сазонов, не отвечая Наташе. — Делайте, что вам поручено. Если у ручья никого не найдете, можете следовать в Пушозеро. Ваша задача будет выполнена полностью.

И, подчеркивая, что сказанное им не просьба и даже не совет, а приказание, он четко вскинул руку к тулье фуражки. Потом все так же сухо простился с растерявшимися новоселами и неторопливо направился дальше по опушке. Скоро его плотная фигура скрылась в зелени.

— Чепуха какая-то! — запальчиво бросил Володя. — Следы ведут сюда. А нас, в самой

вежливой форме, отправляют к сатане за блинами. На черта нам график розыска? Васька нам нужен, а не график и сектор!

— Короче. — Наташа посмотрела в разгоряченное лицо Володи. — Что ты предлагаешь?

— Искать, — подсказал Федя.

— Золотое слово! — подхватил Володя. — Идти вперед. Не отступать!

— Куда вперед? — поспешила охладить его Наташа, успевшая уже немного успокоиться. — В тундру?

— Только не в тундру, — ответил Володя.

— И не к ручью, — добавил Федя.

— Нечего Ваське делать у ручья, — подержал Федю незаметно появившийся возле него Петька. Мальчуган убедился, что Сазонов ушел, и теперь держался по-прежнему уверенно. — Нечего!

— Не в тундру и не к ручью, — повторил Володя. — А скажи-ка ты нам, отважный Д'Артаньян, где, по твоему просвещенному мнению, может быть Васька Калабухов?

— За той горой.

— Что же заманчивого нашел твой Васька за горой, с которой еще и снег-то не совсем сошел?

— Река там. Семужья.

— Семужья? — переспросил Володя, осторожно докапываясь до истины. — Судя по названию, в ней должна водиться семга.

— Есть, — кивнул Петька.

— Все понятно, — нетерпеливо вмешалась Наташа. — Чудак-Рыбак отправился на рыбалку.

— На рыбалку! — насмешливо повторил

Петька. — Скажете! Да разве ж Ваське или, скажем, мне под силу вытащить семгу? Она знаешь как бьется! А сюда доходит самая крупная семга. Меньше десяти килограмм не встретишь. А на пятнадцать-двадцать — запросто. С таким поросенком вот кому только справиться. — Петька показал на Федю. — И то если сумеет выводить рыбину. А главное... Семужья — закрытая река.

— Закрытая река? — переспросила Наташа.

— Точно, — подтвердил Петька. — Ловить семгу в ней запрещено.

— В реке запрещено ловить рыбу? — удивилась Наташа.

— А ты думала! Не только ловить. Увидят в тех местах кого со спиннингом — затаскают! А то и засудить могут.

— Увидят! — отмахнулся Володя. — Кто тут увидит? Второй день бродим — и встретили одного Сазонова. Сюда можно не только со спиннингом... с сетями прийти. И никто не увидит.

— Увидят! — не отступал Петька. — Домой пойдешь — нарвешься на милицию. А то и без милиции любой вправе спросить: «Зачем семгу поймал?» Да тот же Васька наш спросит.

— Подумаешь! Васька твой... фигура!

— Васька? Да он... член охраны природы.

— Кто? — не понял Володя.

— Есть у нас в школе кружок «Охраняй родную природу». Васька в нем состоит.

— И как же он охраняет, — заинтересовался Володя, — родную природу?

— А запросто. Увидит, кто из ребят зорит птичьи гнезда, и нашвыряет ему по шее.

— Гм! — Володя деланно нахмурился. — Это у вас уставом кружка предусмотрено: швырять по шее?

— А чего? — взъерошился Петька. — В уставе сказано: «Всячески воздействовать на разрушителей». Всячески. Понял? А как по шее надают... Знаешь, как это воздействует! Хорошо!

— Скажи-ка лучше, — вмешалась Наташа, — куда ты делся, когда к нам подошел милиционер?

— Ягоды в кустах приметил. — Петька кивнул в сторону зарослей. И для большей убедительности добавил: — Во-он там!

— Ягоды? — недоверчиво переспросила Наташа. — Не рановато ли у тебя ягоды созрели?

— А чего рановато? — обиженно запротестовал Петька. — Клюква там. Прошлогодня.

— Ты нам клюкву не разводи! — одернул его Володя. — Увидел милиционера — и в кусты.

— Боялся я милиционера! — буркнул Петька баском.

— Расскажи-ка лучше, что ты натворил? — не отставала от него Наташа.

— Ничего не натворил...

— И не удирал от Сазонова?

— Удирал? — Петька изобразил на лице самое неподдельное изумление, а затем и негодование. — Да я полную неделю его не видел! Больше даже, И нечего ему выдумывать. Удирал!

— Чем же ты ему так не понравился? — продолжала допрашивать мальчишку Ната-

ша. — Не понравился так, что он даже «выдумывает» на тебя.

— Не понравился... — Петька помолчал, обдумывая, как бы ответить поубедительнее. — А вы не верьте Сазонову. Кривой он человек!

— Кривой?

— Точно.

— Почему же он кривой?

— Потому...

— Тайна?

— Тайна.

Решительный тон Петьки обескуражил Наташу. Заметив это, Володя поспешил к ней на выручку.

— Между друзьями, товарищ Д'Артаньян, тайн не бывает, — сказал он. — И потом, вы нарушаете добрые правила мушкетеров. Отважный Д'Артаньян бесстрашно дрался со шпионами кардинала Ришелье и с гвардейцами Карла Первого. Но он никогда не ссорился с доблестной советской милицией.

Петька понял из речи Володи о достоинствах Д'Артаньяна очень немного, но зато самое главное: нельзя скрывать тайну от друзей.

— Если б моя была тайна! — хмуро обронил он и испытующе посмотрел на новоселов: как они отнесутся к его словам.

— А чья же? — не отставал Володя.

— Васькина.

— А мы кого ищем? — уточнила Наташа. — Ваську. Значит, нам надо знать его тайну. Может, тогда скорее найдем твоего друга. — Она заметила, что Петька колеблется, и настойчиво продолжала: — Кроме нас троих, никто о Васькиной тайне не узнает.

— Никто?

— Никто.

— И смеяться не будете?.. Над тайной?

— Не будем, — торжественно обещала Наташа.

— Говори!

— Честное комсомольское!

Петька все еще недоверчиво смотрел на обступивших его новоселов. Подумал. Честное комсомольское дают! Нельзя не верить. Да кто их знает! Потом скажут: не тебе, пионеру, брать с нас честное комсомольское слово. А тайной можно задеть их любопытство только один раз.

В глазах Петьки неожиданно вспыхнула знакомая лукавинка.

— Дайте мне еще честное пионерское! — выпалил он.

— Зачем же тебе еще и честное пионерское? — удивилась Наташа.

— Дайте, — уперся Петька. — Хуже не будет.

— Ну как? — Наташа обернулась к друзьям. — Дадим?

— Даем, — бухнул баском Федя.

— Честное пионерское! — серьезно произнес Володя.

И все трое хорошо знакомым движением подняли над головой руку, салютуя Петьке.

— А теперь садись, рассказывай, — сказал Володя.

Он сбросил со спины рюкзак и опустился на подвернувшийся камень, разминая затекшие плечи. За ним и остальные устроились поудобнее в кружок, приготовились слушать.

ТАЙНА ВАСЬКИ КАЛАБУХОВА

Петька достал розовую расческу и, приглаживая волосы, начал свое повествование издалека.

— Вот вы глядите на меня и думаете: какая может быть тайна у Васьки Калабухова? А вот и есть! И даже важная тайна.

Мальчишка замолчал и посмотрел на своих слушателей. Лица у них оставались внимательными и серьезными. Петька решил, что своим вступлением достаточно подогрел интерес к Ваське, и приступил к рассказу.

— Самое любимое занятие Васькино — рыба. Не скажу, что он ловок ее ловить. Нет. Ловит он так себе, похуже других ребят. Любит Васька смотреть, как живет рыба в ручье, в реке, в озере, как она кормится. Бывает, день полный проходит Васька по озеру с удочкой и ни одной рыбки не вытащит. За это и прозвали его ребята Чудак-Рыбак. С удочкой бродит, а рыбу не ловит... Прошлый год собрал у нас учитель биологии кружок и назвал его: «Охраняй родную природу». Значит, чтобы сами ребята охраняли все это.

Петька широким движением руки показал на редкий лесок, низину, недалекие горы.

— Васька сразу поступил в тот кружок. Первым делом он наломал бока Витьке Дергачеву. Чтоб не зорил птичьи гнезда. Потом увидел он, как завгаражовский Мишка ловил ситом мальков в заводи. Васька сказал ему: «Не тронь мальков». А Мишка хоть бы что! Ловит! Васька ему: «Брось, говорю, по-хорошему, ло-

вить-то». А Мишка ловит — и все. Вырезал Васька лозину подлиннее. Выждал, пока Мишка нагнулся, да ка-ак врежет ему по голому месту. Мишка аж подпрыгнул. И сито выронил. А Васька, не говоря худого слова, вытянул его прутом поперек спины да еще добавил. С той поры Мишка больше мальками не балуется. Даже сита в руки не берет... А потом получились у Васьки неприятности с участковым нашим. Обратно через рыбу.

— Какие неприятности? — незаметно поторопила рассказчика Наташа.

— А вот какие. Приходит Васька как-то к Сазонову. Мать его послала. Молоко отнести. Видит Васька: на столе лежит спиннинг. В сенах он приметил: висят на гвоздях три свертка, завернутые в белые тряпки и обмотанные веревками. Васька сразу смекнул: «Семгу солил!» И тут же подумал: «А где Сазонов ловит семгу? В озере ее нет. В ближние ручьи она не заходит...»

— Неужели нельзя семгу ловить? — не выдержал Володя, давний и страстный рыболов.

— В других местах можно, — ответил Петька. — Только по особому разрешению. А на Семужьей реке — зона! По-вашему — заповедник. Никаких разрешений на семгу не дают у нас. Вот Васька и стал думать: откуда Сазонов носит семгу? И сколько не думал он, — получалось, что кроме, как на Семужке, взять ее нигде.

Пошел как-то Сазонов в тундру. А Васька по-соседски приметил, что больно много набрал тот в заплечный мешок, — и за ним. Сазонов в лес — Васька за ним. Сазонов в горы —

Васька не отстаёт. Вышел Сазонов на Семужку — а следом и Васька.

А на Семужке ждали Сазонова два гаврика. Один с бородкой такой вот, лицо длинное... На козла похож. Только рогов не хватало. Другой мордастый из себя. Вроде Барбоса нашего. Заготовили они на бережку дровишек. Костерок развели. Только пришел Сазонов, даже не отдохнул с дороги, как собрались они ловить. Даже не ловить, а бить семгу острогами. Возле них уже были сапоги резиновые высокие, остроги трехзубые. Захотелось Ваське поглядеть на ихнюю снасть. Какая она! Подобрался он поближе к костру, оперся на березку и хотел выглянуть из зелени. И как на беду, не заметил Васька, что березка-то трухлявая вся. Сверху она вроде ничего. Под берестой гнильца-то не видна. Васька засмотрелся на остроги, навалился на деревцо... оно и хрупнуло. А Васька брякнулся наземь.

Вскочил Сазонов и гаврики эти. Погнались за Васькой. Кричат: «Сто-ой! Стой!» Но Васька-то не дурак — стоять, когда за ним гонятся. Нырнул в кусты. Сазонов за ним. Только по частым зарослям не больно-то разбежишься. Да и не видно в них на шаг уже. Ушел от них Васька да прямым ходом в поселок.

Воротился он с Семужьей реки. Голодный, тощий! Была-то у него с собой буханка хлеба да соленых сигов три штуки. И все! В поселке Васька первым делом пошел к учителю биологии. Рассказал ему, что на Семужке милиция семгу острожит. Только учитель и слушать его не стал. Давай отчитывать Ваську. Зачем самовольно пошел на Семужью, мать напугал.

то да сё... Ну, сами знаете, что учителя говорят. Васька даже захворал. Полную неделю пролежал. Говорят: простыл. А я так полагаю: от расстройства.

Поправился Васька. Пробовал он с другими говорить о Сазонове. Обратно не верят. Видит Васька: ничего у него не получается. И слушать его никто не хочет. Он притих. А как стало потеплее, взял Сазонов отпуск на два месяца и поехал отдыхать. Вот и сказал мне Васька: «Все равно поймаю его. Пускай не думает, что если он в милиции, так ему можно безобразничать».

С той поры прошло побольше месяца. Сазонов раза два появлялся в поселке и обратно уходил в тундру. А я, как услышал, что Васька пропал, так и сказал себе: «На Семужку пошел». Ну и я за ним. А тут Наташа нашла платок Васькин, потом обложку с тетради. Если мы не найдем Ваську на Семужьей реке... рубите мне голову сразу. А на ручей оглядываться да по лесу лазить нам нечего...

— Что ж, по-твоему, надо делать? — спросил Володя.

— Ходом идти на Семужку, — не задумываясь, отрезал Петька. — Васька сам рассказывал мне, что Сазонов ловит семгу на излучине, что под самым Чертовым Пальцем.

— Под Чертовым Пальцем? — повторила Наташа. — А как мы найдем этот Чертов Палец?

— Нечего и искать! — убежденно ответил Петька. — Через горы пройдем. А там недалеко. За той горой сразу увидим и Чертов Палец и Семужку. Все увидим. Прежде саамы боя-

лись чертей и не гоняли олешек в сторону Чертова Пальца. А теперь они ничего... Не бояться. Но олешек туда обратно не гоняют.

— Вот это здорово! — заметил Володя. — Не бояться, но и не гоняют.

— А чего туда гонять? — возразил Петька тоном знающего человека. — Большому стаду там не развернуться. Скалы да чащоба кругом. В зарослях волки. Это похуже чертей. От волков оленей никак не спасешь. — Петька оборвал свой рассказ и продолжал уже другим, почти просящим тоном: — Надо поскорее идти на Семужку. Сами видите: крутится тут Сазонов. А чего он крутится? Чего ищет?

— Ваську, — сказала Наташа.

— Нужен ему Васька, — сердито бросил мальчуган, — что козлу балалайка! Почему он гонит нас отсюда? Почему к ручью посылает? Васька-то здесь. Чует Сазонов. Не хочет он, чтобы вы тут с Васькой встретились. Бойтся!

Рассказ Петьки усилил сомнения, появившиеся у Феди после короткой встречи с Сазоновым. Петька заметил это и, обращаясь почти к одному Феде, понизил голос до таинственного шепота:

— Там, на Семужьей реке, они творят дела. Сколько втроем-то семги изведут? Икрыной! Да еще острогами. Дадут они рыбке прикурить! Сколько ее порвут, покалечат острогами! Ладно! Васька все одно захватит их там. Выведет на чистую воду!

— Кто ж ему поверит? — охладила разгорячившегося мальчугана Наташа. — Чтобы милиционер... — Ей припомнилось открытое,

неизменно приветливое лицо Сазонова, и она закончила уверенно: — Не может быть!.. Заврался твой Васька.

— Не верит! — огорченно воскликнул Петя-ка.

— Не верю, не верю! — убежденно твердила Наташа. — Чтобы милиционер занимался браконьерством? Ни за что не поверю!

Володя снисходительно посмотрел на нее и спросил:

— Ты полагаешь, что если кто-то надел милицейскую фуражку, так он сразу получил патент на непогрешимость?

Наташу задело прозвучавшее в голосе Володи превосходство, и она насмешливо отпарировала:

— У тебя свои счета с Сазоновым. Кажется, это он беседовал с тобой насчет коменданта общежития, магарыча?...

— Счеты? — вспыхнул Володя. — Мои счета с любым, кто нарушает закон! А если человек прикрывает свои безобразные проделки государственной формой — тем хуже. — Он помолчал немного и твердо произнес: — Пойдем на Семужку. Все!

— Скорый ты! — Наташа тряхнула головой, будто хотела отбросить назад нависшую над глазами прядку. — На Семужку! А кто за нас работать будет?

— Работать? — Володя запнулся, но тут же убежденно продолжал: — Что ж! Давайте бросим след и вернемся в Пушозеро. Туда почти два дня ходу. Да столько оттуда. Четыре пропавших дня поисков. Да и кто пойдет искать мальчишку? Такие же, как и мы с

тобой. — Володя встал. Голос его зазвучал строго, почти торжественно: — Забыла ты, Наташа, как наше правительство отправило к Северному полюсу целую экспедицию, с ледоколом и самолетами! Искать какого-то итальянского фашиста Нобиле. В экспедиции люди были. Им тоже надо было работать.

— Забыть это я не могла, — спокойно возразила Наташа. — Не могла по той простой причине, что экспедицию Нобиле искали за пять лет до нашего рождения. И вообще мне помнится, что мы вместе с тобой читали о ней.

— Кстати! Совсем недавно ты очень убедительно доказывала нам, что бросить поиски и возвращаться в поселок мы не имеем права; говорила, что это преступление. — Володя взглянул на смущенную девушку, а затем медленно и внушительно произнес: — Ловят на реке семгу или не ловят — я не знаю. Ясно одно: Васька пошел на Семужью.

— Значит, и нам надо туда же, — заключил затянувшийся спор Федя.

Володя бросил в его сторону благодарный взгляд и решительно вскинул за плечи рюкзак.

— Постой-ка... — задержал его рукой Федя. — Не так быстро.

И показал посохом в сторону низины. Вдалеке виднелась одинокая фигура с заплечным мешком на спине.

— Сазонов идет к Семужьей! — быстро вставил Петька.

— Переждем немного, — спокойно сказал Федя.

— Не стоит попадаться ему на глаза, — согласился с ним Володя. — Опять станет цепляться.

— А чтоб не терять даром времени, перекусим, — примирительно предложила Наташа. — Да и отдохнуть не мешает. Садись, ребята!

Глава восьмая

ЧЕРЕЗ ГОРЫ

Четыре путника шли по неширокой мшистой низине. Длинной полосой тянулась она между прикрывающим ручей мелкоколесьем и невысоким горным кряжем. Словно вылитый из сплошного крепкого камня, тянулся он с севера на юг и вдалеке постепенно переходил в мягко закругленные серые сопки. Из-за крутой седловины в кряже выглядывала голубоватая от туманной дымки гора с отвесным темным обрывом. А на самой вершине ее — округлой, похожей на лысую голову, стояла торчком острая ребристая скала. Будто разыгрался какой-то озорной богатырь, поднял громадную скалу под облака и с размаху всадил ее в вершину горы.

Путникам было не до красот горной тундры. Вzbираться по крутому склону становилось все труднее.

Выручал товарищей Федя. Несмотря на свой внушительный вес, он легко карабкался, умело выбирая удобные для подъема места. Прижимаясь всем телом к холодному камню, Федя первым взбирался на ближайшую складку в горе. Надежно укрепившись там, он про-

тягивал товарищам свой посох. Придерживаясь за поданное древко, осторожно подтягивалась к нему Наташа, за ней — Петька. Володя помогал им снизу, а сам поднимался последним.

Скоро усталые путники не видели уже ничего, кроме ближайшей складки в камне, где можно было остановиться, перевести дыхание. И когда они выбрались к седловине, все облегченно вздохнули. Еще сотня шагов — и перед ними открылся крутой спуск, обрывающийся у глубокой темной пропасти. Отсюда совсем недалеким казался склон противоположной горы. Колоссальная глыба серого в крапинку гранита наплыла на темный, почти черный базальт. Между гранитом и базальтом оставался довольно широкий природный карниз, кое-где еще запятнанный серыми лепешками талого снега. В чистом горном воздухе отчетливо видна была каждая трещина, каждый излом в камне, даже темные жилки, кое-где прорезавшие гранит. Оживляли скалистый склон цепляющиеся за каждый выступ или неровность крохотные березки да лишайники, расписавшие тончайшими кружевными узорами места, недоступные ни человеку, ни зверю, даже птице. Сверху казалось, что обе горы составляют единое целое. Нарушала это единство разделявшая их пропасть. Когда-то, много тысячелетий назад, могучий толчок расколол гору надвое, разделил узкой пропастью ущелью, настолько глубокой, что в нее никогда не заглядывало солнце и круглый год лежал снег...

Первым поднялся Федя. Посмотрел на то-

варищей, как бы спрашивая их взглядом: «Ну как? Отдохнули?»

Встали и остальные. Осторожно, опираясь на посохи, спускались они к чернеющей внизу пропасти.

Спуск оказался если не тяжелее, то во всяком случае опаснее подъема. Посохи работали почти непрерывно. Острые стальные наконечники упирались в еле приметные бугорки, изломы. Особенно осторожно приходилось двигаться там, где камень порос лишайниками. Стоило тут поскользнуться, не устоять на ногах — и на гладком крутом склоне не за что было бы задержаться до самой пропасти...

— Глядите! — Петька показал рукой на острую скалу на вершине противоположной горы, примеченную его спутниками еще из низищ. — Чертов Палец!

Ребристая плоская скала ничем не походила на палец. Скорее она напоминала широкую плотную ладонь с неловко оттопыренным в сторону большим пальцем, высунувшуюся из вершины горы в страшном усилии. В ее грубых очертаниях было что-то тягостное, тревожное, она будтозывала о помощи.

— Пойдите-ка... — задержал Федя товарищей.

Чертов Палец напомнил ему о необходимости при спуске осторожности. Федя достал из кармана рюкзака моток тонкой, но крепкой веревки. Концом ее обвязался сам, потом помог обвязаться Наташе и Петьке. Последним по-прежнему держался Володя. Теперь двигаться стало легче. На трудных местах товарищи поддерживали друг друга, подтягивая

к себе веревку, страховали на случай, если кто из них поскользнется или сорвется с кручи.

Чем ближе подходили путники к Чертову Пальцу, тем больше оживлялся Петька. Слушая его, можно было подумать, будто в тени ребристой скалы уже сидит Васька Калабухов и ждет своих спасителей. Скоро в голосе мальчишки уже появились даже командные нотки.

— Пошли направо! — кричал он. — Переход же там! Через пропасть. Видите, нет?

Как ни всматривались новоселы, никакого перехода они не замечали.

Скоро маленькая группа добралась до места, куда с такой горячностью тянул ее Петька. Путники остановились в неглубокой естественной вмятине в склоне горы. Из пропасти веяло холодом и по-зимнему крепко пахло снегом. В нескольких шагах от них залежавшийся в тени снег широким пластом перекинулся с обрыва, к которому вел склон, на карниз противоположной горы. Но какой же это переход?

— Нет, — покрутил головой Володя, — здесь нам не перебраться на ту сторону.

— Перейдем! — задорно потрянул ушами шапки Петька. — Запросто перейдем.

— Ты-то почему уверен, что перейдем? — с сомнением переспросил Володя.

— Сазонов тут переходил, — ответил Петька. — А за ним и Васька. Он сам рассказывал мне, на истории, как пробирался за Сазоновым по этим горам.

— Проверим, — сказал Федя.

И, не обращая внимания на пыльные заве-

рения Петьки и его ссылки на Ваську Калабухова, он привязал топорик за конец веревки и несколько раз забросил его на снежный мост. Топорик оставался на плотном насте. А когда его подтягивали, за ним тянулась по снежной корке еле приметная царапина.

Потом Федя снова взялся за веревку. Прежде чем пойти кому-то по ненадежной переправе, следовало связаться покороче. Не выдержит снежный мост, рухнет — товарищи подхватят сорвавшегося и втянут обратно на обрыв.

Однако вера Петьки в непогрешимость Васьки Калабухова оказалась сильнее разумной осмотрительности Феди. Не дожидаясь своих спутников, мальчуган смело перебежал по снежному мосту. Уже стоя на карнизе, он, заодно приплясывая, запел:

Нам не страшен серый волк!
Серый волк! Серый волк!..

И горное эхо гулко отвечало ему из пропасти:

— ...О-олк! ...О-олк! ...О-олк!..

Володя смотрел на озорного мальчишку горящими глазами. Ему и самому хотелось, вот так же, как Петька, ветерком промчаться по снежному мосту, ощущая приятный и острый холодок под ложечкой, а потом, когда опасность останется за плечами, глубоко и облегченно вздохнуть. Володя осмотрел край снежного моста, даже потоптался на нем и понял, почему так прочен снег, соединяющий обе стороны пропасти. Когда-то метель случайно перебросила через пропасть легкую

снежную арку. В оттепель снег стал подтаивать, оседать. Затем его прихватило морозом. Опять шел снег, и снова его осаживала оттепель, а мороз покрывал коркой льда. Так, слой за слоем, наращивались плотный крепкий снег и ледяные корки, пока не образовался этот своеобразный мост. Сколько лет стоял он здесь и сколько еще простоят?..

Все это Володя понял. Но побежать за Петькой не мог. Нарушение порядка в пути издавна считалось у друзей самым тяжким проступком. Он вздохнул и безропотно дал Феде обвязать свою грудь веревкой.

Утешился Володя тем, что первым — после Петьки — прошел по опасному переходу. Спустившись на карниз, он подождал Наташу. Вдвоем они прижались спиной к каменной стене, уперлись ногами покрепче и крикнули Феде:

— Поше-ол!

Не подвел Васькин мост. Федя прошел благополучно.

Идти каменным карнизом, чуть заметно спускавшимся к югу, было легко. Порой здесь даже шли по-двое. И тут снова заговорил всех Петька, неумеренно прославляя Ваську Калабухова.

Беседуя, путники вышли к месту, где пропасть раздвоилась. Направо она резко расширилась и приоткрыла далекую, чуть тронутую палевой дымкой сопку. Узкая же часть ее свернула налево и скоро перешла в крутую ложбинку, зажатую между округлыми скатами. Усталые путники поднялись ложбинкой — и перед ними открылась неширокая

бурливая река. За ней виднелась равнина, покрытая серебристым ягелем. Ниже по течению на равнине рассыпались бурые пятнышки.

— Смотрите, смотрите! — закричала Наташа. — Олени! Право же, олени!

— А чего смотреть? — пренебрежительно пожал плечами Петька. — Олени! Пригонят их в поселок на мясо — тогда насмотритесь досыта.

— Сразу видно защитника природы! — одернула зарвавшегося мальчишку Наташа. — Васька твой следит за какими-то мальчиками. А ты? Даже в оленях не видишь красоты.

— Красота! — буркнул Петька и машинально достал из кармана расческу: — Какая в оленях красота? Вонючие они. Бараны и те интереснее. Дерутся так... Лбы трещат!

Наташа возмущенно отвернулась. Трудно было ей, только что приехавшей из Подмосковья, понять, что для мальчишки, выросшего в тундре, обыкновенный индюк был куда интереснее оленей. Оленей Петька частенько видел в поселке, а индюка только на картинках.

Но для Наташи олени на воле, в родной для них обстановке были новинкой. И девушка никак не могла оторваться от широко рассыпавшегося за рекой стада.

— Пошли, что ли? — недовольно бросил Федя. — Сколько можно смотреть!

...Час спустя умывшиеся и сытые путешественники крепко спали на берегу Семужьей, под мягко греющим солнцем.

КРАХ

Маленький лагерь укрылся от ветра в густых зарослях серебристого ивняка, окаймляющих левый берег Семужьей. После тяжелого перехода путники решили устроить большой привал, как следует отдохнуть, а потом подумать, что делать дальше. Они лежали на одеялах, разостланных на мелкой гальке, неширокой полосой отделяющей ивняк от реки.

Володя мечтательно посматривал на бурлящую на быстрине, у камней, воду. Стремительная Семужья не давала покоя сердцу рыболова, соблазняла богатой добычей. Но заговорить об этом после внушительного предупреждения Петьки он не решался. Борясь с соблазном, Володя отвернулся от реки и принялся с усмешкой разглядывать заросли.

— Ну и леса здесь! — Он поморщился.

— А чего? — повернулся к нему Петька. В голосе мальчишки прозвучала обида. — Лесок хорош. Недаром его ягода любит. Пройди-ка по нашему леску ближе к осени. Голубики в нем, черники — силища! А зимой!.. — оживился Петька. — Войдешь в лес. Встанешь. Тихо кругом. С деревьев серебриночки падают. Стоишь, глядишь... Вроде в сказку попал. Березки оголились, присели в снежок — и будто уж не березки стали: тут зайчишка ушки поднял, там белка невиданная беленькая, подальше девочка согнулась, а над ней старик вроде деда-мороза стоит. Пеньки шапки снежные понаденут — и станут... вроде

грибов. И у каждого шапка по-своему. Один нахлобучил ее поглубже, у другого она на бок съехала, третий сам длинный, а шапочка на нем махонькая! А промеж ними зверина небывалый: шесть лап растопырил и две головы в разные стороны выставил. И все-то на солнышке серебряное, блестит. Точно, как в сказке.

— Сказка сказкой, — заметил Володя, — да удилица в твоём сказочном лесу не вырежешь.

— Не вы-режешь? — протянул Петька. — Да вон ива. Знаешь, какая она крепкая! А что, короткое удилице еще лучше. С камня ловить и таким хорошо.

— Может, половим? — не выдержал Володя.

— А что скажет Васька Калабухов? — улыбнулась молча слушавшая спор Наташа и посмотрела на Петьку.

— А ничего не скажет! — живо откликнулся тот.

— Поймает он всех нас и доставит с позором в поселок, — не унималась Наташа. — Вот картина-то будет! Да еще и ты с нами. Защитник природы!

— Горе нам с твоим Васькой! — стараясь держаться серьезнее, вздохнул Володя. — Ищи его, да еще и бойся. Выведет он всех нас на чистую воду.

— Ничего не выведет! — Петька уже сидел на одеяле. — Мы-то не семгу станем ловить? Кумжу, форель, хариуса. Они тут вредные. Пожирают семужью икру.

— Что ж! — подхватил Володя, доставая

из рюкзака жилку и крючки. — Накажем кумжу за коварство? Чтоб не пожирала семужью икру?

— Если ловить внахлест, — деловито продолжал Петька, не обращая внимания на шутки Наташи и Володи, — можно за час натаскать мелкой форели и кумжи на уху. Знаешь, как она берет в таких речках!

— А я как раз прихватил крючки с искусственными мушками, — сказал Володя, незаметно разжигая охотничий азарт мальчугана. — Гляди!

Петька осмотрел с видом знатока поданный ему крючок и веско заметил:

— В самый раз.

Дальше все пошло быстро. Вырезали гибкие и крепкие ветви ивы. Снарядили удочки.

Прыгая с камня на камень, Володя забрался на большой плоский валун, одной стороной уходивший под воду. Поплевал на крючок и забросил его на быстрину.

Уже на втором броске тонкая жилка резко выпрямилась и пригнула гибкое удилище. Конец его ушел под быструю воду, оставив на поверхности ее длинные дрожащие усы.

Володя подсек добычу и выбросил на камень трепещущую пятнистую рыбку.

— Кумжа! — закричал Петька, устроившийся неподалеку от Володи. Мальчуган ухитрился следить не только за своей удочкой, но и за Володиной. — Хороша кумжишка!..

Но тут его крючок скрылся под водой. Подсечка — и добыча в руках.

— Форель! — громко объявил Петька. — Побольше твоей кумжи-то!

Клевало бойко. Володя с Петькой перебра-
сывали пойманную рыбу на берег. Хозяйст-
венная Наташа подбирала ее и тут же чистила.

Клев оборвался неожиданно. Послышались
удивленные голоса рыболовов. Особенно воз-
мущался Петька. Куда девалась рыба? Сго-
ворилась она не клевать, что ли?

Наташа поставила варить уху и присела
у костра. Глядя на закопченный котелок, она
подумала: «Надо бы почистить его».

Песка поблизости не было. Наташа осмот-
релась и заметила в стороне выглядывающую
из-под галечника узкую песчаную косу. Глу-
боко увязая в мелких, скрипящих под сапога-
ми камешках, подошла она к косе и остано-
вилась, удивленная, перед ямой, полной крупных
раковин. Вокруг ямы на разрытом и уже под-
сохшем песке виднелись отпечатки лап, похо-
жие на собачьи.

«Неужели песцы? — подумала Наташа,
присматриваясь к следам. — Интересно!»

Под ногами у нее валялись вылизанные
дочиста крупные раковины. Покрывающая их
снаружи черная кожа присохла и почти не
поддавалась ногтю. Внутренняя сторона рако-
вин мягко переливалась нежными оттенками
голубых и розовых тонов.

Наташа зачерпнула алюминиевой круж-
кой чистого песка. Заодно она решила при-
хватить и несколько раковин. Неплохо прине-
сти ребятам в общежитие подарок из тундры.
Чем не пепельницы!

Девушка отобрала несколько раковин по-
красивее и сунула их в карман лыжных брюк.
Возвращаясь к костру, Наташа заметила, что

Федя стоит на берегу и с интересом всматривается в воду. Застыли на своих валунах и рыболовы.

— Семга идет! — крикнул Володя. — Сколько ее тут!

Наташа подбежала к реке — и замерла с кружкой в руке. Мимо нее стремительно проносились сильные крупные рыбы. Быстрина на середине реки местами вскипала под напором рвущейся вверх по течению семги. А снизу подходили новые стайки, обгоняли одна другую с такой торопливостью, будто спасались от преследования лютых врагов.

От проходившей мимо стаи отделились три большие семги. Одна из них бестолково металась недалеко от берега, разыскивая что-то между камнями. Порой она, чуть шевеля плавниками и хвостом, опускалась головой к самому дну, будто принюхивалась к устилающему его мелкому галечнику. И вдруг, сильно ударив хвостом, семга отлетала вверх и снова принималась за поиски.

Остановилась она в быстрой струе между двумя валунами. Потом медленно опустилась на дно. Энергично работая плавниками, брюхом и хвостом, рыба раскидала мелкий галечник, добралась до песка и принялась рыть в нем ямку. Взбаламученный песок клубящимся шлейфом тянулся от работающей самки по течению, заставляя идущую вверх рыбу сворачивать в сторону, в чистую воду.

Два самца в брачном наряде — украшенные по бокам ярко-красными пятнами — возбужденно кружили вокруг роющей самки. Движения их становились все быстрее, пово-

роты неожиданней и резче. Порой над бурлящей водой показывались острые плавники и взгорбленные темные спины. Постепенно накапливая боевой пыл, самцы сближались все больше. И вдруг один из них волчком повернулся на месте и ударил соперника острым рылом в бок.

Начался брачный бой. С громадной скоростью носились соперники, наносили друг другу удары, от которых над местом схватки громко бурлила вода, увертывались и снова кружили, выискивая у противника незащищенное место.

Скоро они забыли о всякой осторожности. Удар следовал за ударом. Сила их все нарастала. Один из самцов не выдержал напряженной схватки. Стараясь отдохнуть, набраться сил, он уходил от наседающего противника крутыми зигзагами. Соперник настиг его недалеко от берега и с ходу нанес такой удар, что тот стремительно вылетел из воды и тяжело плюхнулся обратно, взметнув вспыхнувшие на солнце брызги. Но отступать он не собиравшись, — мгновенно выровнялся и помчался навстречу противнику. Полные ярости самцы сшиблись с такой силой, что оба показались над водой. Мелькнули в воздухе широкие хвосты, плотные спины, и схватка разгорелась с новой силой.

Разгоряченные боем соперники потеряли друг друга и заметались вокруг самки, пока не встретились снова. Один из них, уклоняясь от встречи, обогнул большой камень, мгновенно повернулся и понесся навстречу противнику. Он мчался с такой скоростью, что за ним

по поверхности воды бежала узкая кипящая дорожка. Он уже почти настиг врага, когда тот согнулся в тугое кольцо и, ударив хвостом, выбросился из воды. Нападающий стремительно пронесся под ним и со страшной силой ударился острым носом об камень. Оглушенный, он перевернулся брюхом вверх, с широко раскрытой пастью и беспомощно растопыренными плавниками. И тут на него обрушился соперник. Полный сил и жажды боя, он наносил оглушенному противнику удар за ударом, все чаще попадая в чувствительное брюхо. Побежденный уже не защищался. Из последних сил старался он уйти от расправы, бежать. Но, обессиленный и ослепленный непрерывным натиском врага, только вяло и бес толково метался неподалеку от самки, чем еще больше подогревал ярость победителя. А тот легко настигал побежденного и бил; бил ожесточенно, бил, пока окончательно обессиленный, израненный соперник последним отчаянным рывком не выбросился на мелководье.

Победитель носился толчками по кругу, то развивая предельную скорость, то замирая на месте. Постепенно приближался он к завоеванной в жестоком бою самке, продолжавшей трудиться в заметной уже ямке. Еле шевеля плавниками, самец остановился неподалеку от нее — грозный, готовый встретить нового соперника и так же жестоко биться с ним за продолжение своего рода...

Огромная семга с широко разинутой зубастой пастью лежала в мелкой воде, у самого берега. Из-под часто работающих жаберных

крышек алыми нитками проступала кровь, расплываясь в воде тающей розовой дымкой. На глазах у подоспевших рыболовов тускнели красные пятна, на боку у семги — яркий брачный наряд сменялся серым, смертным. Могучая еще недавно рыба ела шевелила плавниками. Какая-то непреодолимая сила переворачивала ее брюхом кверху, не давала уйти на глубину и там спокойно умереть.

— Карачун семге! — грустно подвел итоги речного боя Петька.

— В котел-то она как, годится? — поинтересовался менее чувствительный и более практичный Федя. — Если сварить ее?

Не обращая внимания на укоризненные взгляды Петьки и Наташи, он ухватил победенного самца под жабры и вытащил из воды.

— Ого-го! — с уважением произнес Федя. — Рыбешка!.. Пудишко потянет!

— Ой! — всплеснула руками Наташа. — Уха моя!

Уха действительно перестояла на огне. И все же она оказалась замечательной. Пускай разварилась мелкая нежная кумжа и форель! Неважно, что юшка припахивала горьковатым ивовым дымком! Все жадно набросились на еду. Один лишь Петька горестно посматривал на свою лопаточку. Уха для него оказалась недоступной.

— Садись, рыболов! — Наташа протянула ему свою ложку.

— А как же ты? — замялся Петька.

— Я уже поела, — ответила Наташа, стараясь не смотреть на душистую, подернутую

янтарной пленкой уху. И для большей убедительности добавила: — Поела, пока стряпала.

Проголодавшийся мальчуган не почувствовал фальшивинки в голосе Наташи, не заметил, как она взглянула на аппетитно дымящийся котелок. Он взял ложку, втиснулся между Федей и Володей и принялся за еду.

...Уха в котелке убывала быстро — ложки уже доставали дно. За едой завязался неторопливый разговор о речном бое и случайно доставшейся ребятам богатой добыче — семге.

Вдруг Петька бросил ложку и крикнул: — Сазонов идет!

Укрываясь за спинами товарищей, он проворно нырнул в густой ивняк.

Все невольно опустили ложки и посмотрели, куда показал Петька. По берегу, в сторону лагеря, степенно шли трое в милицейских фуражках и стеганках. В переднем уже можно было узнать Сазонова.

Участковый подошел к костру. Поздоровался. Спутники его отстали, задержались у песчаной косы, где недавно побывала Наташа.

— Присаживайтесь, — пригласила она участкового и показала на котелок.

Но, взглянув на Сазонова, девушка почувствовала смутное беспокойство. Обычно приветливое лицо милиционера сейчас было суровым, отчужденным.

— Дорога́ ушица ваша! — пошутил он, жестко, без улыбки и показал кивком головы на принесенную Федей семгу. — Попрошу вас собраться.

— Собраться? — удивленно переспросил Володя. — Куда собраться?

— Придется доставить вас... на предмет составления акта.

— Акта? — Володя пожал плечами. Ему все еще казалось, что участковый шутит. — Какого акта?

— За незаконную ловлю семги в нерестилище, объявленном постановлением правительства государственным заповедником.

— Какой семги? — попробовала возразить Наташа.

— Отличной! — Участковый слегка коснулся носком хромового сапога выпуклого бока рыбины. — Штучка! Килограмм на пятнадцать потянет.

Новоселы принялись наперебой уверять его, что ловили они кумжу и форель, показывать удочки. Рассказали и о речном бое...

Сазонов стоял с невозмутимым видом человека, слышавшего подобные нелепые оправдания уже много раз и которому просто неловко даже, что взрослые люди пытаются так наивно его провести.

Отчаявшись убедить участкового в том, что произошло недоразумение, Володя привел последний и, как казалось ему, совершенно неотразимый довод:

— Вы же прекрасно знаете, что нас послали искать пропавшего мальчишку?

— Вас послали на поиски. Не спорю, — ответил наконец Сазонов. — А вы?.. Самовольно бросили свой сектор розыска и отправились сюда заниматься браконьерством. Я предложил вам немедленно вернуться к ручью. Вы не выполнили моего требования, а если хотите — даже приказа. Не выполнили

потому, что не поиски вам были нужны, а вот что...

И он снова слегка пнул носком сапога семгу.

— Но вы же слышали... — начал было Володя.

— Слышал одно, а вижу совсем другое, — все так же без улыбки, холодно пошутил Сазонов. — Не тяните время. К утру нам нужно выйти к ручью.

Володя переглянулся с Наташей. Все их доводы разбивались о непоколебимую убежденность участкового. Застигнутые врасплох, они даже не могли посоветоваться, как им держаться перед своим обвинителем. «Улика» — семга — лежала рядом. Уху почти съели. Все обернулось против них. Но хуже всего было другое: в поселке никто их не знал, в то время как Сазонов пользовался там большим доверием и уважением. Как опровергнуть оскорбительное и тяжкое обвинение в том, что они вместо поисков пропавшего мальчишки отправились ловить семгу? Чем? Во всяком случае, не упорством. Понимая это, никто из новоселов все же не решался подняться первым.

— Шевелитесь! — прикрикнул на них один из спутников Сазонова. — Некогда нам тут с вами возжаться.

Сиплый голос его словно хлестнул Наташу. Она вся вспыхнула, но сдержалась и, не вступая больше в пререкания, стала укладывать свой рюкзак.

Пока Наташа и Володя спорили с Сазоновым, Федя молча сидел у гаснущего костра и

доедал уху. Внешне равнодушный ко всему, он вовсе не оставался таким безучастным, как могло показаться со стороны.

Чем резче держался с Наташей и Володей Сазонов, тем серьезнее становились сомнения Федя.

«Откуда в пустынной тундре взялись три милиционера, если на весь рабочий поселок их всего двое? — думал он. — Зачем идут с Сазоновым чужие милиционеры? Неужели нужен такой конвой, чтобы отвести задержанных за незаконную ловлю семги?»

Старательно выбирая ложкой остатки ухи, Федя присматривался к спутникам Сазонова. Круглое бугристое лицо одного из них с мясистым носом, большим ртом и низким, словно придавленным сверху лбом было неприятно. Усиливали это впечатление глубоко запавшие глаза, бесцветные, тусклые, как у снулой рыбы.

Так же внимательно присмотрелся Федя и ко второму спутнику Сазонова. Его лицо с мелкими чертами было удивительно неприметным: сколько ни встречайся с таким человеком — все равно не запомнишь. И только сильно опущенные веки да выставленный вперед острый подбородок что-то смутно напомнили Феде. Вдруг Федя представил его себе с бородкой клинышком и понял: «На козла похож... Да это же «гаврики», о которых рассказывал Петька! Один из них Барбос, другой Козел. Только без бородки».

Чем больше наблюдал за ними Федя, — тем больше крепили его сомнения: что-то в поведении этих милиционеров неладно.

Теперь юноша почти не спускал с них глаз. Один из милиционеров нагнулся к костру прикурить. Короткая стеганка его приподнялась, и Федя приметил новенькую желтую кобуру. Из нее торчала надраенная до блеска рукоятка пистолета с какими-то глубокими темными раковинами.

Пока у костра спорили, Федя обдумал сложившееся положение. Настойчивый в своих стремлениях, он редко шел на риск. Но если Федя считал, что риск неизбежен, — ничто не могло удержать его от принятого решения...

Наташа закончила укладку рюкзака, наскоро ополоснула в реке котелок и протянула его Феде.

— Отдай Володьке, — сказал он, туго стягивая свой рюкзак.

Покончив с ним, Федя скатал плащ-палатку и тоже передал ее товарищу.

Поведение его удивило Володю. Сильный и выносливый, Федя обычно брал груза больше всех. А сейчас он явно старался облегчить свою ношу. Но такова уж была сила давнего дружеского доверия, что Володя не счел нужным даже спросить, почему Федя отказался от котелка и плащ-палатки...

— Собрались? — спросил Сазонов. — Проходите вперед.

— Как арестантов! — Наташа хотела улыбнуться, но у нее получилась только жалкая гримаска.

— Разговорчики! — Сазонов строго посмотрел на Наташу. — Поговорим на месте. Будем составлять акт, тогда и поговорим.

— Поговорим! — сердито блеснула глазами Наташа. — Подумаешь!

— А где Петька? — вспомнил Сазонов.

Наташа отвернулась, не желая отвечать ему. Володя осмотрелся, но ответить не успел.

— В поселок ушел, — опередил его Федя.

— В поселок? — удивился Сазонов. — Один?

— Вы же приказали отправить его обратно? — не глядя на него, напомнил Федя. — Мы выполнили.

— Додумались! — Сазонов укоризненно покачал головой. — Отправить мальчонку одного. Наслушались болтуна и поверили, что он все знает и все может.

— Ничего, — Федя вскинул за спину рюкзак и, застегивая на груди лямки, спокойно добавил: — По ручью пойдет — не заблудится.

Володя быстро переглянулся с Наташей. Если Федя счел нужным укрыть Петьку от Сазонова, значит, так надо. Наташа с откровенной неприязнью посмотрела на непрощенных попутчиков и незаметно поддержала Федю:

— Что ж мы стоим? Петьку все равно уже не догнать, — и первой направилась к горам.

За ней пошел Федя, потом Володя. Замыкали невеселое шествие три милиционера...

Глава десятая

ПРЫЖОК

Задержанные и конвоиры поднялись ложбинкой, прорезавшей кряж, и спустились на знакомый карниз, нависший над пропастью. Новоселы шли молча. Притихла даже Ната-

ша. Все случившееся казалось ей непоправимой бедой. Страшно было подумать, что ждет их в поселке. Она никогда не бывала в милиции, а о суде имела самое слабое представление — по газетным заметкам да случайным чужим рассказам. И вдруг — акт, допросы, быть может, и суд...

В поселке никто не знал трех друзей, никто не мог сказать о них ни хорошего, ни плохого. Но зато там могли поверить всему, что скажет участковый. Сазонов, конечно, представит дело так, будто они и не искали пропавшего мальчишку, а отправились хищничать в государственный заповедник. Как опровергнуть это постыдное обвинение? Хранившиеся в нагрудном кармане Наташи клочок тетрадной обертки и грязный носовой платок Васьки Калабухова потеряли теперь в ее глазах всякую ценность. Кто поверит, что следы мальчишки вели на Семужью? Как доказать это? А вдруг мальчишка погиб? От одной мысли об этом лоб Наташи покрылся холодной испариной. Мигом вылетели из головы думы об акте, допросах, неизбежном и тяжком объяснении в комитете комсомола. Все это вытеснило из сознания одно короткое грозное слово: «ПОГИБ!»...

— Шевели ногами! — подогнал девушку сзади сорванный голос. — Спать на ходу не полагается.

Беспечный по натуре Володя не так остро переживал задержание. Он все еще старался найти объяснение странному поведению Феди. Почему тот перед выходом в обратный путь облегчил свою ношу? Неспроста это. Федя не из

тех, кто сваливает на плечи товарища побольше, а на свои берет поменьше...

Занятые нерадующими размышлениями, они не замечали, как бежало время. У снежного моста Наташа остановилась и выжидающе посмотрела на Сазонова.

— Дальше, дальше! — Он махнул рукой вперед.

— Нам же туда идти. — Наташа показала посохом на снежный мост.

— Здесь не пройдем, — ответил Сазонов. — Шею ломаем на спуске.

— Мы прошли... — поддержал Наташу Володя.

— Не указывайте мне! — оборвал его Сазонов. — Я вас задержал, я и доставлю по назначению.

— Куда вы нас ведете? — не выдержала Наташа.

— Куда надо, туда и ведем! — отрезал Сазонов. — Ведем задержанных за нарушение статьи восемьдесят шестой уголовного кодекса, предусматривающей за браконьерство в государственном заповеднике до двух лет лишения свободы, без наличияотягчающих обстоятельств.

Произнес он это так, чтобы Наташа поняла, что в поведении задержанных имеются отягчающие обстоятельства. И снова мысль девушки вернулась к пропавшему Ваське и предстоящему в поселке объяснению. Беспокойство ее все нарастало. Особенно тяжело было Наташе оттого, что она не могла даже перемолвиться с шагавшим впереди Володей. Сазонов

не отставал от девушки ни на шаг и, конечно, услышал бы каждое слово.

За спиной у Наташи конвоиры о чем-то тихо переговаривались. Но как ни напрягала она слух, ей ничего не удалось разобрать.

— Федя! — тихо шепнул Володя товарищу, шедшему головным. — Думал я, думал... Тут что-то нечисто.

— Дошло наконец, — так же тихо ответил Федя, не поворачивая головы. — Присмотрись к милиционерам и вспомни тайну Васьки Ка-лабухова. Один из них Барбос, другой Козел. Только бородку сбрил.

«Но если ты думаешь, что тут нечисто, так надо же что-то предпринимать? — думал Володя. — Нельзя же позволять гнать себя как баранов?»

Постепенно мысли его становились все более гневными, а планы освобождения отчаянными, даже фантастическими. Вместе с гневом пришла и решимость. Надо бороться. Скорее бы в поселок, что ли! Как ни странно, но после того как Федя поделился своим открытием, Володе стало легче. Что-то в приглушенном голосе Феди, в его опасениях, чтобы конвоиры не заметили, как они переговариваются, подсказало Володе, что у товарища уже есть план действий. Оставалось ждать привала. Быть может, отдыхая, друзья сумеют потолковать и найти общую линию поведения. А пока надо идти, беречь силы и не вызывать подозрительности конвоиров...

Все дальше удалялась маленькая группа от снежного моста, а вместе с ним и от ручья, ведущего к поселку. Знакомая седловина, над-

ломившая за пропастью гору, оставалась левее. Карниз шел на север, постепенно снижаясь к пропасти с белевшим в глубине снегом.

Скоро гранитный наплыв сжал карниз настолько, что идти стало нелегко даже по одному. Прижимаясь к шершавой серой стене, Федя, Наташа и Володя все чаще опирались на посохи. Конвоиры, менее нагруженные и более привычные к местным условиям, в таких предосторожностях не нуждались. Но и они двигались с опаской. Стоило здесь сделать неверный шаг — и легко было сорваться с обрыва.

Неожиданно Федя легко оттолкнулся от карниза и... прыгнул в пропасть. Не успел еще никто понять, что произошло, как юноша исчез в снегу, оставив на ровной белой пелене лишь рваное голубоватое пятно.

— Паразит! — Барбос выхватил пистолет.

— Не стрелять! — истошно закричала Наташа и замахнулась посохом. — Подлец!

— Полегче с подлецом! — прикрикнул на нее Сазонов и схватил за руку Барбоса. — Совсем разучились уважать советскую власть.

Первым движением Володи было прыгнуть вслед за Федей. Остановила его мерзкая площадная ругань за спиной. Он обернулся и увидел небритое лицо Барбоса, неохотно убирающего пистолет в кобуру. Побледневшая Наташа с грозно поднятым посохом вся подалась к Сазонову. Казалось, она сейчас бросится на него, не думая о последствиях своего отчаянного поступка.

Володя сдержал себя. Оставить Наташу одну, во власти людей, поведение которых вызы-

вало у него уже не только подозрения, но и опасения, он не мог.

— Наташа! — Голос Володи прозвучал естественно спокойно. — Пошли! Советская власть разберется, кто из нас прав, кто виноват. Каждый получит свое, что заработал.

— Получите, получите! — пригрозил Сазонов. — Этот прыжок мы в акте запишем.

Если б Володя не был так взволнован, он заметил бы мелькнувшую в глазах Сазонова еле приметную растерянность. Но юноша стремился лишь к одному: не выдавать охватившего его смутения. Он слегка пожал плечами и с напускным равнодушием бросил:

— Пишите! У нас тоже найдется, что сказать о ваших делах.

Володя твердо решил до поры до времени не выказывать Сазонову свои подозрения, держаться с ним, как с милиционером, допустившим служебный промах. Но, сам того не понимая, он болезненно задел Сазонова и его спутников, заставил их насторожиться. Барбос не выдержал. Он шагнул почти вплотную к Сазонову и горячо шепнул:

— Говорил я тебе? Знают гады все! Успели порываться в яме.

— Знают? — повторил Сазонов, ничем не выдавая тревоги. — Неважно. Сделаем так... Забудут, что знали. И вспомнят... чего вовсе и не было.

Наташа и Володя не обратили внимания на этот короткий диалог. Они не могли оторвать взгляда от рваного голубоватого пятна на снегу. Казалось, что вот-вот снег шевельнется, и Федя подаст знак, что он жив.

ЗАРОК НАРУШЕН

Человек, знакомившийся с анкетой Сазонова, ненадолго запоминал прочитанное. Очень уж походила она на многие и многие анкеты, рассказывающие сухим языком фактов о честной трудовой жизни своих владельцев.

С шестнадцати лет он начал работать по найму. Восемнадцатилетним пареньком ушел на фронт. Воевал в конной разведке стрелкового полка. За форсирование Днепра был награжден орденом Отечественной войны; за Житомир, Казатин, Львов, Кишинев, Балатон и Альпы — медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Да и после войны Сазонов всегда находился на переднем крае напряженной жизни страны. В трудовом списке его значились: прославленный на всю страну совхоз, ленинградское метро и строительство крупной гидроэлектростанции.

Но в жизни Сазонова было и нечто такое, что не предусматривается короткими вопросами анкет, не укладывается в привычные требования к автобиографиям.

Еще мальчиком мечтал он о настоящей большой удаче, о богатстве. Откуда пришли к нему эти мечты? Быть может, от отца, искавшего привольной жизни в извозе, в мелочной торговле, побывавшего и кустарем-одиночкой, но так до самой смерти и не сумевшего выбраться из мелкостяжательского прозябания. Впрочем, сам Сазонов над этим не задумывался. Впервые поступив работать на стройку городского стадиона, юный Сазонов решил, что

он уже на пороге привольной жизни. Разбитного, смышленного паренька приблизил к себе сам десятник и доверил ему важное и щекотливое дело: собирать в дни получки с рабочих пятерки — на магарыч. От этих пятерок кое-что оставалось и у самого Сазонова. Не забывал его и покровитель-десятник. Он приписывал своему доверенному в ведомостях невыработанный лишек. Скоро Сазонов уже щеголял в желтых туфлях и шевиотовом костюме.

Удача окрылила его. Желания росли. Сазонов стал присматривать себе велосипед... Но десятник попался. Его осудили. Простоватого на вид семнадцатилетнего паренька оправдали.

Первый в жизни удар запомнился Сазонову надолго. Дармовые пятерки не привели его к привольной жизни. С чем остался он после краха своего покровителя? С пустыми руками и тяжелыми воспоминаниями о допросах, страхе перед судом и (как ему казалось) неизбежной отсидкой в тюрьме, а затем — о гнетущем ожидании приговора. Нет! Лучше трудиться, жить скромно и терпеливо ждать случая, удачи. Какой удачи? Этого Сазонов и сам не представлял. Но одно он знал твердо: удача — это деньги.

Война грубо ворвалась в жизнь миллионов людей. Оборвала она и мечты Сазонова о большой удаче. Суровый быт запасного полка развеял думы о привольной жизни и заставил серьезно задуматься над будущим. Какую удачу могла принести Сазонову война? Ордена? Славу? Уже в запасном полку он понял, что путь к воинской славе нелегок. Идет он через

окопную жизнь, лишения, каждодневный риск и тяжкий, ни с каким иным трудом несравнимый труд солдата. Позднее, оказавшись в стрелковой роте, Сазонов не увидел впереди ничего заманчивого. Зато он скоро понял, что самая большая удача на войне — сохранить жизнь.

Случай пришел нескоро. Как-то, в разгаре боя, послали его связным в штаб полка. Разбитое вражескими снарядами здание школы, где помещался командный пункт, после окопной жизни показалось Сазонову идеально спокойным местом. Не хотелось уходить из помещения, где не нужно было лежать под нудным осенним дождем на пропитанной грязью соломенной подстилке; здесь можно было стоять в полный рост, ходить, даже завернуться в шинель и поспать в углу.

Но Сазонов не искал временного благополучия, а потому ему было не до сна. Раздобыл он каким-то несправедливым путем курицу. Зажарил ее и накормил начальника штаба — усталого, рыхловатого майора. Между делом он очистил от присохшей грязи его шинель, притащил соломы, накрыл ее плащ-палаткой. Получилась, по фронтовым понятиям, прекрасная постель. Майор смог поспать часок-другой. Поднялся он бодрый, веселый.

Пожилой добродушный майор давно не видел такой умелой и, как ему показалось, бескорыстной заботы. И когда молодой расторопный связной перед возвращением в роту подошел к нему попрощаться, он оторвался от исчерченной разноцветными карандашами карты и сказал:

— Погоди, Сазонов.

И тут же написал в строевую часть:

«В приказ: рядового Сазонова откомандировать во взвод конной разведки».

С этого дня Сазонов числился в конной разведке, а служил ординарцем у начальника штаба. Он следил за его несложным хозяйством, чистил ему сапоги и надевал шпоры — майор был толстоват и не любил нагибаться. Спал ординарец больше своего начальника, ел — тоже, а главное: меньше подвергался риску. Если же ему случалось сопровождать начальника штаба в опасное место и поблизости рвались снаряды или шуршали пули, Сазонов подходил к нему с озабоченным лицом и говорил:

— Как бы тут коней не побило.

Добряк-майор, любивший своего рыжего красавца Султана страстной любовью истинного лошадника, немедленно отвечал:

-- Укрой-ка их в овраге.

Сазонов укрывал коней, а вместе с ними укрывался от огня и сам.

Майор прятался от разрывов под ненадежными стенами саманной хатенки или в наспех отрытой щели, а после боя хвалил ординарца:

— Хозяйственный парнишка! Коней бережет лучше глаза!

Зато, когда полк отличался в боях и подходила полоса награждений, Сазонов скромно отпрашивался у майора: в пешую разведку, в противотанковую батарею, в минометчики — куда угодно, только бы воевать по-настоящему, драться с ненавистными фашистами. И майор, желая удержать своего лю-

бимца, представлял его к награде. В штабе дивизии безотказно утверждали награду «отличившемуся в бою конному разведчику». Ординарцев, а тем более неположенных по штату, там не знали.

Итог войны у Сазонова: орден и шесть медалей. В орденской книжке ничего не говорилось о чистке сапог в оврагах. Все это после окончания войны оказалось вычеркнуто из прошлого Сазонова короткой записью в военном билете:

«Служил в конной разведке стрелкового полка».

О добряке-майоре Сазонов забыл скоро и не искал встречи с ним.

После войны Сазонов стал шофером. Но в «механизированные ординарцы» ему попасть не удалось. Другие шоферы целыми днями дремали в машинах. Были и такие, что работали «налево», собирая несправедливо полученные пятерки и десятки. А Сазонов так и не прижился ни на строительстве, ни в совхозе, ни на электростанции. Там был заработок, даже хороший заработок. Но денежной лавины на него не обрушилось, и внимания большого начальства шофер грузовой машины не привлек. Слава его оказалась всего лишь славой местного значения — дальше многотиражки она не пошла. Сазонов трудился старательно, но без огонька, и легко расставался с местами, где работал годами.

На Крайний Север Сазонов поехал в поисках шальных денег. Но он скоро понял, что даже в Заполярье денег на ветер не бросают. Мечты о большом куше лопнули. Осталась

лишь давняя тяга к самостоятельности, не стесняемой постоянным контролем, да стремление хоть как-нибудь подняться над окружающими его людьми. Сазонову казалось, что добиться этого он сумеет, работая в милиции.

Рослого крепкого парня, бывшего фронтовика и конного разведчика, награжденного орденом и шестью медалями, умело щегольнувшего перед начальством отличной строевой выправкой, в милиции приняли радушно.

«Лучше быть первым в деревне, чем последним в городе», — рассудил Сазонов, умело ведя беседу с начальником в нужном направлении. И когда ему предложили на выбор: остаться в районе или поехать в дальний тундровый поселок, он, не размышляя, ответил:

— Поеду в Пушозеро.

Сазонов не ошибся. В молодом поселке единственный милиционер был фигурой заметной. Когда после приезда первой партии новоселов поселок заметно вырос, сюда прислали второго милиционера. Молодежь создала бригаду содействия милиции. Жизнь Сазонова стала привольной. Пожилой напарник его руководил бригадмильцами и обеспечивал порядок в Пушозере. Сазонов сам выбрал себе спокойную работу в окрестностях поселка и неделями пропадал в тундре.

За пределами поселка можно было вырваться вперед, выдвинуться. Как? Неважно. Раскрыть крупное хищение на комбинате, задержать шпиона или убийцу. Но время шло, а ни шпионов, ни крупных хищений, ни убийств в участке не случалось. И когда из

области пришло указание: «Берегите природные богатства тундры, в первую очередь нерестующую в верховьях рек семгу», — давно накапливаемое служебное рвение и энергия Сазонова обрушились на браконьеров.

В поселок приезжали новые люди — на постоянную работу и в командировки. Многие из них не слышали о запрете, наложенном на семгу. Были и такие, что знали о нем, но рассуждали примерно так: «Кто запретит в такой глуши чуть-чуть нарушить закон? Кто увидит, если я поброжу по реке со спиннингом?» Запрещал это Сазонов. Он видел все, ловил браконьеров — вольных и невольных — в запретных для лова местах, отбирал снасти, составлял акты.

За поимку браконьеров Сазонова хвалили, отмечали в приказах, ставили в пример другим милиционерам, присвоили звание старшины. Он уже подумывал о серебряном погоне со звездочкой...

И тем не менее, задерживая браконьеров, Сазонов вел себя, как он говорил, «с умом». Перед тем как переслать акт в район, не лишнее было показать его кому следует, а то и подумать: стоит ли вообще отправлять?

Сазонов был общителен и в то же время одинок. В дружбу он не верил. За всю свою жизнь, целью которой всегда оставалась привольная жизнь и большая удача, нечто вроде дружеского чувства Сазонов питал к немалодому уже десятнику. Но кончилось это скверно. Спасаясь от тюрьмы, Сазонов выложил на следствии, а затем и на суде все, что знал о своем покровителе.

Не было у него друзей и на фронте. Щеголеватый ординарец считал себя неизмеримо выше остальных солдат и сержантов, чья жизнь была тяжела и всегда висела на волоске. Даже на офицеров — командиров рот и взводов — Сазонов посматривал свысока. Жилось им куда труднее, чем ординарцу начальника штаба полка. Звездочки на погонах не защищали их от дождя, холода, зноя, превращали в первую мишень врага. Зато немногие старшие офицеры — командир полка, его заместители и начальник штаба — были для Сазонова недосыгаемы. Любой из них мог лишить его тепла и относительного покоя, вернуть к ненавистной окопной жизни. Так и прошел Сазонов войну без истинного друга.

Зато у него выработалась за это время приятная улыбка и открытый, честный взгляд готового услужить бравому сержанта. Постоянно застегнутый на все пуговицы не только внешне, но и духовно, он оставался одинок в большой полковой семье, где дружба завязывалась и проверялась так же скоро, как и разлучала друзей опасная солдатская жизнь. После войны Сазонов избегал встреч со своими однополчанами. Ведь они-то знали, как он «воевал в конной разведке»...

Если чувство дружбы было для Сазонова непонятно и недоступно, то он твердо знал, что нельзя жить без полезных связей. Такие связи участковый завязывал в поселке легко, как узелки на веревочке. Попался ему с пойманной семгой заместитель начальника строительства. Сазонов составил акт о ловле семги в нерестилище и вежливо, но твердо

предупредил его, что придется ответить за нарушение закона. Несколько раз подстерегала участкового на улице обеспокоенная жена замначальника. Подолгу уговаривала она Сазонова, объясняла, что муж ее новый человек в Заполярье, никак он не думал и прочее такое. Сазонов слушал ее все с той же приятной улыбкой и молчал. Но когда к нему обратился сам замначальника, Сазонов вздохнул и с видом человека, испытывающего почти физические страдания от своего поступка, отдал ему злополучный акт. Так же поступил он с сыном главного инженера, завмагом...

Узелков на веревочке становилось все больше. Сазонова хвалили все чаще. И никто не хвалил его за служебное рвение и честность так горячо, как пойманные им и помилованные браконьеры. Строгость участкового они испытали на себе и считали, что она заслуживает всяческого одобрения и поощрения. А честность?.. Что ж честность! Любой из них полагал, что это высокое чувство выражается в каждом случае по-своему и что бесчестно было бы участковому портить им служебную репутацию, быть может, даже жизнь из-за такого пустяка, как какая-то семга.

...Огромное, почти сказочное богатство, о каком Сазонов и мечтать не смел, подвернулось совершенно неожиданно.

Задержанный при попытке взломать лагерь Иван Трухно долго упрашивал участкового отпустить его.

— Хватил лишнее! — повторял он, тупо глядя куда-то в темный угол пустыми глазами. — Сам не помню, как выдавил стекло.

Сазонов, не отвечая ему, бойко писал протокол. Обстоятельства дела были ясны — пойман с поличным.

Задержанный, только что выпущенный из заключения, не мог рассчитывать на узелок в веревочке Сазонова. Кража со взломом — не браконьерство. К ворам участковый был беспощаден.

Иван Трухно притих. Уговорить участкового ему не удалось. Попробовал припугнуть. Не получилось. Оставалось последнее...

— Брось писать, старшина! — Задержанный встал, положил широкую плотную ладонь на законченный протокол и насмешливо добавил: — Плохо обыскиваешь, старшина! Гляди, где надо было искать.

Он отвернул полу стеганки. Толстым крепким ногтем надорвал желтую грязную подкладку.

— Видал?

На заскорузлой ладони его радужно переливались жемчужины: две размером с небольшую горошину и одна поменьше.

— «Купить хочет, — неприязненно подумал Сазонов. — Не пройдет.»

Но Иван Трухно и не собирался предлагать участковому взятку. Разговор пошел куда более серьезный. Два года назад, находясь в заключении, Иван Трухно работал в тундре. Там он случайно нашел богатую колонию пресноводных жемчужниц. Иван Трухно отбыл свой срок и приехал в Пушозеро, поближе к находке...

Сазонов однажды на лекции услышал о северном жемчуге. Когда-то его добывали на

Мурмане много. Русские цари, знатные бояре и именитые купцы щеголяли в одеяниях, разукрашенных северным жемчугом. Но хищнический промысел истощил богатые колонии жемчужных раковин. Уже почти сто лет, как никто ими не интересуется. И вот в глухой тундре заключенный, спасая груз с провалившихся под лед нарт, нашел богатейшую колонию жемчужниц. Уцелела ли она от промысловиков или раковины размножились за минувшие сто лет? Это не интересовало ни Ивана Трухно, ни Сазонова. Главное — богатство лежало рядом, никому неизвестное и никем не охраняемое.

Иван Трухно был слишком хитер, чтобы сразу выложить все, что он знал. Прежде чем сказать, где находится место добычи, он потребовал протокол. Получив его, он расположился за столом поудобнее и заговорил откровенно. Все равно воспользоваться своей находкой в одиночку он не смог бы. А лучшего сообщника, чем участковый — физически крепкий, знающий тундру и к тому же пользующийся общим уважением и доверием, — нечего было и желать.

Расставаясь с Сазоновым, Иван Трухно захватил с собой протокол, написанный рукой участкового. Он не верил Сазонову. Это Сазонову не понравилось, но вызвало уважение. Так же поступил бы и он сам на месте Трухно.

После сговора с Иваном Трухно участковый старательно пересмотрел узелки на своей веревочке и расчетливо выбрал из них маленький, еле приметный...

У Никиты Петрова были чистые документы и мутное прошлое, крепкие мышцы и на редкость неприметное лицо. Ловля семги была не самым страшным из его грехов. Его-то и взял Сазонов третьим в артель хищников.

Как-то само собой получилось, что главари предприятия стал участковый. Прежде всего он убедил Трухно и Петрова уволиться из комбината и устроил их на заготовку дров, в восьми километрах от Пушозера. Рабочие шли в мелкий, малодобычливый лес неохотно и подолгу там не задерживались. К прогулам в лесу относились снисходительно. Оттуда всегда можно было уйти на несколько дней, а потом вернуться и коротко объяснить:

— Загулял.

На своих сообщников Сазонов смотрел, как на случайных спутников. Сильные, решительные, привыкшие к суровым условиям Заполярья, они ради богатства готовы были на все. Главное — взять свое. Дальше их пути разойдутся и не встретятся никогда.

Еще ранней весной хищники припасли в глухой тундре все необходимое для промысла. Прошлым летом случай помог Сазонову найти надежное укрытие для запасов артели. Далековато оно было от места добычи, зато просторно и вполне скрытно. В нем можно было месяцами хранить снаряжение и продукты.

В первую же оттепель хищники отправились на Семужью. В излучине реки, на быстрине, оказалась незамерзающая промоина. Здесь и взяли пробную добычу. Результаты пробы превзошли самые смелые ожидания

Сазонова: пережат был усеян, точнее — утыкан раковинами. Местами они почти вплотную стояли острыми концами вверх, доловины зарывшись в гравий. Оставалось только приступить к добыче.

И тут на пути у хищников встал Васька Калабухов. Мальчишка потащился за Сазоновым на Семужью, увидел его с сообщниками, которые к приходу главаря принесли из тайника все необходимое для работы. Пришлось на время отказаться от промысла и затаиться: Сазонову — в Пушозере, Трухно и Петрову — на лесопункте.

Мальчишка разболтал в поселке о мнимом браконьерстве участкового. К счастью, в сенах у Сазонова висели недавно засоленные и плотно обернутые в чистые тряпки кумжи. (Их-то Васька и принял за семгу). И когда в Пушозеро неожиданно приехал заместитель начальника районного отделения милиции и поинтересовался, что за рыба висит у него в сенах, Сазонов на глазах у гостя раскутал одну из них и угостил его отличной кумжей домашнего засола. Стоило начальнику побеседовать с пушозерцами — и обвинение в браконьерстве стало просто смехотворным.

Весна пришла необычайно ранняя, дружная, солнечная. Не дожидаясь вскрытия реки, Трухно и Петров уволились с лесопункта. Сазонов получил отпуск на два месяца. Хищники отправились на Семужью и приступили к промыслу. Слабый ледок на пережете побили пешнями. Течение снесло его, очистило воду. Сазонов в толстую фанерную трубу, застекленную с одного конца, просмотрел

дно. Выбрал неглубокое место, богатое раковинами и удобное для промысла.

Хищники работали, не жалея себя. Двое бродили по воде в высоких резиновых сапогах, с подвешенными сбоку матерчатыми сумками; недлинными шестами с прикрепленными на концах вилками они защемляли раковины. Третий следил за костром, отогревался. Чтобы не терять дорогое время, он вскрывал ножом раковины и выбирал из них жемчуг.

После вскрытия реки добыча пошла еще быстрее. Старенький красный кисет Барбоса, хранившийся в потайном месте, заполнялся жемчужинами различной формы и окраски. Богатство само шло в руки, и остановиться хищники не могли...

И снова расчеты Сазонова спутал Васька Калабухов. Мальчуган не успокоился и снова отправился на Семужью. Хорошо, что Сазонов пришел в Пушозеро за хлебом и вовремя узнал об исчезновении Васьки Калабухова.

В поселке понравилась готовность, с какой участковый, не считаясь с отпуском, откликнулся на призыв пойти на поиски мальчугана. Он даже взялся осмотреть отдаленный и наиболее трудный участок — верховья ручья Безымянного...

К этому времени трое новоселов ушли далеко от поселка. Чтобы опередить их, Сазонов пошел не по извилистому течению ручья Безымянного, а напрямик — лесом. Перехватил он новоселов у конца просеки — единственного пути от ручья к проходу через горы — и завернул их к поселку.

Дальше все обернулось скверно. Новоселы не выполнили приказания Сазонова. По следам Васьки Калабухова добрались они до Семужьей и увидели вырытые песцами раковины.

Тайна жемчужной отмели открыта — решились хищники. Еще больше укрепила их уверенность в этом случайная фраза Володи: «У нас тоже найдется, что рассказать о ваших делах». Сазонов уже не мог уволиться из милиции и спокойно уехать из Пушозера. Оказалось, мало дожидаться большой удачи. Надо еще суметь отстоять ее от непредвиденных случайностей.

Давно, очень давно, после памятной истории с десятником, Сазонов дал себе зарок: не ссориться с законом. Но когда в руки его пришло богатство... И какое богатство! Одино раз в жизни можно было переступить закон. Да и что за преступление он совершает? Есть же такие страны!.. Поставил там удачливый человек заявочный столб на реке, нанял нескольких рабочих — и стал владельцем жемчужного переката. А тут приходится самому часами бродить по ледяной воде, мерзнуть...

Уже в пути Сазонов решил завести новоселов подальше от Пушозера, завести хотя бы силой. Пока в поселке хватятся да станут искать пропавших, он заберет припрятанный в тайнике жемчуг и выберется со своими сообщниками с Кольского полуострова. Куда? Страна наша необъятна. Человек, не питающий привязанности к людям и родным местам, может затеряться в ней бесследно...

Преступники попадают обычно из-за ненужного доверия к друзьям. Подводит их желание повидать родных, побывать в местах, где они родились и выросли. Друзей у Сазонова не было. Родных он давно растерял, забыл. Рано или поздно и о нем забудут. В конце концов, что страшного он сделал? Задержал за нарушение закона новоселов, побоялся отпустить неопытных людей в поселок одних, заблудился с ними, укрыл их в безопасное место от бури... Да и статьи-то за ним будут несерьезные. А может быть, симулировать самоубийство или несчастный случай? Оставить на берегу ненужную больше милицейскую фуражку, пистолет и старый ватник... Можно написать письмо с покаянием. Допустил, мол, ошибку и прочее такое. Поверят письму или нет, трудно сказать. Но такое письмо может воздействовать на прекращение розыска...

Постепенно мысли прояснялись, план дальнейших действий вырисовывался все более четко.

Сазонов готовился к борьбе.

Глава двенадцатая

НА ДНЕ ПРОПАСТИ

Федя с силой врезался в наст. Плотно сомкнутые и чуть пригнутые ноги несколько ослабили удар. Юноша повис в снегу; здесь не на что было опереться ногами и не за что ухватиться. Да и застрял-то он в сугробе очень неловко — завалился на спину. Желая выровняться, Федя заворочался. Снег подал-

ся под его тяжестью, но тело осталось в прежнем неудобном положении. Попробовал Федя поискать ногой опору. Нога ушла вниз и осталась неестественно вытянутой. Резким рывком ему удалось все же повернуться. За воротник лыжной куртки попал снег. По спине ползла тонкая холодная струйка, торопила принять какое-то решение.

«Надо пробиться к стене пропасти, — подумал Федя. — Иначе отсюда не выберешься».

Разгребая руками и ногами сугроб, он пробивал себе путь к стене. От каждого движения снег подавался под ним, оседал. Скоро до слуха Феди донеслись странные звуки. Еле слышное ворчание напоминало далекий шум потока.

«Неужели по дну пропасти течет река?» — беспокойно подумал Федя.

Теперь он понял, что продвигается не столько к стене пропасти, сколько к бегущему где-то внизу потоку. Но и висеть без движения в рыхлой снежной массе было нельзя — спасенья ждать неоткуда. Все зависело только от собственной предприимчивости, ловкости.

Стараясь успокоить себя тем, что на дне пропасти не может быть глубокой реки, Федя продолжал настойчиво пробиваться вперед, постепенно погружаясь все глубже и тревожно вслушиваясь в растущий гул потока. Очень мешали ему посох и особенно связывающий движения рюкзак. Но Федя и не подумал бросить их. В памяти его на всю жизнь остались слова отца...

Приехал тот домой в разгаре войны, после ранения. Подолгу беседовал он с шестилетним Федей. О чем мог рассказывать бывалый солдат сыну? О фронте, воинской жизни. Очень удивили тогда Федю слова отца: «Говорят: солдату в походе и иголка тяжела. Неправильно говорят. Без иголки солдату еще тяжелее. Как бы плохо ни пришлось нашему брату — он бережет не только шинель, лопатку, но и иголку...» Надолго запомнилась маленькому Феде последняя беседа с погибшим отцом...

Чтобы нащупать стену пропасти, Федя вытянул вперед посох. Бамбуковое древко ушло в рыхлую толщу и не встретило никакого препятствия. Федя понял, что барахтается на месте, постепенно опускаясь вместе с оседающим под ним снегом.

Неожиданно ноги его нащупали какую-то твердую опору. Юноша с облегчением встал на нее, сделал шаг... И вдруг под ним что-то звучно хрустнуло. Ноги провалились в пустоту.

Резко ударил в уши громкий шум потока. Чувствуя, что падает, Федя широко расставил руки. Одна из них скользнула по подвернувшемуся влажному камню. Ноги ударились о что-то твердое...

«Дно!» — мгновенно отметило сознание.

Радостное ощущение твердой почвы под ногами тут же сменилось острым беспокойством. Куда он попал? Откуда слышен гулкий рокот потока?

Федя осторожно пошарил руками в тем-

ноте. Пустота. Он поднял руки. Нашупал над головой неровный обледенелый свод.

...Если б друзья оказались сейчас рядом с Федей, напомнил бы он Володе, как тот посмеивался над его запасливостью.

«Ты, может, и фонарик с собой захватил? — приставал к нему в пути Володя. — Признайся. Захватил?»

«Захватил», — невозмутимо отвечал Федя.

«Солнцу не доверяешь? — продолжал с самым серьезным видом Володя. — И какому солнцу! Полярному! Оно тут круглые сутки светит. А ты... С электрическим фонариком. самого Беликова перешеголял! Тот в солнечную погоду ходил в галошах и с зонтиком. А ты с фонариком — в полярный день!»...

Федя потоптался на месте, как бы проверяя, крепка ли земля под ним, и сбросил с плеч рюкзак. Нашупал в нем фонарик.

В густом мраке расплывчатый круг света показался сразу нестерпимо ярким, настолько ярким, что Федя невольно прищурился. Первое, что увидел он: нависший над головой обледенелый потолок. Неровности его сверкали и переливались яркими бликами.

Он сделал несколько шагов. Светлый круг прыгнул с потолка на каменистое дно пропасти — голое, без единой былинки. Лишь на стене кое-где вспыхивали узорчатым серебром кружевные разводы лишайников. Где-то совсем близко глухо ворчал бурливый поток. Что это? Ручей, исток какой-то реки или просто бурная вешняя вода?

Федя осмотрелся и понял, что ледовый туннель в снегу пробили талые воды. Впро-

чем, сейчас его мало интересовало происхождение туннеля. Здесь можно было отдохнуть, подумать, как выбраться из ледового плена самому, помочь попавшим в беду товарищам и удравшему Петьке Жужукину. Мальчуган остался в тундре один, без еды, даже без плащ-палатки. Теперь-то ему одна дорога — домой, в поселок. Хорошо, что Федя догадался «забыть» на берегу Семужьей полбуханки хлеба. С ней мальчишка сможет добраться до поселка и сообщить там о захвате новоселов.

Освещая путь фонариком, Федя осторожно пробирался по неровному дну пропасти. Обледенелый потолок местами снижался так, что приходилось двигаться, сильно пригибаясь. Иногда дно пропасти расширялось настолько, что луч света не добирался до противоположной стены и таял в темноте серебристым туманным пятном. Провисший над головой обледенелый снег казался ненадежным, готовым обрушиться и раздавить затерявшегося в камнях одинокого путника. Зато стоило руслу углубиться или встретить на пути препятствие — обломок скалы или неожиданный крутой подъем — и ледяная крыша круто вздымалась вверх, превращаясь в купол с волнистыми наплывами, сверкающими, как в чудесном сказочном дворце.

Чем дальше, тем причудливее становились бесконечно разнообразные следы борьбы талых вод с могучим сугробом. С каким трудом пробивала себе вода путь в тундру! Она мяла снег, плавила, плющила, отжимала его в стороны. А если снежный завал был особенно

велик, kloкочущая вода поднималась все выше, выше, собиралась с силой, пока всей массой своей не сметала преграду и не прорывалась вперед...

Федя спешил, беспокойно прислушиваясь к глухому, низкому гулу потока. Отражаясь от причудливо выгнутых ледяных потолков и сводов и усиливаясь, он оглушал юношу. Порой Феде казалось, что чудовищной силы поток уже преследует его, вот-вот готов хлынуть и залить обледенелый туннель...

Несколько раз Федя выключал электрофонарик. Постояв некоторое время с закрытыми глазами, чтобы отвыкнуть от яркого луча, он внимательно осматривался. Ни малейшего просвета — ни впереди, ни наверху. Куда завел его ручей? Приходилось снова включать фонарик и, разрезая темноту тонким лучом, спешить вперед. Ручей мог бежать вниз и только вниз. Рано или поздно, но найдет же он себе выход из пропасти. Вместе с ним вырвется из снежного плена и Федя.

А усталость давала знать о себе все сильнее. Хотелось присесть на первый же камень, сбросить с плеч рюкзак, хоть ненадолго расправить затекшие от лямок плечи, даже привычный туристский посох казался сейчас невероятно тяжелым.

Ручей круто свернул направо. Федя поднял фонарик. Над головой он увидел уже не обледенелый потолок, а каменный. Давным-давно, тысячелетия назад, сточные воды нашли себе выход в низину через пещеру. Веками трудилась здесь вода, непрерывно шлифовала крепкий камень. И сейчас стены, потолок и

особенно дно пещеры блестели, словно отполированные умелыми руками мастеров.

Бурный поток заметно увеличился. Привольно разлился он по широкому руслу и оттеснил Федю к стене, усеянной холодно сверкающими каплями. Серые гранитные стены сплошной массой спускались на гладкий, залитый водой базальт. Когда и где свернул поток из снежного туннеля в пещеру — Федя не заметил. Тревожило его другое: вода прибывала. Вернуться обратно нечего было и думать. Путь оставался один — вместе с потоком вниз и вниз.

Как ни убеждал себя Федя, что вода выведет его из западни, — тревога его росла с каждой минутой, с каждым новым шагом. Припомнилось прочитанное когда-то о подземных реках и озерах. Мог же ручей уйти под землю? А тогда...

Свет впереди появился неожиданно. Федя выключил фонарик и ускорил шаг. Еще несколько минут — и, запыхавшийся, радостный, он вышел в широкое устье пещеры. Яркое залитое солнцем, оно полого спускалось к выходу.

Остановил Федю глухой шум, доносившийся откуда-то снаружи.

Осторожно ступая по пологому скользкому базальту, Федя подошел поближе к выходу из пещеры и растерянно оперся на посох: поток вырывался из устья широким, сверкающим на солнце веером и, рассеиваясь в воздухе, падал на гладкую черную плиту.

Вместо выхода на свободу Федя попал в каменную ловушку, быть может, еще худшую,

чем пропасть. Из пропасти возможно было, пускай с трудом, рискуя головой, но выбраться наверх. Чтобы спуститься здесь, нужны были крылья. Даже подойти по отшлифованному водой наклонному дну к краю пещеры было невозможно. Острый наконечник посоха с неприятным скрежещающим звуком скользил по камню и не находил опоры. Камень, камень и камень! Сплошной, без единого излома или заметной вмятины.

А справа, у самого выхода из пещеры, поддразнивала пленника курчавая северная березка. Зацепилась она за какой-то уступ, собравший за века чуточку земли. Десятилетиями рос скромный кустик, пока не превратился в деревцо. В поисках питания тонкие корешки его, подобно стальным сверлам, буравили нетолстый пласт камня, пробираясь к соседней трещине, пониже, где годами скапливался тонкий слой земли. И так, пробираясь в каждую трещину, корни и корешки укрепляли деревцо на крохотном уступе. Постепенно разрастаясь, березка плотно прижалась ветвями к обрыву и уже поднялась больше чем на метр.

Одинокая березка, будто сторожившая выход из пещеры, напомнила Феде, с каким трудом рубил он для костра такие же маленькие и неправдоподобно крепкие деревца. Добраться бы до нее, такой близкой и вместе с тем недоступной! Неказистый узловатый ствол у основания был толщиной с руку. Он мог выдержать тяжесть человека. А корни? Корни не подведут!

Всего пять — шесть шагов отделяли Федю

от деревца. Но эти несколько шагов были так же непреодолимы, как и обрыв, которым заканчивалась пещера. В поисках трещины или выступа, где можно было бы закрепить веревку, Федя обшарил всю пещеру. Но дно ее и стены были словно отлиты из камня...

Оставалась последняя надежда — на испытанный охотничий топорик.

Федя достал из кармана рюкзака веревку и подтолкнул его ногой к потоку. Рюкзак скользнул по наклонному дну и вместе с водой свалился вниз.

Федя лег и насколько было возможно пополз к выходу из пещеры. Широко разбросав ноги и упираясь свободной левой рукой в гладкий камень, правой он принялся зазубривать топориком узкую тропку к выходу. Постепенно, пядь за пядью, добрался он до небольшого порожка в спуске. Тщательно зазубрив его, Федя подготовил маленькую площадку. Осторожно поднялся на ноги. Но и отсюда дотянуться до березки ему никак не удавалось. По-прежнему близкая и недоступная, она словно поддразнивала его яркой пышной кроной.

Федя достал из-за пазухи приготовленную заранее веревку. Привязал к ней фонарик. Осторожно, чтоб не сорваться с ненадежной площадки, он слегка размахнулся и перебросил его через короткий плотный ствол березки. Фонарик закачался на веревке. Оставалось поймать его ременной петлей посоха. Федя вытянулся так, что от напряжения хрустнуло в пояснице. А фонарик покачивался в воздухе и увертывался от петли. Федя толкнул его по-

сохом. Фонарик сильно качнулся и с размаха неожиданно легко попал в подставленную петлю.

— Есть! — шепнул Федя.

Подтянул к себе фонарик, снял с веревки и пропустил в петлю оставшийся длинный конец. Получилась удавка. Федя крепко затянул ее на стволе дерева.

На всякий случай он проверил, прочно ли сидит березка, несколько раз дернул веревку. Ствол даже не качнулся.

— Выдержит! — решил Федя.

И сделал маленький шагок к обрыву. Еще шаг, чуть поменьше, еще... До березки оставалось совсем немного, когда нога скользнула по камню и Федя, ощущая в груди неприятный холодок, плавно оторвался от края пещеры и повис в воздухе, крепко держась обеими руками за веревку.

Опускаясь, он не отрывал взгляда от дерева. Корявый ствол чуть пригнулся, но держался прочно. И лишь курчавая свежая листва после каждого движения Феди ободряюще кивала ему сверху.

Под ногу подвернулся неширокий замшелый выступ.

Федя проверил, крепок ли. Остановился. Отдохнул немного. Дальше он спускался смелее. Еще несколько метров — и ноги коснулись широкого карниза.

Федя крепко растер красные, обожженные веревкой ладони. Достал из кармана нож. Обрезав остаток веревки, он бережно свернул его и спрятал за пазуху.

Перед ним бурлила Семужья. За рекой

широко раскинулась однообразно серебристая равнина. И лишь у самого горизонта еле приметно выделялись на голубом небе синеватые округлые сопки.

Федя любил природу. Но сейчас он не замечал ни красот раскинувшейся перед ним тундры, ни реки, оставшейся такой же первозданно дикой, как и много тысяч лет назад. Мысли его были заняты другим. Что может он сделать один, в незнакомых местах? Надо искать людей. Русских, саамов, ижемцев, ненцев — все равно. Нужны люди!

Осматривая низменный правый берег, Федя увидел вдалеке что-то вроде шатра. За ним рассыпались по явेलю олени. Стадо разбредлось далеко вниз по течению реки и терялось из виду.

Федя знал: где олени, там и люди. Что за люди? Неважно. Они помогут. Не посмеют люди отказать в помощи.

Бурливая Семужья широко разлилась и кипела на выступающих из воды камнях и галечных отмелях. Федя подобрал рюкзак и спустился к реке. Прыгая с камня на камень, а кое-где ступая в неглубокую воду, он переправился на низменный берег и пошел в сторону одинокого шатра.

Глава тринадцатая

В КУВАКСЕ

Одинокое пасшийся в стороне от стада вожак первым заметил приближающегося чело-века. Высоко вскинув голову с ветвистыми рогами со свисающими с них клочьями мягкой шкурки, он беспокойно рыл передней но-

гой мох. Человек подходил все ближе. Вожак всхрипнул, предупреждая стадо об опасности. И сразу же пугливые важенки, подтакивая перед собой тонконогих суетливых телят, отошли в сторону, опасливо оглядываясь на человека.

Усталому Феде было не до оленей. Он спешил к одинокой кúваксе — летнему жилью пастухов. Составленные шатром жерди со скрещенными наверху острыми концами, покрытыми легкими хлопьями сажки, были обтянуты серым брезентом. Из круглого отверстия, оставленного вверху кúваксы, поднимался дрожащий на солнце жидкий дымок. В стороне стояли нарты с аккуратно разложенной на них упряжью сыромятной кожи, с креплениями из рога и кости. У самого входа в кúваксу лежала грудка хвороста и рядом с ней — иссеченная почти до сердцевины плаха с врубленным в нее топором. Возле нарт мохнатый пес старательно глодал кость. Увидев пришельца, пес, не выпуская из лап кости, присмотрелся к нему и залаял. Впрочем, лаял он беззлобно, а яркие карие глаза его смотрели на пришельца с нескрываемым любопытством.

Федя откинул полость, прикрывающую вход в кúваксу. Неловко протиснулся в низкое отверстие. В падающем сверху расплывчатом круге света плавали синие полосы дыма. На земле, покрытой оленьими шкурами, виднелись ноги в меховой обуви. Лица отдыхающих пастухов скрывались в темноте, под брезентовым скатом кúваксы, — подальше от жара костра и едкого дыма.

Увидев гостя, пастухи выжидающе при-

поднялись. Один из них быстро придвинулся к костру и стал сбивать пламя, подбиравшееся к кастрюле, подвешенной на обуглившейся рогулке. Из костра повалил густой едкий дым. Пастухи отодвинулись подальше от чадающего костра и заговорили по-саамски, браня неловкого товарища.

«Как же я с ними договорюсь? — беспокойно подумал Федя. — Не зная языка?»

Вытерев кулаком слезящиеся глаза, он хотел присмотреться к хозяевам жилья — и не мог: дрожащая пелена застилала кúваксу все сильнее. Вместо людей Федя видел лишь расплывчатые, смутные пятна.

В жизни Феди издавна установилось одно незыблемое правило. Он не признавал слова «могу» и «не могу». В его сознании властвовало одно лишь слово «НАДО!» Сейчас оно звучало особенно властно: «НАДО немедленно поднять людей на помощь Наташе и Володе! НАДО объяснить им, что произошло в горах. НАДО!»

И Федя, не теряя времени, приступил к объяснению.

— Там люди наша пропадай! Худой милиция тащит их. Силом тащит!

Саамы не шевельнулись. Лишь один из них повернулся к соседу и бросил несколько непонятных слов.

Это уже серьезно встревожило Федю. С таким риском и трудом вырвался он из сазоновской компании, выбрался из пропасти, пещеры, нашел людей... И теперь не может с ними столкнуться, не может объяснить им, какая опасность грозит его друзьям!

— Давай, давай, живо! Ходи со мной, ходи на гора! — почти кричал он, плача от разъедающего глаза едкого дыма. — Помогай надо. Не милиция хватай наши люди. Худой человек!

Саамы по-прежнему оставались неподвижны; настолько неподвижны, что когда они переговаривались, казалось, что слова производят не они, а кто-то невидимый в темной глубине кúваксы.

— Беда там! Беда! — кричал Федя, уже не зная, какими словами можно оживить этих окаменевших людей, глухих и немых. — Люди там!..

Федя хотел сказать что-то очень сильное. Но тут легкий ветерок прижал сверху дым, и он быстро заполнил кúваксу. Спасаясь от него, саамы прижались к устилавшим землю шкурам. У Феди дым перехватил дыхание. Желая глотнуть чистого воздуха, он невольно бросился к выходу. Остановил его короткий резкий толчок под колени. Одновременно кто-то сильно рванул юношу сзади, за плечи. Еле стоявший на ногах от усталости, ослепший и задыхающийся от дыма, Федя рухнул на спину. Застигнутый врасплох, он не успел оказать сопротивления — руки его были схвачены крепким сыромятным ремешком.

Связать ему ноги оказалось труднее. Опомившись, Федя сопротивлялся отчаянно. Подвернувшийся под ногу пастух получил такой пинок, что вылетел из кúваксы вместе с полостью. Впрочем, он тут же вернулся и навалился на Федю, извивавшегося со связанными руками.

Полость у входа распахнулась. В кúваксу вошел пожилой саам. Одетый в просторный соvíк, похожий на широкое, сшитое колоколом платье из грубого сукна с откинутым на спину капюшоном, низко перехваченный тасмой — поясом с длинной, почти в четверть метра кованой медной пряжкой, он ничем не выделялся среди других пастухов. И вместе с тем что-то едва уловимое в фигуре и голосе отличало его от остальных. Стоило ему войти в кúваксу — и все оставили Федю и принялись наперебой рассказывать о том, что произошло сейчас. Слушая пастухов, пожилой саам чуть склонил умное лицо с резкими морщинами на лбу и по краям четко прорезанного, волевого рта.

Невольно и связанный Федя прислушался к непонятной для него речи, ловил редкие знакомые слова. Одно из них резнуло его слух так, что он весь напрягся. И снова услышал он знакомое страшное слово «шпион».

— Кто шпион? — закричал Федя. — Какой я вам, к черту, шпион? Я — русский человек. Рабочий строительства. Комсомолец!

Молодой саам, вязавший ему руки, обернулся и на чистом русском языке спросил:

— Какой ты русский, если по-русски ни шиша говорить не можешь?

— Вошел, здравствуй не сказал, — добавил стоящий за ним старик. — Русский!

— Я?.. — Федя рывком сел на шкуры. — Да я в Серпухове десятилетку кончил! Я...

Обычно сдержанный и молчаливый, он захлебнулся от возмущения. Еще бы — его приняли за шпиона!

— У меня отец на фронте погиб! — почти кричал он. — Я сам добровольно приехал сюда. По путевке ЦК комсомола приехал. А вы... Шпион!.. Связали!

— Пожалуй!.. — задумчиво согласился пожилой саам, всматриваясь черными зоркими глазами в связанного Федю. — Пожалуй, верно. Шпион не такой дурак, чтобы забраться на Мурман, не зная по-русски. — Он помолчал немного и добавил с еле заметной доброй усмешкой: — Шпион, наверно, и нас, саамов, знает лучше, чем некоторые комсомольцы с десятилеткой, едущие помогать нам. С путевкой ЦК комсомола!

Удар был нанесен точно. Федя почувствовал, что краснеет, и не нашелся с ответом.

— Развяжите его, — сказал пожилой саам.

Он подождал, пока Федю освободили от веревок, и спросил.

— Паспорт есть?

— Есть паспорт, пропуск на строительство, — хмуро ответил Федя, вытирая кулаком слезящиеся глаза. — И комсомольский билет.

— Покажи.

Федя расстегнул лыжную куртку. Достал из внутреннего кармана, зашпиленного английской булавкой, документы.

Пожилой саам отвернулся к услужливо откинутой стариком полости. Внимательно проверил документы, сличил приклеенные к ним фотографии и спросил:

— Где прописан?

«Вот это чудеса! — искренне изумился про себя Федя. — В тундре интересуются пропиской».

— Я прописан в общежитии строительства, — сдержанно ответил он.

— Правильно, — подтвердил пожилой сам, возвращая ему документы, и протянул широкую крепкую руку. — Что ж!.. Будем знакомы. Фамилия моя Сорванов. Зовут Прохор Петрович. Бригадир-оленовод. А это... — Он слегка подтолкнул к гостю смущенного неожиданном повороте дела круглолицего парня с жесткими черными волосами: — Это наш Яша. Тоже Сорванов. А тот... Дорофей. Но уже не Сорванов, а Галкин. А это самый старый пастух в районе. Так и зовут его все: старый Каллуст.

Прохор Петрович взглянул на залитое слезами лицо Феди и мягко, словно извиняясь, объяснил:

— Дымно в кúваксе. Ребята набегались с утра за олешками. Пристали. Опять же и пострять надо. — Он обернулся к Яше и сказал: — Убери-ка дым.

Яша привычным плавным движением вынырнул из кúваксы. Вскрабкался по одной из жердей наверх и прикрыл куском брезента часть отверстия с наветренной стороны.

Дым над костром сразу выровнялся столбом.

Прохор Петрович дал Феде отдышаться, потом спросил:

— Как ты попал сюда? Далеко забрел от поселка.

— Не близко... — согласился Федя.

И рассказал внимательно слушающим пастухам о поисках Васьки Калабухова, о следах, что привели новоселов на Семужью, об

их задержании. Рассказал о Сазонове и его сообщниках. Не утаил Федя и о своем побеге.

— Сазонов? — повторил Прохор Петрович припоминая. — Сазонов... Не знаю такого.

— Зато я знаю! — горячо воскликнул Федя. — Раскусил его. В поселке он... законник. А здесь?.. Показал себя! Связался с какой-то шантрапой...

— Да-а! Всякое бывает! — уклончиво протянул Прохор Петрович, думая о чем-то своем. — А насчет Васьки вашего еще вчера утром передавали по радио.

— По радио? — насторожился Федя. — Нашли его?

— Нет. Мать получила от него письмо. Пишет ей Васька, что уехал далеко. На неделю. Просил мать не тревожиться.

— Не тревожиться! — возмутился Федя. — А его ищут!

— Все уже вернулись в поселок, — успокоил его Прохор Петрович. — Одни вы ищите. — Он подумал и добавил: — Если след ваш верный... надо искать. Нечего мальчишке болтаться по тундре. Может в болото залезть, с горы сорваться...

— Ваську надо найти! — обрадовался поддержке Федя. — Но прежде всего надо догнать Сазонова. Сейчас же!

— Горяч ты больно! — остановил его Прохор Петрович. — Погляди-ка, парень, на себя. Кто с таким в тундру пойдет? В горы? Прежде отдохни...

Федя нетерпеливо махнул рукой.

— Покушай, — настойчиво продолжал Прохор Петрович. — Чаю надо напиться. На

дорогу. — И, не давая возразить себе, успокоил гостя: — Найдем Сазонова. Найдем! Лихих людей в тундре нету. Ходим мы тут, ездим на олешках, зимой и летом. В одиночку ездим. Ничего. Никто не обижает.

Прохор Петрович присмотрелся к нахмуренному лицу Федя и круто перевел разговор:

— А насчет семги... ошибся Васька. Поймать семужку тут, конечно, можно. Десять штук можно поймать. А что ты станешь с ними делать? Как потащишь их отсюда? На себе одну-две хороших рыбины унесешь в поселок — и все. Какой же вор пойдет сюда за такой добычей?

— А если по реке спуститься? — спросил Федя, желая окончательно увериться в своих предположениях, что не ради семги пришел Сазонов со своими «гавриками» на Семужью.

— По реке! — усмехнулся Прохор Петрович. — Не знаешь ты, парень, нашу реку. На чем ты спустишься? Лодок здесь нет и отроду в заводе не бывало. Плата не срубишь. Не из чего. А если даже спустишься по реке и не разобьешься о камни и пороги — куда ты попадешь? В райцентр. Из райцентра один путь — на пароходе. Вот уж где поймают тебя с семгой наверняка. Нет, брат! Семга в тундре на хорошем запоре. Сторожа тут не надобны. Здесь каждого человека далеко видно. Очень далеко!

Пока Федя беседовал с Прохором Петровичем, старый Каллуст снял с костра кастрюльку. Побитая эмалированная крышка свалилась с нее, и в куваксе запахло крепким бульоном. Старик, наморщив лоб, попробовал

варево. Морщины его тут же разошлись в довольной улыбке.

— Шиг лим!¹ — значительно поднял он ложку и одобрительно покачал головой. — Лим, лим!..

Старый Каллусг достал из-под ската куваксы миски и принялся разливать суп, в котором было больше вареной оленины, чем бульона, и совсем немного картошки.

Яша подхватил ложкой тонкий ломтик картошки и гордо произнес:

— Картошка своя. Тундровая!

— Третий год сажаем, — значительно добавил молчавший все время Дорофей. — Довесны хватило. Своей-то!

Прохор Петрович ничего не сказал. Но по довольному лицу бригадира Федя понял, что в этой картошке есть доля и его труда. Желая сделать хозяевам приятное, Федя выбрал из миски несколько ломтиков картошки, съел их и похвалил:

— Картошка ваша... как у нас, под Москвой.

Хозяева довольно переглянулись. Сам того не подозревая, Федя дал самую высокую оценку картошке, выросшей в тундре.

Саамы оказались вовсе не такими молчаливыми, как в первые минуты знакомства. Оживленно расспрашивали они нового человека: что хорошего в поселковом магазине? Какое кино показывали в клубе? Скоро ли придет в тундру поселковая самодеятель-

¹ Хороший суп!

ность или, как громко называли ее пастухи, «ваши артисты»?

— В поселке жить хорошо! — вздохнул Яша. — Весело! А мы, пастухи, живем по-старинке. В кúваксе!

— Кто тебя держит в кúваксе? — недовольно заметил Прохор Петрович. — После армии работал ты в шахте. Не приглянулось. Обратно пришел в кúваксу.

— Кабы к нашим олешкам да шахтерский клуб! Вот тогда бы жизнь была! — добродушно отшутился Яша. — А летом даже хорошо жить в кúваксе — воздуха много, потолок высокий. — И он показал рукой на отверстие в куполе.

Слушая чистую русскую речь пастухов, Федя испытывал странное ощущение, будто окружают его не саамы, а такие же, как и он сам, русские люди. Правда, правильное русское произношение Яши объяснялось просто: парень кончил семилетку, служил в армии, трудился в шахте. Прохор Петрович, видимо, тоже повидал свет.

Но старый Каллуст! В каждом движении его чувствовался житель тундры, для которого все в кúваксе привычно и удобно. И тем не менее он говорил по-русски свободно, лишь изредка, сам того не замечая, вставлял саамское слово или фразу. Только лица собеседников выдавали их — широкие, смуглые, да прямые черные волосы.

Теперь, когда дым уходил вверх, Федя смог осмотреть скромное пастушье жилье. Немногим отличалось оно от кочевых жилищ, какие ставили саамы в тундре в давние го-

ды. Посередине кúваксы пылал костер; подвешенный на обугленной рогульке, грелся огромный закопченный чайник. Несколько поодаль от него поджаривались вкусно пахнувшие куски оленины — они были наколоты на острые концы хворостин, воткнутых в землю. На вколоченных в жерди гвоздях висели сплетенные из сыромятных ремешков арканы, часы-ходики и запасная упряжь. Рядом сушилась одежда...

И тут же — приметы нового времени, нового, советского быта: в глубине кúваксы, на невысокой полочке, лежали стопкой книги и газеты, поблескивал лаком радиоприемник; на особой подставке, пристроенной подальше от огня, стоял бережно прикрытый полотенцем патефон.

Яша перехватил взгляд Феди и понял его по-своему. Деловито отложил он в сторону жареное оленьё ребро. Желая угодить гостю, а быть может, и удивить его, Яша достал патефон, пристроил его на ровном месте.

И вдруг в кúваксе загрохотал могучий бас Шаляпина.

Жил, был король
Когда-то.
При нем блоха
Жила...

На смену шаляпинскому басу пришел далекий жаркий голос Рашида Бейбутова, картавый говорок Ива Монтана, вкрадчивый голос Клавдии Шульженко.

Радужные хозяева увлеклись и не сразу заметили, что гость не выдержал и... заснул сидя. Яша продолжал менять пластинки, по-

ка его не подозревал Прохор Петрович, показав на спящего Федю. Вдвоем они устроили гостя поудобнее; подложили ему под голову подушку, стащили с ног сапоги.

— Здоров парень спать! — восхищенно произнес Яша. — Не парень — медведь!

— Медведю тоже отдохнуть надо, — заметил Прохор Петрович.

Он остановил кричащий патефон и кивнул на гостя:

— А еще отдыхать не хотел. Спешил в горы. Доказывал.

Яша вынес из куваксы дымящие головешки. Костер был уже не нужен.

Но Феде не мешали ни патефон, ни сдержанный говор пастухов, собиравшихся сходить проверить стадо. Он спал крепким сном.

Глава четырнадцатая

ВАСЬКА КАЛАБУХОВ

После дерзкого побега Феди поведение Сазонова заметно изменилось. Держался он по-прежнему властно, разговаривал с задержанными повелительно, командным языком. Но в отношениях его к Наташе и Володе появилось нечто новое, похожее на заботу. На привале он поинтересовался: не натерла ли Наташа ноги. Напомнил, что, отдыхая, следует разуться, а заодно предупредил ее и Володю, как уберечься в пути от простуды.

Пробовал вмешаться в беседу и Барбос. Но Наташа даже головы не повернула в его сторону. Барбос вызывал у девушки отвращение, и она не считала нужным скрывать это.

Зато третий конвоир оказался неприметен не только внешне. Он шел последним, равномерно, в такт каждому своему шагу покачивая головой, как лошадь. За всю дорогу Наташа и Володя так и не услышали его голоса, за что и прозвали его Немым.

Небольшая группа по-прежнему двигалась западным склоном горы. Пропасть, разделявшая две горные гряды, становилась все шире, постепенно перешла в глубокую лощину с пологими скатами. Карниз слился со склоном. Уже не так дик и неприступен был и противоположный кряж. Очертания его становились все округлее, мягче. А дальше две вершины будто стукнулись каменными лбами и разошлись, оставив между собой узкий проход в сторону ручья и поселка.

Несколько раз уже Наташа выразительно смотрела на Сазонова. Но тот продолжал вести группу на север.

— Здесь можно свернуть к ручью, — не выдержала Наташа и показала посохом через лощину. — Удобное место.

— А что там дальше, — усмехнулся Сазонов, — за удобным местом? Ты же не знаешь?

— Нет.

— То-то! — В голосе Сазонова прозвучали покровительственные нотки. — Болото там непролазное. Топь!

Лощина раздвоилась, обтекая врезавшийся в нее клином гранитный массив. Сазонов свернул вправо и повел свою группу узким руслом, промытым талыми водами. На дне его еле слышно звенел укрытый камнями ручеек. Неширокое русло стиснули причудли-

во изломанные скалы, меж которыми робко жались кусты ивы и остро пахнущего багульника...

Наташа нащупала в кармане клочок серебряной обертки от плавленого сыра, расправила ее на ладони и бросила себе под ноги.

Барбос заметил это. Подобрав обертку, он прибавил шаг и нагнал Наташу. На глазах у нее он смял обертку короткими толстыми пальцами и бросил в сторону. Серебряный шарик упруго запрыгал по камням и закатился в какую-то трещину.

Все это Барбос проделал молча, посматривая сбоку на девушку своими тусклыми, неживыми глазами. Промолчала и Наташа. Будто случайно выбросила она завалявшуюся в кармане обертку и больше ее ничего не интересовало.

Неудачная попытка не остановила девушку. Наташа была уверена, что Федя жив, ищет их. Надо было помочь ему — оставить за собой приметный след. Девушка терпеливо выжидала. И когда Барбос заговорил с Сазоновым, она вырвала из блокнота листок и обронила его.

Барбос прервал беседу, поднял белевший на камне листок и подал его Наташе.

— Записочку обронили! — осклабился он. — Может, важное что.

Наташа невольно отстранилась от него. Странная была улыбка у Барбоса. Широкое морщинистое лицо его улыбалось, а глаза по-прежнему оставались пустыми, мертвыми.

— Вы же осмотрели листок, — еле сдер-

живая себя, ответила Наташа. — Видели, что там ничего не написано...

Неожиданно Сазонов круто свернул в сторону от русла. Пробираясь первым в беспорядочном нагромождении крупных камней, он вывел группу к высокому обрыву.

— Придется здесь подняться, — сказал Сазонов. — Срежем хороший кусок трудной дороги.

— Подняться? — Наташа осмотрела гладкий обрыв — зеленоватый с черными прожилками камень. — Разве нельзя пройти иначе?

— Экая же ты!.. — Сазонов укоризненно взглянул на нее и, откинув полу стеганки, достал из кармана никелированный портсигар. — Нам тоже не радость бродить с вами по тундре, — сказал он закуривая. — А дорога здесь одна.

В это время по обрыву спустилась веревка.

— Е-есть! — крикнул Сазонов и старательно вдавил каблуком в мох недокуренную папиросу.

— Дава-ай! — ответил невидный снизу Немой.

«Значит, где-то здесь можно подняться наверх и не взбираясь по обрыву? — отметила про себя Наташа. — Зачем же нам лезть на стену, если недалеко есть обход?»

Она круто повернулась к Сазонову и спросила, глядя мимо его лица:

— Куда вы нас ведете?

— Куда надо, туда и ведем, — ответил за Сазонова Барбос.

— Мы ушли в сторону от поселка, — про-

должала Наташа, не обращая внимания на Барбоса.

— Дорогу-то я лучше знаю! — отрезал Сазонов.

— Дорогу вы знаете, — вмешался Володя, — но направление мы видим. Вы ведете все время на север. Поселок остался вон где.

Сазонов не ответил ему. Он поднял свисающий с обрыва конец веревки и осмотрел своих спутников, обдумывая, с кого начать подъем.

— Я дальше не пойду, — твердо сказала Наташа. — Пока не узнаю, куда вы нас ведете, — шагую не сделаю.

— Не пойдешь добром — силой заставим, — вмешался Барбос. Презрительное отношение Наташи задевало его все больше. Он искал случая дать ей почувствовать свою власть и значение в группе. — Заставим!

Остановил его строгий взгляд Сазонова.

— Идем мы в поселок. Вам это известно, — сказал он, обращаясь к одной Наташе. — Хотите вы или нет — меня не интересует. Но вы должны идти с нами.

— Нет! — мотнула головой Наташа. — Не пойду.

— Отпустить вас я не могу, — отрезал Сазонов. — Один свалился в пропасть, погиб...

— Погиб? — воскликнула Наташа. — Федя погиб?

— Спроси у него. — Сазонов кивнул в сторону Барбоса. — Он сам видел.

— Своими глазами! — охотно подтвердил Барбос. — Под снегом зацепился рюкзаком за камень и сломал шею.

Барбос сделал скорбную мину и даже склонил голову на бок, показывая, как выглядел Федя со сломанной шеей.

Наташа выпрямилась и тряхнула головой, будто отбрасывая нависшую на глаза прядку.

— Не верю!

— Ну вот! — Барбос огорченно развел руками, обращаясь к Сазонову. — Поговори с ней.

— Не верю! — повторила Наташа, вызывающе глядя в лицо Барбоса застекляневшими злыми глазами. — Лжешь!

— К чему этот пустой разговор? — поспешил на выручку к Барбосу Сазонов. — Отпустить вас я не могу. Не имею права. Отпусти вас, а вы опять натворите чудес. Полезете куда не надо. Заблудитесь. А то и в пропасть свалитесь. А нам отвечать. Думаешь, милиция не отвечает за задержанных?

— На всю катушку! — вставил Барбос.

Разговор шел, как на сцене у плохих актеров, когда никто из них не верит ни тому, что говорит сам, ни тому, что слышит от своих партнеров.

Володя не участвовал в разговоре. Но в нем все кипело от негодования и сознания своей беспомощности. Мучительно думал он, как бы вырваться из рук Сазонова. И ничего не мог придумать. Бороться? Силы были слишком неравные. Вели их здоровые, сильные люди, привычные к суровым условиям Заполярья и к тому же вооруженные. Бежать! Бежать куда угодно! В горы, в лес, в тундру!

Если б он был один... Володя, не задумываясь, прыгнул бы за Федей в пропасть. Вдвоем они выбрались бы оттуда! Но оставить Наташу с Сазоновым, со звероподобным Барбосом, с Немым он не мог. После побега Феде Володя считал, что отвечает за все, что случится с Наташей. Вот откуда появилась у него небывалая выдержка, внешне равнодушный взгляд и ленивый тихий голос. Пример Феде был слишком убедителен. Пока Володя с Наташей спорили, горячились, доказывали свою правоту, Федя держался спокойно, не обращая на себя внимания сазоновской компании, а потом прыгнул в пропасть... Ищи его!

Теперь оставалось ждать случая, держаться каждую минуту собранным, готовым к побегу или к сопротивлению, как подскажут обстоятельства. Поэтому-то Володя и не вмешивался в спор Наташи с Сазоновым, хотя все в нем клокотало от возмущения. Сейчас лучше всего было остановить Наташу, чтобы не усиливать подозрительности сазоновской компании.

— Хватит! — бросил Володя, не оборачиваясь к Наташе. — Дойдем до поселка — разберемся.

Его изменившийся голос сказал Наташе больше, чем слова. Она молча подошла к обрыву и сама обвязала себя веревкой.

За Наташей с неожиданной для его грузной фигуры ловкостью вскарабкался на обрыв Барбос. После Володи последним легко поднялся Сазонов.

— Здесь мы и заночуем! — сказал он, показывая рукой на прижавшуюся к густому

кустарнику площадку, покрытую ягелем. — Перина тут готовая. Только с огоньком полегче. А то сухой ягель — вроде пороха. Вспыхнет — не погасишь его.

Наташа с Володей устроились поодаль от сазоновской компании. Им не терпелось обсудить с глазу на глаз последние события.

— Я не верю, что Федя погиб, — шепнула Наташа. — Не верю!

— Я тоже, — так же тихо ответил Володя. — Плохо сыграл Барбос. Переиграл. Они и на обрыв нас потащили, чтобы сбить Федю со следа.

— Надо было бежать всем троим, — еле скрывая досаду, продолжала Наташа.

— И ты прыгнула бы в пропасть?

— Не отстала б! — задорно бросила Наташа. — Лучше раз рискнуть, чем тащиться с такими... — И она презрительно повела глазами в сторону напряженно прислушивающегося к их беседе Барбоса. — Имей в виду, Володя, — внушительно продолжала Наташа, не дожидаясь ответа, — при первой же возможности мы бежим. Бежим обязательно! Не вздумай только уговаривать меня. Мы влипли в прескверную историю. Куда нас ведут по этой пустыне? Зачем? Ничего хорошего от этого путешествия ждать нельзя. Рассчитывать не на кого. Только на себя.

Володя давно понял, что хорошего от Сазонова ждать нечего. Но и предложить он ничего не мог. А разжигать порывистую Наташу, поддакивать ей было опасно. Да это и противоречило его планам: усыпить мнимой

покорностью бдительность Сазонова, а затем дожидаться удобного случая — и бежать.

— Мы с тобой только разговариваем, — не унималась Наташа. — Разговариваем, когда нужно действовать. Федя не из разговорчивых. Но если надо...

Разгоряченная Наташа осеклась. Она заметила, что Барбос, разуваясь, незаметно придвинулся к ним. Он сидел, не спуская с Наташи тяжелого неподвижного взгляда.

— Чего вы устались на меня? — не выдержала она.

— Понравилась! — мрачно пошутил Барбос и, намекая на подобранные им в пути обертку от сыра и бумажку, насмешливо добавил: — Всю дорогу глаз с тебя не спускаю.

— А я с вас. — Наташа брезгливо поморщилась. — Противно, а смотрю.

Барбос не нашелся, что ответить, и мерзко выругался.

Наташа с неожиданной силой схватила вспыхнувшего Володю за руку:

— Сиди!

И посмотрела так, что Володя притих.

А Барбос развалился на мху, широко раскинув босые белые ноги, и ругался не замолкая, без передышки.

— Товарищ Сазонов! — громко позвала Наташа. — Заставьте это животное замолчать.

Барбос настолько опешил от Наташиной дерзости, что, сам того не замечая, притих.

Не обращая больше на него внимания, Наташа поднялась и сказала Володе:

— Подбрось дров в костер. Я займусь кашей.

И спокойно отошла к рюкзакам.

Довольная одержанной маленькой победой, Наташа принялась за свое несложное хозяйство. Она размяла в котелке концентрат и направилась к выбегающему из зарослей ключу. Набирая воду, девушка бездумно следила за дрожащей светлой струйкой.

Неожиданно в руку ее ударил небольшой камушек, завернутый в бумажку.

— Ой! — невольно вскрикнула Наташа и выронила котелок.

— Что с тобой? — откликнулся от костра Володя.

— Пустяки, — еле сдерживая участвовавшее дыхание, ответила Наташа. — Концентрат рассыпала.

Она нагнулась над котелком. Разорвала нитку, которой была привязана записка к камешку. С первого же взгляда девушка узнала этот крупный, с сильным нажимом почерк.

«Я здесь, близко, — прочла Наташа. — Вася Калабухов».

Она достала из нагрудного кармана клочок тетрадной обложки. Сомнений быть не могло: записка и надпись на клочке написаны одной рукой.

— Володя! — позвала Наташа. — Помоги собрать крупу.

— Экая же ты нескладная! — добродушно упрекнул ее Володя.

Наташа подождала его и показала записку Васьки Калабухова.

— Читай.

— Вот это парень! — Володя посмотрел на Наташу блестящими глазами. — Куда забрался!

Значит, они не одни! В этой каменной пустыне за ними следят глаза друга. Пускай это мальчишка, любитель приключений; пускай они никогда не видели его, а если и встречали в поселке, то не замечали. Главное — он с ними заодно. И потом не так-то прост этот Васька Калабухов! Сумел же он пробраться в глубь тундры, столько дней прожить в лесу и в горах, ночуя неизвестно где и питаясь неизвестно чем! Если Васька с таким трудом добрался до Сазонова и не упустил его из виду, — такой не отступит!

Теперь, когда где-то здесь, совсем близко, оказался единомышленник, друг, мысль о побеге подавила все остальные.

— Как бы нам связаться с Васькой? — задумчиво произнес Володя. — Записку бросить ему, что ли?

— Бросишь! — Наташа показала головой в сторону следящего за ними издали Барбоса. — Корявый глаз с нас не сводит.

Поправляя рукав, она случайно взглянула на часы — и ахнула:

— Час ночи! А у нас еще каша не готова.

И припустилась бегом к костру.

Пока Володя нарезал ягеля и застлал его плащ-палаткой, ужин был готов.

...Долго не мог заснуть Володя в эту необычайно теплую для Заполярья ночь. Мешало солнце, шум листвы. А больше всего мешало заснуть пережитое сегодня: задержа-

ние, побег Феди, странное поведение и несомненная уже преступность действий Сазонова и его спутников-«милиционеров». Волновало и неожиданное появление Васьки Калабухова. Потом мысли перенеслись в далекое прошлое. Вспомнились родной город, детство, начало дружбы с Федей и Наташей...

Глава пятнадцатая

ИСТОКИ ДРУЖБЫ

Едва ли и сами друзья понимали, что стремление «Вперед! Всегда вперед! Один за всех, и все за одного!» зародилось и окрепло в них еще задолго до знакомства с романом Дюма...

Все началось с незабываемого для Феди дня, когда мать получила извещение о гибели отца. Страшный удар не свалил ее, нет. Люди в войну стали изумительно стойки и выносливы. Федя смутно помнил, что мать будто стала поменьше ростом, незаметнее в их маленьком доме и все куда-то исчезала. Да и сам дом изменился, стал холоднее, темнее.

Однажды, когда мать еще была на работе, к ним в комнату вошли двое ребят в пионерских галстуках: мальчик и девочка. Необычайно серьезные, почти суровые, они, не вступая в лишние разговоры с Федей-малышом, по-хозяйски распорядились в чужом доме. Мальчик натаскал в кадушку воды и наколот дров. Девочка прибрала обе комнаты и кухню, вымыла полы.

Покончив с делами, мальчуган с нашитой на рукаве красной полоской подошел к почти-

тельно наблюдавшему за ним Феде и деловито сказал:

— Передай матери, что завтра мы опять придем. После школы. Поможем.

Мальчуган подхватил свою полевую сумку, девочка — потертый рыженький портфель и матерчатый мешочек с галошами. Четко отсалютовали они онемевшему от таких почестей Феде и вышли из дому.

Назавтра, в то же самое время, мальчик и девочка снова пришли. Каждый из них принялся за свое дело. Мальчик колол дрова и таскал воду. Девочка подметала, чистила кастрюли, протирала окна.

Маленький Федя смотрел на деловито хозяйничающих в комнате пионеров широко раскрытыми, почти восторженными глазами. Прощаясь с ними, он не выдержал, спросил:

— А кто вы такие?

— Тимуровцы, — ответил мальчик с красной полоской на рукаве.

Кто такие тимуровцы, Федя не знал. Но слово это надолго запомнил.

Уже провожая гостей, Федя спросил у девочки:

— А можно мне стать тимуровцем?

— Прежде заслужи вот это. — Она слегка прикоснулась двумя пальцами к пионерскому галстуку, надетому прямо на худенькую голую шею. — Тогда и тебя примут.

Заслужи! Хорошо ей говорить «заслужи»! Федя совсем недавно пошел в первый класс. В его глазах пионерский галстук был признаком ученической возмужалости. Как далеко казалось до него стриженому ершистому пер-

вокласснику! А стать таким, как эти ребята, хотелось сейчас же, немедленно. И не только Феде, но и его дружку Володьке, сыну учительницы. Но ждать, пока их примут в пионеры, нетерпеливые мальчишки не могли.

— Ладно! — решили приятели. — Не берут нас в тимуровцы, а мы сами...

Мальчишки частенько видели на соседнем крыльце маленькую чумазую Наташку. Возвращаясь из детского сада, она подолгу стояла возле крыльца, ожидая мать, работавшую на прядильной фабрике. Потом, пока мать растапливала плиту и выкладывала из сумки принесенные продукты, девчушка бежала с маленьким ведерком к колонке. Донести воду и не оплескать платье и валенки Наташке никак не удавалось, — за что ей не раз попадало под горячую руку от усталой матери...

На нее-то и обратили свое внимание самозванные тимуровцы.

Как-то запыхавшаяся, красная Наташка бережно несла свое ведерко к дому. И вдруг к ней подошли двое мальчишек. Один из них, показавшийся Наташке очень большим и сильным, глядя куда-то в сторону, небрежно бросил:

— Дай-ка я понесу.

Наташка, со свойственным девочкам недоверием к мальчишкам, не ждала от этой встречи ничего хорошего. Испуганно загородила она собой ведерко и тоненько пискнула: — Уйди-и! Тебя не трогают!

Но толстый мальчишка даже не удостоил

ее ответом. Оттолкнул он Наташку сильным плечом, поднял ее ведерко и понес.

— Отда-ай! — заплакала девочка. — Отдай ведерко-о!

Мальчишка и не обернулся к ней. Он нес ведерко легко и быстро. Бедная Наташка еле поспевала за ним. Потом второй мальчуган — худенький, очкастый — забежал вперед и сказал товарищу:

— Моя очередь нести.

Толстый мальчишка безропотно отдал ему ведерко и обернулся к плачущей Наташке.

— Чего ревешь? — грубо спросил он. — Не видишь, что ли? Мы помогаем.

Но Наташка не верила в добрые намерения мальчишек. Стоило Феде заговорить с ней, как она заплакала еще громче; заплакала так, что мальчуган еле удержался от соблазна стукнуть реву.

Так и дошли они до знакомого крыльца. Впереди, с ведерком — осторожно шагающий Володя. За ним — насупившийся, почти торжественный Федя. Последней, шаркая растоптанными валенками, бежала плачущая Наташка.

У крыльца Володя поставил ведерко на ступеньку и неприязненно покосился на зареванную девочку.

— Ну что? — презрительно бросил он. — Съели мы твоё ведро? Разревелась!

Наташка схватила одной рукой ведерко, другой размазала по щеке слезы и испуганно юркнула за дверь.

Глупая Наташка не понимала, какую жертву принесли ради нее мальчишки. Для них

легче было пойти в партизаны, улететь на самолете в тыл врага, поймать шпиона, чем помочь девчонке. Но они знали, что тимуровцы помогают слабым. И мальчишки делали почти невозможное — помогали девочке с тонкими белыми косичками, которую почти ненавидели за то, что она девчонка и ей приходится помогать.

Федя и Володя терпеливо возились с Наташкой: занимали ее, учили всему, что знали сами, даже воспитывали. Старательно сооружали они снежную бабу, катали девочку на салазках так усердно, что порой на поворотах она вылетала в снег. А когда возвращалась с работы сердитая Наташкина мать, мальчишки подхватывали ведро и взапуски мчались к колонке. А за ними, широко размахивая руками, семенила закутанная в мамкин платок, завязанный на груди крест-накрест с торчащими за спиной острыми концами, маленькая неуклюжая Наташка.

Если с играми и помощью Наташке дело наладилось быстро, то воспитывать девчушку оказалось намного труднее. Федя с Володей общими усилиями приучили ее вытирать нос платком и мыть руки после игры. (Тимуровцы, ходившие к Феде, всегда после работы мыли руки). Зато дальше воспитание Наташки пошло своеобразным путем, не предусмотренным никакими педагогическими правилами и авторитетами. К весне Наташка умела лихо лазить через заборы, свистеть в два пальца, удить окуней, плевать с крыльца до середины мостовой, а если понадобится — так и дать обидчику «под дыхало».

Бывало, что и самой Наташке попадало от ее покровителей. Впрочем, случайный тычок от своих мальчишек она переносила легко. Разве чуть взревнет для приличия — и тут же забудет о нем. Зато девочка знала: у нее есть защитники. Никогда не позволят они, чтобы чужой мальчишка обидел «их» Наташку.

Летом времени у Володи и Феди стало больше, и они усилили свою воспитательскую деятельность. Научили они Наташку плавать, нырять с мостков, с которых полоскали белье, играть в футбол. Брали они ее с собой за Оку, собирать ягоды...

И поныне еще рассказывают серпуховские старожилы, как однажды старичок — бывший школьный учитель — выглянул в окно и услышал в саду подозрительную возню под яблоней. Укрываясь за кустами смородины, хозяин подкрался к яблоне и увидел двух малышей. Один из них, сидя на толстом суку, деловито обрывал с ветвей зеленые яблоки. Другой тянулся за ними снизу.

Мальчишки увлеклись и не заметили опасности.

Остановил их грозный оклик хозяина:

— Вы что делаете?

Ребята растерянно переглянулись и засопели.

— Кто вы такие? — спросил хозяин еще строже и положил руки на пряжку ремня. — Отвечайте!

Тогда стоявший под яблоней толстый мальчуган одернул оттянутую яблоками линия-

лую сатиновую рубашку и с достоинством произнес:

— Мы — тимуровцы.

— Тимуровцы? — опешил хозяин. — Вы?

— Мы.

— Разве тимуровцы крадут яблоки из чужих садов?

Второй мальчишка, сидя верхом на суку, поправил очки и обиженно, с непоколебимым сознанием своей правоты ответил:

— Крадут — для себя. А мы — таскаем яблоки. Для Наташки.

— Она хочет яблок, — поддержал его снизу толстый мальчуган. — А где нам их взять, яблок-то?

— Кто она? — не понял хозяин.

— Да Наташка!

Хозяин настолько опешил от такой своеобразной деятельности «тимуровцев», что, выслушав мальчишек, выпроводил их за ворота и даже яблоки не отобрал.

Осенью в жизни маленькой компании произошло два больших события. Вернулся из армии отец Наташки. Вскоре она получила выдавшую виды отцовскую полевую сумку и пошла в школу. Но и это ничего не изменило в отношениях между друзьями. Что бы не затеяли предприимчивые мальчишки, Наташка была постоянной участницей их игр и проделок. Девчушка переняла вкусы и наклонности своих друзей. Лучшими игрушками Наташки были не подаренные родителями куклы, а самодельный автомат с трещоткой, самокат, воздушный змей, удочки. Не отставала она даже в футболе. Девчушка, на удив-

ление прохожим, лихо тузила босыми ногами тряпичный мяч.

Наташка скоро выровнялась, стала быстрой, даже резковатой в движениях и острой на язык. Немало огорчений доставляла по-мальчишески непоседливая Наташка учителям, в особенности преподавателю физкультуры. Три года уже писал он научную работу, в которой весьма обстоятельно доказывал, что лучшие спортивные данные имеют рослые, длинноногие девочки. А маленькая Наташка легко била своих рослых и длинноногих сверстниц по бегу, прыжкам, не говоря уже об играх. А заодно она, сама того не зная, разбивала и научно обоснованные взгляды преподавателя о спортивных преимуществах большого роста над маленьким и длинных ног над короткими...

Шел год за годом. Как-то незаметно Наташка превратилась в Наташику, а затем и в Наташу. С годами увеличивались у Наташи каблучки, менялась прическа, появились первые приметы женственности. В отношениях друзей тоже происходили весьма существенные изменения. Сама того не замечая, Наташа постепенно отучала мальчишек от всего чему раньше училась у них. Уже не лезли они через забор, если поблизости случалась калитка, не набивали карманы всякой всячиной и, конечно, не хвастались пятиметровыми плевками.

Наташа выросла быстро, на нее стали посматривать чужие мальчишки. Но Федя с Володей и мысли не допускали, что их Наташка может унизиться настолько, чтобы поз-

волить кому-то ухаживать за собой. Тогда-то и прочли они впервые «Три мушкетера». У них троица переняла девиз: «Вперед! Всегда вперед! Один за всех, и все за одного!» Всю же старинную бутафорию — шпаги, дуэли, чины и титулы — ребята отбросили, как ненужный хлам.

Федя, Наташа и Володя мечтали о подвигах. Больших подвигах! Скоро уже стали тесны для них исхоженные берега Оки с их бескрайними заливными лугами, знакомый с детства лес, где бродили не боявшиеся человека сказочно рогатые горбоносые лоси. Юные сердца рвались вдаль, к широким неизведанным просторам. Даже чудеса кавказской природы не смогли успокоить друзей, и лишь усилили в них волнующее стремление к неизвестному...

В Заполярье Федю, Наташу и Володю с еще большей силой захватило знакомое с детства желание — они искали подвига в труде. Друзья били шурфы и закладывали в них взрывчатку. А потом, укрываясь за заранее присмотренной скалой, прижимались к ней поплотнее и настороженно ждали, когда знакомо дрогнет под телом холодный камень, рванутся вверх серые, медленно рассеивающиеся клубы дыма, загрохочет раскатистым басом могучий взрыв...

И конечно, они не могли остаться в стороне, когда в поселке собрались искать Ваську Қалабухова. Ведь правило «один за всех, и все за одного» друзья понимали широко: не только друг за друга, но и за каждого, кто нуждается в помощи или в защите.

Мог ли Володя сейчас не думать о Наташе! Тем более, что в нем все сильнее росло сознание своей вины: ведь это он затеял рыбную ловлю на Семуужьей. С этого и начались все неприятности.

Володя сам не заметил, как произнес:

— Наташик!

Наташа открыла глаза и прислушалась. Давно, очень давно никто ее так не звал. В знакомом обращении «Наташик» девушка услышала какую-то новую нотку, от которой по спине пробежал приятный озноб. Хотелось еще раз услышать голос Володи, вслушаться в него и понять то новое, что в нем прозвучало так неожиданно и сердечно...

Заснуть Наташа не могла. Она думала о Володе.

Девушка понимала, что удерживает его здесь, рядом с ней. Как хотелось ей, чтобы Володя бежал! Но стоит ли говорить об этом? Разве Наташа не знала его! Когда-то на Оке, еще совсем мальчишка, он мог захлебнуться, утонуть, но не позволил бы ей снять руку со своего плеча.

И сейчас, как много лет назад, Наташе стало радостно и вместе с тем страшно от сознания, что рядом есть верный друг, готовый ради нее на все, даже на гибель.

Таким другом надо дорожить, оберегать его любой ценой, пускай даже ценой своей жизни. Володьку потерять!.. При одной мысли об этом у нее замерло дыхание. Другого-то Володьки не найдешь...

ТАИНСТВЕННЫЕ СИГНАЛЫ

Володя проснулся рано. Барбос и Немой еще спали. У гаснущего костра сидел Сазонов.

«Караулит», — неприязненно подумал Володя.

Он поднялся и подошел к Наташе. Слегка потряс плечо девушки:

— Вставай.

Наташа откинула одеяло и села. Сонная, с падающими на прищуренные от яркого солнца глаза спутавшимися русыми волосами, она казалась маленькой, совсем девочкой.

— Вставай, вставай! — мягко поторопил ее Володя. — Смелее.

Наташа сидела, протирая кулаком глаза, потом легким кивком подозвала Володю поближе.

— Я решила разговаривать с ними, — она кивнула в сторону Сазонова, — на их языке.

— На их языке? — не понял Володя.

— Да. Надо бороться. Они нас пугают...

Поделиться планом, придуманным ночью, Наташе не удалось.

— Поднимайся! — зычно, по-военному крикнул Сазонов.

Барбос и Немой поднялись и потащили свои подстилки из ягеля к костру. Сухой мох вспыхнул, высоко взметнув белое гудящее пламя. Не успело пламя опасть, как Барбос бросил в него подстилки Наташи и Володи. Скоро от ягеля осталась лишь груда жара, подернутого трепещущей серой пленкой золы.

Завтракали молча. Вчерашняя стычка воз-

ле обрыва обнажила истинные отношения в маленькой группе. Незачем стало скрывать их под напускной сдержанностью.

— Кончай загорать! — встал Сазонов. — Заспались!.. До десяти часов.

За ним стали собираться и остальные. Одна Наташа продолжала неторопливо причесываться.

— Не слыхала, что ли? — прикрикнул на нее Барбос.

Наташа подняла на него посветлевшие от гнева глаза и, отчеканивая каждое слово, твердо произнесла:

— Мне спешить некуда.

— Заставим — так поспешишь!

— Попробуй.

— Не станешь подчиняться — силу применим.

— Силу? — Наташа презрительно сощурилась. — Ты?

В ее нескрываемом презрении, в обращении на «ты» было нечто новое, встревожившее Барбоса.

— Вставай!

Наташа все так же неторопливо продолжала расчесывать волосы.

Барбос схватил руку девушки, резко завернул ее за спину. Наташа невольно вскрикнула и приподнялась на колени.

Вся выдержка Володи, с таким трудом дававшаяся ему, сразу исчезла.

— Бандит! — крикнул он и, не помня себя от ярости, рванулся к Барбосу.

Сазонов схватил его сзади за куртку и отбросил в сторону.

Барбос выпустил руку Наташи. Торопливо вырвал из кобуры пистолет. Сазонов быстро перехватил его запястье и отвел оружие в сторону.

— Убери! — коротко приказал он. — Кому говорю?

— Хватит! — прохрипел Барбос, вырывая руку. — Возжаться тут с ними! Сопротивление властям оказывают. Гады!

Наташа вскочила на ноги и загородила собой Володю.

— Стреляй! — Голос ее сорвался и прозвучал тихо, а потому как-то особенно значительно. — Стреляй, Барбос! Хоть перед смертью буду знать, что тебя расстреляют, как бешеную собаку.

— Разбежалась! — злобно бросил Барбос. — Расстреляют!

— Да, да! — Светлые огоньки в голубых глазах девушки вспыхнули еще ярче. — За убийство — расстрел. Закон-то ты знаешь, бандит.

— Расстрел? — Глаза Барбоса сузились, как у волка, готового прыгнуть на добычу. — В здешних горах сто лет человека не было и еще сто лет не будет.

— Спрятаться хочешь? Бежать? Нет, Барбос. Не уйдешь! За нас, новоселов, тебя на дне морском найдут. Не для того посылают комсомольцев в Заполярье, чтоб какие-то барбосы их убивали. Для тебя тундра — мешок. И завязки от этого мешка в крепких руках. Советская власть держит их вот как! — Для большей убедительности Наташа вытяну-

ла обе руки и стиснула маленькие крепкие кулаки.

— Больно храбра с утра! — огрызнулся Барбос. — Чего ж ты шла с нами, как ярочка? Или вчера советской власти еще не было?

— Вчера я верила, что вы действительно милиционеры. Потому и шла.

— А сегодня?.. — Барбос угрожающе пригнул голову. — Сегодня не пойдешь?

«Зарвалась! — мелькнуло в сознании Наташи. — Заставят пойти. Разговор-то пошел начистоту. Им терять нечего. За оружие схватились».

— Ну? — подогнал ее Барбос. — Не пойдешь?

— Нет, Барбос! — с неожиданным даже для себя спокойствием ответила Наташа. — Теперь-то я от вас не отстану. Если вы даже отпустите меня, так я сама пойду за вами. Пойду, чтобы помочь поймать вас.

— Поймать?.. — Барбос широко осклабился, будто услышал что-то очень смешное.

— Да, да! Поймать, — продолжала Наташа. — Ведь если пропадут два новосела — все поднимутся искать нас: милиция, воинские части, пограничники, комсомол! Ни одного камушка не оставят в тундре непроверенным. Трещинки не найдешь, Барбос, чтоб заползти в нее и отлежаться.

Убежденность Наташи, широкое движение руки, как бы подтверждающее, что со всех сторон уже идут люди выручать попавших в беду новоселов, смутили Барбоса. Окружающая его горная тундра сразу обрела новый, враждебный облик. Опасность могла таиться

здесь в любой складке, рошице. Барбос хотел ответить Наташе, показать, что не ей, девчонке, бороться с ними, опытными тундровиками. Надо было сломить дерзкую, посмевшую противиться им. Но нужных сильных слов не хватало. Ругань не убеждала девушку и не страшила. Оставалось последнее средство — сила.

Барбос схватил жесткой рукой Наташу за шею. Девушка побледнела от боли и обидного сознания своей беспомощности. Она хотела что-то сказать — и не могла. Невольные слезы скатились по ее щекам...

Этого Володя выдержать не мог. Горячность прорвалась в нем внезапно и мощно, сметая все доводы рассудка. Пригнув голову, он бросился на Барбоса. Свалил юношу удар рукояткой пистолета по голове...

...Володя очнулся. Голова его лежала на коленях у Наташи. С трудом раскрыл он глаза. Сазонов повернулся к нему спиной и зачем-то поправлял догорающие в костре головешки. Немой стоял в стороне и смотрел на происходившее равнодушно, как посторонний.

Барбос поднял пистолет, навел его на Володю и сипло спросил:

— Говоришь... не выстрелю?

— Нет! — мотнула головой Наташа, прижимая к себе товарища. — А хочешь сам получить пулю в лоб.. стреляй.

Володя увидел черный глазок дула и почувствовал, как лежащая на его лбу рука Наташи похолодела, стала влажной. В памяти его с изумительной быстротой и отчетливостью пронеслась вся недолгая жизнь: проводы отца на

фронт, школа, походы за Оку, Кавказ, двухцветный зал горного училища, получение комсомольской путевки, веселый шумный эшелон... Володя собрал всю свою волю, силой отстранил тяжело дышащую Наташу, приподнялся и осипшим, срывающимся от волнения голосом произнес:

— Стреляй!..

Барбос с ненавистью уставился в искаженное и вместе с тем решительное лицо юноши. Наташа замерла...

И вдруг над ними с упругим шмелиным жужжанием пролетел камень, с силой ударился о землю и отскочил далеко в сторону.

Володя и Наташа радостно выпрямились. Пустить камень с такой силой Васька не мог.

— Федя! — закричали они, перебивая друг друга. — Назад, Федя. Они с оружием!

Барбос выругался и выстрелил наугад в кусты. Еще раз.

— Хватит! — резко остановил его Сазонов, поднявшись наконец от костра. — Убери пистолет. А вы... — Он подошел к Наташе и Володе. — Запомните: шутки с вами кончены. Если что... мальчики у меня решительные. Учите это дело.

Сазонов окинул их недобрый взглядом, потом поднял с земли очки Володи.

— А это мы приберем, — сказал он. — До времени.

— Я не могу идти без очков! — запротестовал Володя.

— Сможешь, — оборвал его Сазонов. — Меньше прыгать будешь. Герой!

И передал очки Барбосу.

Сазонов и Барбос отошли к Немому, по-прежнему безразлично наблюдавшему за происходившим на поляне.

Потеря очков настолько подавила Володю, что он не заметил легкого толчка в бок.

— Смотри, смотри! — горячо шептала Наташа и толкала его все сильнее. — Смотри же! На камень!

Как ни щурился Володя, как ни напрягал свое слабое зрение, без очков он не мог увидеть того, что так взволновало Наташу. Почти у самой верхушки огромного камня, под которым догорал костер, вспыхивал и гас яркий солнечный зайчик.

— Сигналит кто-то! — шептала Наташа дрожащим от счастья голосом. — Азбукой Морзе. Читаю. Записывай.

Она коротко и опасливо оглянулась на Сазонова. Тот горячо спорил о чем-то с Барбосом, почти не обращаясь к стоящему рядом Немому.

— Г... А... Г... А... — читала Наташа. — Еще Г... А... — На тонком, выразительном лице девушки радость сменилась удивлением. — Еще Г... Семерка... Двойка... А... А... Семерка... Семерка... А... А... Что-то непонятное... А... А... Двойка... Семерка... Г... А... А... Г...

Продолжая спорить с Барбосом, Сазонов случайно повернулся и перехватил неподвижный взгляд Наташи. Проследив его, он посмотрел на скалу и увидел таинственные сигналы.

Коротким движением руки Сазонов остановил возражавшего ему Барбоса и показал на камень. Теперь уже все три сообщника

беспокойно смотрели на вспыхивающее и гаснущее ослепительно яркое пятнышко. Точки и тире! Тире и точки! Это Сазонов понял. Если б он мог прочесть таинственные письма, вспыхивающие на темном камне!

Сазонов заметил, как чуть шевелящиеся губы Наташи повторяют прочитанное на скале, и крикнул:

— Пошли!

Поторапливаемая Сазоновым группа двинулась с такой поспешностью, будто за ней уже гнались. Особенно торопился Барбос. В его угрозах и ругани слышалась уже не только злость, но и растущая тревога.

— Ничего, ничего! — усмехнулась Наташа. — Теперь-то мы от вас не отстанем.

Никто не заметил, как встревожили таинственные сигналы Сазонова. Еще бы! Кто-то передавал азбукой Морзе. Кому? Догадаться об этом было нетрудно по взволнованным лицам Наташи и Володи. Но что передавали? И кто мог сигналить здесь, в глухом уголке гундры, куда не заходит даже пастух-саам? Кто следит за маленькой группой, затерявшейся в каменной пустыне?.. Размышляя над этим, Сазонов все больше убеждал себя в том, что есть какая-то связь между появившейся с утра в поведении Наташи дерзостью и таинственными сигналами.

Сазонов с трудом скрывал от сообщников растущую в нем тревогу. Некоторое время он держался последним в группе, потом пошептался с Барбосом и незаметно скрылся в густом кустарнике. Группа пошла дальше открытым спуском.

Сазонов долго стоял на месте. Давно уже спутники его поднялись и скрылись за поворотом лощины, а он все ждал: не появится ли тот, кто следил за ними. сигналил о чем-то задержанным?

Убедившись, что за его людьми никто не шел, Сазонов стал пробираться леском к месту, откуда подавали сигналы. Но и там ничего интересного найти не удалось. Только на большом камне с плоской, будто срезанной вершиной мох оказался примятым. Здесь кто-то отдыхал. Но кто?..

Уже возвращаясь обратно к месту ночлега, Сазонов заметил клочок бумаги, наколотый на обломанную ветку. Снял его. Внимательно осмотрел.

«Следы оставляют за собой! — понял он. — Придется проверить, кто этим занимается. Прохлопали мои орлы!»

Сазонов достал из кармана часы и недовольно поморщился: стрелки сошлись на двенадцати.

«Столько времени потеряли впустую! — раздраженно подумал он. — Проспорили!»

Сазонов подошел к костру. План его был прост. Если кто-то обошел его стороной и сейчас крадется за группой, надо идти за ним. Дальше к побережью пойдут пологие безлесные гряды. Преследователю там не укрыться, не подойти к группе незамеченным. А если тот где-то здесь, близко и следит за ним, Сазоновым?.. Тем лучше! Отделаться от него по пути к побережью — направить по ложному следу — будет нетрудно.

Сазонов присел у костра. Под золой еще тлели уголья. Раздуть их было недолго...

Глава семнадцатая

НА ПОМОЩЬ

— Вставай! — будил Прохор Петрович крепко спящего Федю. — Вставай, парень! Ох, здоров же ты спать!

У Прохора Петровича не было навыков Володи. Не мог он с дружеской бесцеремонностью брызнуть на спящего ледяной водой или насовать ему за пазуху колючих еловых шишек. Легонько теребил он отброшенную во сне руку Феди и приговаривал:

— Вставай, парень! Вставай же! Ну и здоров ты спать! На что Дорофей наш мастак на это дело... А ты, пожалуй, самого Дорофея переспишь.

— А что если соревнование устроить, — вынырнул из темного угла кúваксы Яша, — Дорофея с гостем? Кто кого переспит. Положим их на одну шкуру рядом и скажем: «Давайте! Кто больше?»

— За собой гляди, парень! — обиделся Дорофей. — Каждый должен спать досыта. Сколь душа его принимает...

До сознания Феди дошло, наконец, что его будят. Медленно приоткрыл он глаза, посмотрел на прикрепленные к жерди ходики и сел, не сгибая спины, как складной.

— Я проспал семь часов!

— Семь часов, — спокойно подтвердил Прохор Петрович и без всякой связи продол-

жал: — Мясо поджарилось. Позавтракаем, будем готовиться...

— Какое мясо!.. — перебил его Федя.

Он чувствовал себя преступником, невольным сообщником Сазонова и его темной компании. Проспать семь часов, когда друзья в опасности! Этого он никогда себе не простит. Федя торопливо поправил сбившуюся за ночь одежду и потянулся за рюкзаком.

— Постой! — Прохор Петрович положил на его плечо свою небольшую плотную руку. — Вчера ты пришел — еле на ногах стоял. Сколько придется нам с тобой пройти сегодня? Не знаешь. Я тоже не знаю. Потому мы и дали тебе отдохнуть. А теперь, — он показал на пылающий костер, — садись.

Федя посмотрел в резко очерченное, волевое лицо Прохора Петровича и понял: хозяин не приглашает, а требует, чтобы гость подкрепился перед дорогой.

Прохор Петрович достал из широких кожаных ножен сточенный чуть не до половины лезвия нож с рукояткой из оленьего рога. Придерживая кусок горячей оленины за кость, он отрезал от него длинные тонкие полоски жареного мяса. Остальные пастухи ели сосредоточенно и деловито, готовясь на весь день уйти в стадо.

Огорчение не испортило аппетита Феде. Жареная на костре оленина оказалась очень вкусной — сочная, с острым привкусом дичины и еле ощутимым запахом дымка.

Прохор Петрович бросил обглоданную кость маленькой черной лайке и, вытирая руки о шкуру, сказал:

— Пока чай вскипит, будем помалу собираться.

Уложил он в заплечный мешок жареной оленины, соленых сигов и буханку ржаного хлеба. Потом забрался под скот кúваксы. Достал завернутый в просмоленную кожу карабин и подсумок на три обоймы.

— Карабин? — удивился Федя. — Армейского образца!

— Советская власть доверяет саамам, — с достоинством ответил Прохор Петрович, протирая потемневшим от частого употребления кусочком замши затвор. — У каждого пастиуха есть своя малокалиберная винтовка. А кос у кого и карабин.

— Мы пойдем вдвоем? — спросил Федя.

— Ничего, справимся и вдвоем, — ответил Прохор Петрович. — Ты сказал: Сазонов — милиционер. Не может милиционер заниматься худыми делами.

Федя понял: Прохор Петрович поверил далеко не всему. Участковый и преступление! Это никак не укладывалось в сознании бригадира. Но внешний вид Феди, его искреннее волнение убедили Прохора Петровича в том, что в горах произошло что-то неладное. Есть в тундре неписанный, но свято соблюдаемый закон: отказать обратившемуся за помощью — тяжкое преступление, пятно на долгие годы. И Прохор Петрович, скрепя сердце, готовился оставить бригаду.

— Как же вы пойдете без собаки? — спросил Яша.

— Плохо без собаки, — согласился Прохор Петрович и объяснил Феде: — Моя Очка още-

нилась. Пришлось оставить ее дома. — Он задумался; потом обратился к Яше: — Может, дашь свою Бойку?

— Дать-то можно... — Яша смущенно потер ладонью подбородок. — Только не пойдет моя Бойка с тобой. Не станет тебя слушать.

— Пожалуй, — согласился Прохор Петрович. — С чужой собакой далеко не уйдешь. Убежит она.

Он понимал, что Яша прав. Саамские пастушьи собаки — преданные животные. Круглый год они неразлучны со своими хозяевами. Даже когда пастух возвращается домой на отдых, пес и тут не отстает ни на шаг. Он идет за хозяином в гости, в правление колхоза, даже пробует проскочить в баню. В клубе приходится ставить двух контролеров: один проверяет билеты, второй следит, чтобы собаки не пробрались в зал за своими хозяевами. И все же не редкость — увидеть в зрительном зале, под стулом пастуха, изнывающего от жары косматого пса. Конечно, ни один из них не пойдет с чужим человеком, а тем более не станет исполнять его приказаний...

— А если мне пойти с вами? — спросил Яша. — Оставим со стадом Дорофея и старика.

— Трудно будет им, — недоверчиво качнул головой Прохор Петрович. — С олешками нужны молодые ноги, крепкие. — Он подумал и предложил: — Может, старый Қаллуст пойдет с нами? Пес у него хороший.

— Его Тол, как человек, — живо подхватил Яша. — Все понимает. Только разговаривать не может.

— Что ж ты молчишь? — спросил Прохор Петрович, обращаясь к старому Каллусту. — Скажи свое слово.

— Мое слово... — медленно повторил старик, избегая встречаться взглядом с бригадиром и осторожно подбирая слова. — Я всегда помогал людям. Я ходил зимой в тундру искать летчика с пропавшего самолета. Что самолет, человек! Если пропадала глупая важенка, кто первый шел искать ее? Старый Каллуст.

— Это правда, — подтвердил Прохор Петрович.

— Вы идете оскать не глупую важенку... Людей!

— Значит, идешь с нами? — спросил Прохор Петрович, настороженно слушавший длинное вступление старика.

Старый Каллуст отрицательно качнул головой:

— Нет. Не пойду.

— Мы идем искать не глупую важенку, а людей, — внушительно напомнил Прохор Петрович.

— Вы не знаете, куда идете, — тихо сказал старик. — Путь ваш... в Дурное место. Туда ходить нельзя.

— Если б я мог оставить оленей!.. — горячо вмешался Яша.

— Умнее тебя люди ходили к Дурному месту, — укоризненно перебил его старый Каллуст. — Сильнее тебя. С оружием! А где они? Где эти люди? Кто их видел?

— Не надо пугать! — поморщился Яша. — Здесь детей нет.

— Молодой ты!.. — ответил старый Калуст и повернулся к Феде. — Много лет назад ушел к Дурному месту человек из Совета. Человек этот смеялся над чертом и над богом. Стрелял он!.. Охотник был. Никто больше не видел его. За ним пошел русский командир и два солдата. Они тоже пропали. Искали русских наши, саамы. Два человека пошли к Дурному месту. И еще четыре. Никто не вернулся. И потом много народу пропало там. Хороший народ. Сильный. Смелый!

— Разговорился! — недовольно бросил Прохор Петрович. — Сейчас вспомнит Чана Рушла.

— Вам жить надо, — продолжал старик, не обращая внимания на замечание бригадира и его недовольное лицо. — А вы пропадете там. Никто не узнает, как вы пропали. Много смелых людей ходили к Дурному месту. Ни одного больше не видели. Ни живым, ни мертвым.

— Не думай, что своими разговорами ты нас удержишь, — остановил его Прохор Петрович. — Все равно мы пойдем. Надо будет — пойдем к Дикому берегу или, как ты его называешь, к Дурному месту.

Молчаливо слушавший спорящих Федя порывисто поднялся, схватил рюкзак.

— Куда ты? — Яша вскочил на ноги и загородил выход из кúваксы. — Чай пить надо.

— Чаем угощают друзей, — сухо ответил Федя. — А какая может быть у меня дружба с человеком, который не хочет помочь людям в беде?

— Постой! — Яша не двинулся с места и

даже широко развел руки, удерживая гостя. — Каллуст не хочет идти. Я пойду с вами. Только не обижайся. Я долго не могу ходить. Нельзя оставлять стадо... Ты понял меня?

— Понял, — ответил Федя.

— И выпьешь со мной чаю?

— С тобой?.. — Федя посмотрел в открытое, мужественное лицо молодого пастуха и не смог отказать ему. — С тобой выпью.

— Садись! — Яша почти вырвал у него из рук рюкзак.

— Только недолго, — спохватился Федя. — И так мы потеряли столько времени...

— Время! — усмехнулся Прохор Петрович. — Ни один саам не выйдет в дорогу, пока не напьется чаю досыта.

— Верно! — подхватил Яша, снимая обеими руками висящий над костром круглый полуведерный чайник.

— Я тоже саам, — улыбнулся Прохор Петрович. — Я тоже не могу выйти в дорогу, если не налью себя чаем по самую макушку.

— Очень хорошо сказал! — весело поддержал его Яша. — Очень хорошо! По самую макушку. Меньше никак нельзя.

И принялся разливать чай в кружки.

Федя почти со страхом смотрел на поставленную перед ним кружку. Такой он в жизни своей не видел, даже в магазине. Вмещала она примерно литр. Пастухи, желая показать свое уважение к гостю, дали ему самую большую кружку.

Но хозяев не смущали устрашающие размеры их чашек. Со вкусом прихлебывали они

почти черный чай с приятной терпкой горчинкой.

Пока остальные пили, Яша срезал с жареного оленьего бедра мякоть, завернул ее в газету и уложил в Федин рюкзак.

— Ничего, ничего! — замахал он рукой, в ответ на протесты Феди. — Запас не ноги носят, его брюхо таскает.

Прохор Петрович ополоснул кружку и надел совок. Приподнял его плечами повыше и туго перехватил широкой тасмой с подвешенным к ней ножом с медной отделкой кустарной работы. Совик на груди и спине вздулся громадными горбами. Ноги Прохора Петровича туго обтягивали летние тоборки, сшитые по щиколотку из золотисто-желтой с черными разводами шкуры морского зайца, а выше — из очищенной от шерсти кожи. Надежно просмоленные, они хорошо предохраняли ноги от сырости.

На глазах у Феди крепкая, подтянутая фигура Прохора Петровича неузнаваемо изменилась. На раздувшемся совике неестественно маленькой казалась его голова, а ноги странно тонкими, как чужие. Прохор Петрович стал похож на жителя какой-то другой планеты.

— Некрасиво? — засмеялся он, перехватив удивленный взгляд Феди. — Зато нежарко идти. За пазухой ветерок несущ.

Старый Каллуст поднялся от костра и, укладывая кружку в потертый мешок, сказал Яше:

— Не собирайся, парень.

— Что так? — удивился Яша.

— Я пойду к Дурному месту.

— Ты же говорил...

— Пойду! — настойчиво повторил старый Каллуст, продолжая укладывать в мешок нужные в дорогу припасы.

Все удивленно смотрели на него, не понимая, почему так неожиданно и круто повернул старик.

— Если ты боишься... — осторожно, не желая обидеть его, начал Прохор Петрович.

— Ничего не боюсь, — перебил его старый Каллуст и показал на Яшу: — Что я скажу его матери, когда парень пропадет?

— Оставайся! — сверкнул черными горячими глазами Яша. — И запомни: не собираюсь я пропадать и не пропаду!

— Я иду, — глухо повторил старый Каллуст, не вступая в спор с раскрасневшимся от гнева Яшей.

Упорство старика оказалось непреодолимым. Как ни бились с ним, как ни уговаривали, он твердил свое: «я иду».

Старый Каллуст собрался быстро. Подпоясавшись потуже тасмой, на которой рядом с ножом висели медвежьи и волчьи зубы — талисманы от болезней поясницы и ног. Но из кúваксы старый Каллуст вышел с видом обреченного. Осмотрел он влажными глазами тундру и махнул рукой.

— Да что уж... Пойдем. — И обернулся к бригадиру: — Увидишь сам... Старый Каллуст смерти не боится.

«Ну и помощник! — думал, глядя на него, Федя. — Тяжело придется с ним».

Желая ускорить затянувшееся тягостное расставанье, он спросил:

— Где же собака?

— Хорошую собаку не надо звать, — ответил старый Каллуст. — Она всегда знает, где хозяин. Не отстанет.

Не прошли они и десяти шагов, как к ним подбежал небольшой мохнатый пес — черный с белым пятном на глазу и широкими сильными лапами. Загнутый крючком хвост его довольно вилял из стороны в сторону.

— Пойдем, Тол, — сказал, обращаясь к собаке, старый Каллуст. — Людей искать будем. Пропали люди.

И добавил несколько слов по-саамски.

Тол посмотрел в мрачное лицо хозяина. Хвост его замер.

— Понимает! — старый Каллуст показал на собаку. — Все понимает. Только разговаривать не научился еще.

Морщинистое обветренное лицо его расплылось в широкой улыбке, словно осветилось солнцем.

Глава восемнадцатая

ИСПЫТАНИЕ

Федя спешил к Семужьей. Занятый своими невеселыми думами, он не заметил, как его спутники, посматривая издали на реку, озабоченно переговаривались по-саамски. И только после того как Яша и Дорофей с полпути повернули обратно к кúваксе, Федя обратил внимание на Семужью. Первое, что бросилось ему в глаза: река стала значительно шире и камней на ней виднелось совсем немного.

«Как же я вчера не заметил, что вода поднялась? — беспокойно подумал Федя. — Проглядел! Не попасть бы теперь в новую ловушку».

У берега Прохор Петрович остановился. Всматриваясь в потемневшую и будто набухшую реку, он сокрушенно покачал головой:

— Прибыла Семужка за ночь. Крепко прибыла!

— Переправляться все же надо, — отрывисто бросил Федя. — Можно раздеться и перейти, где помельче...

— Раздеться! — возразил Прохор Петрович. — Два-три дня назад эта вода была в горах снегом или льдом. Погода-то стоит какая! Теплынь!

— Ждать нельзя, — настаивал Федя. — Будем ждать — потеряем людей!

— Ждать мы не станем и людей не потеряем, — успокоил его Прохор Петрович. Он испытующе оглядел широкую, плотную фигуру юноши. — Придется нам перебираться на саамском флоте. Видал его когда-нибудь? Нет? Сейчас поглядишь.

Саамский флот! Федя запомнил из вчерашнего рассказа Прохора Петровича, что на Семужьей лодок и в заводе не бывало, и плота сколотить не из чего. Так что же это за саамский флот?..

— Садись! — прервал его размышления бригадир, опускаясь на прибрежную гальку. — Садись, отдыхай. Сейчас придут наши корабли.

Ждать пришлось довольно долго. Но вот вдалеке послышался невнятный, постепенно

приближающийся звук жестяных колокольчиков, напомнивший о коровьих боталах в Подмосковье. Федя приподнялся и увидел медленнодвигающиеся к берегу две олени упряжки.

Яша и Дорофей приехали на нартах, тяжело груженных сухим хворостом.

— Видал наши корабли? — спросил Прохор Петрович. — На них надо держаться покрепче.

— Удержусь, — хмуро обронил Федя, плохо еще представляя себе, как можно переправиться через реку на оленях.

Пастухи сбросили четыре плотные вязанки хвороста-сушняка и принялись крепить их по обеим сторонам нарт.

Пока они готовились к переправе, Прохор Петрович привязал свой заплечный мешок и Федин рюкзак к передку нарт. Старый Каллуст поднял собаку, спрятал ее за необъятную пазуху своего совика и снова подпоясался.

Прохор Петрович взял вожжи, хорей и легко вскочил на передок нарт. В черных глазах его вспыхнули веселые огоньки, — рискованная переправа явно доставляла ему удовольствие.

За бригадиром встал на продольные брусья и Федя. Прохор Петрович подал ему привязанную к передку веревку. За нее можно было держаться, как за вожжи.

— Пошел! — крикнул Прохор Петрович и ткнул округлым концом хорея жожака, запряженного в четверке крайним справа.

— Хоп, хоп! — подхватил на соседних нар-

тах Яша и замахнулся хореом на свою упряжку. — Хо-оп!

Олени с трудом стащили тяжелые нарты с берега к воде и остановились. Широко раздувая влажные ноздри, они по-бычьи вращали черными глазами, выворачивая крупные белки с сеткой красных прожилок.

— Поше-ол! — погонял заупрямившихся животных Прохор Петрович.

Олени, мелко перебирая ногами, нехотя вошли в воду. Нарты, вздрагивая, поползли по каменистому дну. Федя нащупал ногами перекрестья брусьев и уперся покрепче, придерживаясь за натянутую веревку.

— Держи-ись! — зычно крикнул Прохор Петрович.

Течение подхватило нарты и потащило вправо. Пропущенные между ногами оленей кожаные лямки потянули в сторону, мешая животным плыть. Вожак не выдерживал напора лямки: заваливаясь на бок, он высоко вскидывал рогатую голову с выпученными глазами и бил передними ногами по воде.

Нарты накренились. Правая ступня Феди ушла под воду. Юноша невольно соскользнул на колени и, не выпуская из рук веревки, крепко ухватился за привязанный к передку рюкзак.

Прохор Петрович успел вовремя упереться хореом в дно. Вожак выровнялся. Подталкивая плечом соседнего оленя, он заставил упряжку изменить направление. Она плыла уже не прямо к левому берегу, а наискосок, несколько против течения. Теперь уже лямки не так мешали оленям; рассекая ледяную воду,

упряжка медленно продвигалась к левому берегу...

Напрягая все силы, Федя старался удержаться на зыбких нартах, не свалиться в бурлящую под ногами воду. Вдруг нарты задели незаметный под водой камень. Толчок бросил Федю вперед, и он еще крепче вцепился обеими руками в рюкзак. Еще толчок! Связки хвороста приподнялись над водой. Они уже волочились по дну, сильно встряхивая нарты и стоящих на них людей.

До берега оставалось еще порядочно, когда Федя не выдержал и соскочил на крупный валун. Перебираясь с камня на камень, а то и просто шагая по воде, он опередил оленей, первым выбежал на берег и помог упряжке вытянуть из воды грузные нарты.

Прохор Петрович бросил хорей и вожжи, снял шапку и вытер платком влажные всклокоченные волосы.

— Ну как? — тяжело дыша, спросил он. — Как тебе... саамский корабль?

— Ничего, — бездумно покривил душой Федя и не выдержал, добавил: — А как ваш корабль... не превращается в подводную лодку?

— Бывает, — ответил Прохор Петрович, вытирая блестящее от пота лицо и шею. — По такой воде все может быть, — и бросился помогать замешкавшимся оленям вторых нарт.

Первым соскочил на берег старый Каллуст. Расстегнув тасму, он бережно опустил на землю взлохмаченного Тола.

Устали и олени. Упряжки сбились в плотные кучки и походили на причудливых зверей

с четырьмя головами у каждого, множеством тонких ног и неровной рощицей рогов. Животные тяжело дышали, глубоко поводя боками и вывалив сизые языки, такие толстые, что казалось, будто оленям уже не удастся убрать их обратно.

Федя только успел отжать намокшие у колен брюки и сменить портянки, как Прохор Петрович прервал короткий отдых.

— Дай олешкам отдохнуть и отправляйся обратно, — наказал он Яше. — И сразу в стадо. А нам нужно торопиться, и так много времени потеряли. Пошли?

Прохор Петрович одобрительно посмотрел на Федю. В его глазах русский юноша с честью выдержал нелегкое для новичка испытание.

Глава девятнадцатая

БЕЛАЯ СТРЕЛА

Подступивший к реке тяжелый гранитный массив покрыл неширокую прибрежную полосу скалами и крупной каменистой осыпью. Редкие одинокие кустики еще больше подчеркивали пустынность места, где нечего было делать ни человеку, ни зверю.

Прохор Петрович уверенно пробирался между обломками гранита, будто шел переулками хорошо знакомого поселка. Вскоре он поднялся в узкую сырую расселину, из которой, казалось, и выхода-то не было. Но Прохор Петрович вел своих спутников по-прежнему уверенно и быстро.

Расселина широко раскрылась у крутого

взгорбка, за которым шел ровный подъем в гору.

Прохор Петрович остановился. Испытующе осмотрел он крепкую, несколько грузную фигуру Федя.

— Здесь придется нам немножко попытеть, — сказал он.

— Попыхтим, — коротко согласился Федя.

— Зато сразу выйдем куда надо. Не станем путаться там...

Прохор Петрович показал вверх по течению реки. Федя увидел вдалеке излучину, у которой вчера отдыхали новоселы. Там они встретились с Сазоновым и потеряли сбежавшего Петьку Жужукина.

«Хороший угол срежем! — подумал он. — Верных несколько часов наверху».

Следуя за Прохором Петровичем, Федя и старый Каллуст поднимались в гору. Тол карабкался за ними, плотно прижимаясь брюхом к камню и цепляясь когтями за неровности в склоне. А когда подъем становился слишком крут, пес останавливался и негромко повизгивал, подзывая хозяина на помощь. Приходилось брать собаку и, передавая с рук на руки, поднимать до более ровного места. Так добрались они до невысокого перевала. Потом глубокой складкой, прорезавшей наискось крутой склон, спустились на знакомый Феде карниз.

Федя заглянул в пропасть и увидел голубое пятно с рваными краями — место своего падения.

— Отчаянный ты парень! — медленно про-

изнес Прохор Петрович, выслушав Федю. — Прыгать так!..

В голосе бригадира слышалось явное одобрение. Саамы любят лихость. Щеголяя друг перед другом своей смелостью, они отчаянно гоняют оленьи упряжки, переправляются через разлившиеся бурные реки, стоя на зыбких нартах и ежеминутно рискуя свалиться в ледяную воду, идут в одиночку на медведя, вооруженные малокалиберной винтовкой...

Оживленно обсуждая смелый поступок Феди, Прохор Петрович умолчал о самом главном. Голубоватое пятно в снежном насте вызвало в нем первое сильное сомнение в непогрешимости милиционеров. Как же так? Человек прыгнул в пропасть, быть может, сломал ногу, разбился... А они, не останавливаясь, пошли дальше.

Чтобы наверстать упущенное время, Прохор Петрович и Федя, не сговариваясь, ускорили шаг. За ними покорно тянулся старый Каллуст с черным лохматым Толлом.

Прохор Петрович, не замедляя шага, оглянулся назад и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Перейти пропасть тут негде.

И снова умолчал о том, что сомнения его все крепили, переходили в подозрение. Почему Сазонов не пошел с задержанными к поселку, а направился к северу? Зачем ведет он людей в сторону Дикого Берега, где на десятки километров не увидишь жилого дома, куда годами не заходят люди?

Размышляя, Прохор Петрович на ходу внимательно осматривал карниз.

Остановила его выведенная мелом на камне надломленная толстая стрела. Острие ее показывало на спускавшуюся сверху к карнизу узкую промоину.

— Здесь они поднялись наверх, — подсказал Федя.

— Посмотрим, — сдержанно ответил Прохор Петрович.

Белая стрела спутала все его расчеты, вызвала самые противоречивые мысли. Если Фе-диных друзей действительно ведут силой (а в этом Прохор Петрович больше не сомневался), то как могли они оставить за собой такой заметный след? А вдруг это ложный след и он уведет в сторону от цели? Но как проверить это? Если б найти какую-нибудь вещь, обретенную новоселами, тогда он пустит по следу Тола...

Прохор Петрович внимательно осмотрел крутой спуск.

— Сапоги-то у ваших какие? — спросил он. — Керзовые?

— Керзовые, — подтвердил Федя.

— Стало быть, на резине?

— На резине.

Теперь и Федя заметил на гладком камне едва приметные темные полосы — следы резиновых подошв.

Помогая друг другу, карабкались они по скользкому камню. У крутого взгорбка промоина раздвоилась. Постепенно расширяясь, она поднималась в гору и вдалеке сливалась со склоном. Второй рукав ее обогнул взгорбок и опустился на карниз, где трепетал по

ветру привязанный к одинокому кустику длинный белый лоскут.

— Выходит, они обратно спустились, — подумал вслух Прохор Петрович.

Он начал теряться в догадках. Люди, увидевшие на север новоселов, определенно путали следы за собой. И в то же время вели себя как слепые. Трудно было понять, как ухитряются задержанные на глазах у конвоиров оставлять за собой столь явные следы.

— Нет! — Прохор Петрович энергично качнул головой, будто с ним кто-то спорил. — Дорога здесь одна: вокруг горы, на которой мы стоим, — в сторону Дикого Берега. Пойдем-ка туда напрямиком, через гору. Зачем нам терять время!

— А если они свернут влево? — Федя показал посохом на острую скалу, разрезавшую долину надвое.

— Левее выхода нет, — ответил Прохор Петрович. — Там котел. — И повторил: — Дорога одна — направо.

— К Дурному месту, — мрачно добавил молчавший все время старый Каллуст. — К Чан Рушла.

— Возвращайся к оленям, — недовольно бросил Прохор Петрович, не глядя на подавленного суеверным страхом старика. — Уходи!

— Уходи! — Старый Каллуст хотел засмеяться, но усмешка не получилась, и он только беспомощно скривил морщинистое обветренное лицо. — Ты говоришь: пусти нас помирать, а сам ступай обратно в кúваксу и спи на мягких шкурах. Разве я засну, если буду знать, что пустил вас на смерть?.. Хуже чем на

смерть! К Чан Рушла! Нет, Прохор! Старый Каллуст не трус. Смерти я не боюсь. Хватит! Походил по земле. Можно идти туда... — Он поднял палец и показал куда-то наверх. — Но я не хочу, чтобы люди плевали на мою могилу и говорили: он послал на погибель людей, а сам бежал.

— Уходи, Каллуст! — В голосе Прохора Петровича слышалось раздражение. — Уходи, никто тебя не заставляет идти с нами.

— Вместе мы вышли из кúваксы, вместе и пойдем туда, — показал вперед старый Каллуст.

В его словах «пойдем туда» прозвучала такая безысходность, готовность к неизбежному и страшному концу, что Прохор Петрович молча повернулся и с какой-то мрачной решимостью стал подниматься в гору.

Перебираясь со складки на складку, они перевалили через гребень и стали спускаться по усеянному камнями пологому скату. Под ними небрежно брошенной серой лентой вилось врезавшееся в горы неширокое русло; кое-где из камней несмело выглядывал небольшой ручей.

Недалеко от ручья Прохор Петрович остановился. Прикрывая глаза от солнца сложенной козырьком ладонью, он пристально всмотрелся вдаль. На густой елке — стройной, с плотно сбившимися темнозелеными ветвями, похожей на обелиск, — вился по ветерку длинный белый лоскут.

Прохор Петрович со своими спутниками спустился к елке. Осматривая лоскут, Федя заметил на обоих концах его лопнувшие по

шву нитки — узкая полоска материи была оторвана от полы рубашки. Федя обернул ее вокруг себя — хватило немногим больше чем на половину.

— Петька идет за ними, — догадался Федя.

Прохор Петрович осмотрел лоскут и подтвердил:

— Рубашка мальчиковая.

Для него это было важным открытием. Тайна откровенных следов раскрылась. Угасли и теплившиеся остатки веры в непогрешимость людей в милицейской форме...

Дальше они уверенно шли по руслу, пока не остановились у выкладки из ивовых прутьев. Острие ее показывало в сторону от русла, на беспорядочное нагромождение крупных камней. За ними высилась скала с крутым обрывом, стиснутая с обеих сторон округлыми утесами — на Мурмане их называют «бараньими лбами».

Прохор Петрович свернул, куда показывал новый знак. За ним пробирались между крупными камнями и его спутники. Еще издали они увидели знакомую, жирно вычерченную мелом стрелу. Острие ее было направлено на вершину отвесной скалы. Вторая стрела поменьше и потусклее, будто не хватило мела, показывала куда-то влево.

Прохор Петрович с Федей внимательно осмотрели обрыв. На сером крупнозернистом граните четко выделялись уже знакомые темные полосы — следы резиновых подошв.

— По веревке поднимались, — не раздумывая, определил Прохор Петрович.

Вскарабкаться на обрыв — нечего было и

думать. Пришлось свернуть влево, куда показывала вторая стрела, поменьше. Пройти пришлось совсем немного. Там, где скала вплотную прижалась к утесу, оставалась узкая и отвесная щель.

— Неужели нельзя было пройти иначе? — пожал плечами Федя.

— Бывает, что человек не хочет идти дорогой, обходит ее тундрой, — уклонился от прямого ответа Прохор Петрович. — Всякое бывает.

Он постоял в раздумье и обернулся к старому Каллусту.

— С собакой тут никак не подняться, — сказал он. — Ступай-ка ты по руслу до первых кустов. Подожди нас там. Если наверху найдем что интересное — поищем, как пройти туда тебе и Толу.

Старый Каллуст скорбно посмотрел на своих спутников и побрел к руслу с видом человека, который сделал все, чтобы остановить неразумных товарищей от гибельного шага. За ним, опустив хвост, тянулся притихший Тол.

Прохор Петрович проводил их долгим взглядом и облегченно вздохнул.

— Давай, Федя! — воскликнул он. — Да не сорвись. Упадешь тут — целой косточки черту на зуб не останется.

Прохор Петрович первым ухватился за острый выступ, уперся ногой в удобный бугорок на другой стороне щели, подтянулся на руках...

Они карабкались вверх, хватаясь за выступающие камни и редкие кусты. Каждый

метр давался им ценой громадных усилий. Скоро ногти на руках были обломаны до крови. Мокрые от пота рубашки неприятно липли к телу, сковывали движения...

Щель кончилась. Дальше пошел крутой подъем, поросший редкими мелкими березками. За скалой скат стал более пологим. Деревца там пошли рослее, чаще. Скоро они сомкнулись в густой лесок.

— Постой-ка! — Прохор Петрович придержал рукой Федю и приподнялся на носках. — Вроде... костер. Правильно! Костер.

Федя всмотрелся — и почувствовал, как по спине у него забегали горячие мурашки. За зеленью дрожал на солнце еле приметный редкий дымок.

Старательно пригибаясь и бесшумно раздвигая перед собой густую прохладную листву, Прохор Петрович и Федя миновали заросли. На опушке они остановились, осторожно выглянув из зелени.

На покрытой мхом площадке догорал костер. Возле костра сидел человек в милицеской фуражке. Федя сразу узнал его по широкой спине и приподнятым плотным плечам.

— Он! — Федя крепко сжал локоть Прохора Петровича и, еле сдерживая досаду, добавил: — Один!

— Я пойду к нему, — тихо произнес Прохор Петрович.

— Вместе пойдем! — горячо зашептал Федя.

— Нельзя вместе, — остановил его Прохор Петрович. — Тебя он знает. А я... пастух. Скажу: ищу беглых оленей.

У ГАСНУЩЕГО КОСТРА

Прохор Петрович вышел из зарослей и подошел к Сазонову. Поздоровался. Сазонов подтолкнул носком сапога обгоревшую ветку к углям, подернутым серой дрожащей пленкой пепла, и бросил:

— Здорово!

— Откуда идете?—спросил Прохор Петрович, присаживаясь к костру.

— Откуда иду, там меня нет, — холодно отшутился Сазонов. — Куда иду, там меня еще не видели.

Встреча с саамом в его расчеты не входила, а потому и распространяться, откуда и куда он идет, ему не хотелось. После бесплодных поисков неизвестного сигнальщика Сазонов успел отдохнуть и держался с независимым видом человека, выполняющего серьезное служебное задание.

— Можно ваши документы посмотреть? — спросил Прохор Петрович.

— Документы? — Сазонов удивленно поднял густые, резко очерченные брови. — Чьи документы?

— Ваши.

— А ты что за птица такая? — Сазонов уперся обеими руками в колени и посмотрел в лицо пришельца прямым строгим взглядом. — Документы проверять?

— Я не птица, — с достоинством ответил Прохор Петрович, — а депутат райсовета трудящихся. — Он отвернул совик и достал из кармана клеенчатый мешочек с документами.

Сазонов следил за ним с деланным равнодушием. В руках пастуха он увидел не только депутатское удостоверение, но и красную книжечку и тут же отметил про себя: «Партийный билет!»

— Наш милиционер Прокофий Суфрин, — продолжал Прохор Петрович. — Его я знаю. А вас вижу первый раз.

— Вот мой документ! — Сазонов снял с головы милицейскую фуражку и показал ее Прохору Петровичу.

Саам спокойно смотрел, как Сазонов отряхнул с фуражки налетевший от костра легкий пепел и положил ее рядом с собой на небольшой круглый камень, потом слегка стукнул носком тоборка по камню и с еле уловимой усмешкой в голосе спросил:

— Разве это голова милиционера? На нем фуражка! — Прохор Петрович помолчал немного и, не дождавшись ответа, настойчиво повторил: — А документы вы все же покажите. Для порядка.

Сазонов присмотрелся к собеседнику. Достоинство, с каким держался саам, не было чем-то необычным. А вот обращение на «вы», слова «депутат райсовета трудящихся», партбилет заставили его насторожиться. И он, уклоняясь от прямого ответа, перевел разговор:

— Я выполняю здесь особое задание. Понял, нет?

— Нет, — ответил Прохор Петрович. — Не понял.

Простота, с какой ответил саам, показала, что даже слова «особое задание» не смутили его. В ответе пастуха Сазонов услышал дру-

гое: «Напрасно пугаешь меня каким-то «особым заданием». Я свои права знаю».

— В тундре ходят какие-то люди, — доверительно сообщил Сазонов. — Пробираются к Дикому Берегу.

— Кто же пошел на Дикий Берег? — удивился Прохор Петрович. — Неужто наши?

— Наши не пойдут, — ответил Сазонов. — Прибылые озоруют. Шарят по гагачьим гнездам. Пух берут.

Прохор Петрович не стал продолжать разговор, уводящий его от цели. Он посмотрел в лицо собеседника и жестко спросил:

— А где ваши товарищи?

— Товарищи? — переспросил Сазонов.

Желая выиграть время, обдумать ответ, он снова занялся почти погасшим костром.

— Разве не вас видел мой пастух у Чертова Пальца?

— Возможно! — согласился Сазонов, понимая, что отрицать очевидность не следует, и смело пошел навстречу опасности: — Забрал я на Семужке троих, да ошибся. Не тех взял.

Он подождал: не спросит ли саам, почему с ним видели двоих задержанных, а не троих?

— Один из них бежал, — продолжал Сазонов, решив, что не стоит дожидаться прямого вопроса. — Теперь мне... — Он вздохнул и выразительно шлепнул себя по плотной красной шее. — Понял?

Прохор Петрович молча опустил голову, как бы показывая, что понимает, в каком неприятном положении оказался его собеседник.

— Почему же вы остались в тундре один? — спросил он.

— Довел я задержанных до снежного моста и отпустил их в поселок, — благодушно ответил Сазонов. — Чего с ними путаться?

— Это верно, — согласился Прохор Петрович и тут же заметил про себя: «Врет!» — А найдут они дорогу в поселок?

— Найдут! — Сазонов внутренне весь насторожился: не поинтересуется ли саам задержанными новоселами. — Дорога за горой прямая. По ручью.

— Должны найти, — продолжал прощупывать собеседника Прохор Петрович. — Должно быть, и милиционеры с ними пошли?

— Нет. Милиционеры из соседнего района. Встречал я их тут как-то... Границы-то районов не меченые.

— Это верно, — снова согласился Прохор Петрович. — Какие в тундре границы!

Теперь он знал все, что хотел. Как ни уверенно держался Сазонов, от наблюдательного глаза Прохора Петровича не укрылась некоторая нарочитость его поведения, сказавшаяся даже в том безразличии, с каким поздоровался милиционер с человеком, встреченным в глухой тундре. Задержался взгляд саама и на догорающем костре, окруженном толстым слоем золы. Возле такого костра наверняка ночевало несколько человек. Одному и дров-то столько не наломать!

После того как Прохор Петрович убедился, что Сазонов лжет, продолжать беседу не было смысла. Он спрятал документы. Попрощался. Подождал: не спросит ли тот о Феде?

Сазонов многое отдал бы, чтобы узнать, выбрался ли Федя из пропасти. Но он рассу-

дил так: если Федя видел саама, так он, конечно, предупредил его о захвате новоселов; если же встреча у костра действительно случайная, тогда собеседник не может знать о Феде и незачем даже поминать о пропавшем.

Прохор Петрович уже готовился уйти. И тут он неожиданно для себя допустил серьезный промах. Желая исподволь объяснить Сазонову, что привело его в эти безлюдные места, бригадир спросил:

— Вы тут важенок не видели?

— Нет, не видел, — ответил Сазонов и заметил, что на тасме саама не висело обычно для пастуха аркана. Странно! Пошел искать пропавших оленей без аркана. Как же он думает взять их? Голыми руками?

Сазонов посмотрел в лицо Прохора Петровича прямым, честным взглядом, не раз выручавшим его в трудные минуты:

— Так как же, показать тебе мое служебное удостоверение, товарищ депутат райсовета трудящихся?

— Не стоит, — не задумываясь, ответил Прохор Петрович. — Поговорили мы и поняли друг друга. Кто пойдет без нужды к Дикому Берегу?

...Все также неторопливо вернулся он в заросли. Федя нетерпеливо приподнялся навстречу. Крепкая рука саама сжала его плечо. Федя понял и молча приник к земле. Рядом с ним опустился и Прохор Петрович. Они лежали, глядя на широкую, чуть сутулую спину Сазонова. Но тот даже не повернулся, не посмотрел, куда ушел саам.

Сазонов поднялся, вскинул за спину то-

щий вещевой мешок и направился в сторону побережья. Прохор Петрович и Федя внимательно следили за ним, пока он не скрылся.

Теперь они могли выйти из засады. Стараясь понять, куда увели его друзей, Федя бродил вокруг остатков костра. Осмотрел дрожавший на камнях быстрый ручеек, заметил возле него серые пятна, оставшиеся от мыльной воды. Здесь умывалось несколько человек. Но все это ничего не прибавило к тому, что уже знал Прохор Петрович.

— След ищешь? — подошел он к Феде. — Не ищи. Дальше следов не будет.

— Почему?

— Сазонов не зря задержался здесь. Ни одной тряпочки или бумажки он за собой не оставит.

Федя растерялся. Как же искать людей в этом хаосе скал, камней и зарослей? Куда идти? Неожиданно взгляд его задержался на зацепившемся за ягель еле приметном комочке вычесанных гребнем русских волос.

— Наташкины волосы! — воскликнул он.

— Покажи.

Прохор Петрович внимательно осмотрел пушистый комочек, бережно вложил его в записную книжку и спрятал в карман. По лицу его скользнула довольная улыбка.

— Где же теперь их искать?

— Найдем, — уверенно сказал Прохор Петрович. — Собаку мы не зря взяли, верно?

Федя промолчал. Не очень-то он надеялся на маленького, похожего на дворняжку Тола.

Едва они скрылись в лесу, как на другом конце полянки раздвинулись густые ветви. Из

зелени вышел Сазонов. Он поднялся на высокий камень, прикрывавший костер от ветра,— сверху хорошо просматривалась местность.

Сазонов лежал на камне, пока Прохор Петрович и Федя не вышли к руслу ручья. Лишь убедившись, что они уходят в сторону Семужьей и не смогут нагнать его, он спустился с камня и направился в сторону моря.

После того, как ему удалось узнать, почему оказался в этом пустынном месте саам (да еще и не один!), беспокойство его усилилось.

— Скорее надо кончать все, — повторял он про себя, ускоряя шаг. — Кончать и рвать когти, покамест их не обрубил!

Глава двадцать первая

БОРЬБА

Наташа и Володя не сразу заметили отсутствие Сазонова. Когда и куда он скрылся? Этого они не знали, хотя и догадывались, что его исчезновение связано с таинственными сигналами, встревожившими преступников.

Уход Сазонова почувствовался скоро. Барбос распоясался. Он бесцеремонно подгонял задержанных, покрикивал на них, подкрепляя каждую фразу грязной руганью.

Лесок, приютивший их на ночь, остался позади. Группа спускалась голым, открытым со всех сторон склоном горы. Здесь никто не смог идти за ними, и Барбос держался все увереннее, грубее.

В один из приступов ругани он закашлялся. Наташа обернулась к нему и понимающе улыбнулась:

— Плохо дело, Барбос?

— Плохо? — Барбос опешил. Всего ожидал он от Наташи, только не этой плутоватой улыбки и сочувственного тона.

— Сазонов-то... — Наташа неопределенно махнула рукой назад, — смылся.

— Смылся! — криво усмехнулся Барбос. — Никуда он от меня не денется.

По уверенному тону Барбоса Наташа поняла, что ошиблась. Веревочка, связывающая преступную компанию, была слишком крепка. Даже появление неизвестного преследователя не смогло разорвать ее.

— А я и не говорю, что он сбежал, — согласилась Наташа, незаметно меняя тактику. — Хитер Сазонов! Сам удрал, а тебя оставил с нами.

— Не надейся, — по-прежнему уверенно возразил Барбос.

— Наверняка удрал, — повторила Наташа. — Он хочет, чтоб ты сгоряча пристукнул нас. А когда вас поймают, Сазонов скажет: «Я не убивал и не хотел убивать. Меня с ними не было». Точно! Так и скажет на суде: «Я говорил Барбосу: не стреляй. Даже за руку схватил его. Тот, кто сидел в кустах, видел это. А ушел я — Барбос их и прикончил».

Наташа заметила, как лицо Барбоса сразу стало напряженным. Она оглянулась на шагавшего в стороне Немого и тихо продолжала:

— А ты не будь дураком. Обмани Сазонова. Не стреляй нас. — Девушка спокойно выдержала недоверчивый взгляд Барбоса и горячо закончила: — Зачем тебе это надо? Уж

лучше получи свой восемь лет за похищение новоселов и незаконное ношение оружия...

— Почему восемь? — не выдержал Барбос. Он никак не мог понять, куда клонит девчонка.

— А сколько же? — наивно спросила Наташа. — Меньше восьми не дадут.

— Шагай, знай! — не выдержал Барбос. — Разговорились!

— А я шагаю, — кротко ответила Наташа. Помолчала. — Отсидеть восемь лет, даже десять — все же лучше, чем получить пулю в лоб. Лоб-то у тебя один.

Барбос кипел от злости. И в то же время какая-то странная сила удерживала его возле девушки, заставляя слушать ее простодушные и вместе с тем страшные рассуждения. Желая оборвать их, Барбос разразился такой замысловатой бранью, что даже туповатый Немой оживился и одобрительно чмокнул губами.

— Во! — вырвалось у него. — Во дает!

Наташа не мешала Барбосу изливать свои чувства. Рано или поздно, но должен же он был выдохнуться! А когда Барбос замолк, она все так же простодушно спросила:

— Интересно: когда расстреливают бандитов, глаза им завязывают?

Вместо ответа Барбос только всхрипнул носом. Он даже ругаться уже был не в состоянии.

— Лучше бы завязывали, — сокрушенно вздохнула Наташа. — Это же страшно! Смотреть, как поднимают на тебя винтовки, целятся...

— Еще бы не страшно! — подхватил Володя. — Ты, Барбос, навел пистолет на меня. Тебе-то ничего. А знаешь, что я пережил? Ты же сам видел. По моему лицу-то.

— Видел, — охотно подтвердил Барбос, довольный тем, что противник его признал свою слабость. — Очень даже хорошо видел!

— Вот! — Володя кивнул головой, соглашаясь с ним. — А я под твоим пистолетом пробыл всего-то полминуты. Не больше.

— И сдрейфил! — широко осклабился Барбос. Разговор принял приятный для него оборот. — Крепко сдрейфил! Аж позеленел на лицо.

— Из них, — продолжал Володя, незаметно готовя удар, — я четверть минуты понимал, что ты не выстрелишь. И только вторые четверть минуты переживал. А тебе, Барбос, сколько придется ждать своей пули?

— Иди, иди! — Барбос сгреб сзади Володю за стеганку и с силой толкнул вперед. — А то приварю... на век память оставлю!

— Чего ты кидаешься на него? — смело вступилась за друга Наташа. — Мы же тебе добра желаем. А ты кидаешься.

— Добра! — буркнул Барбос. — За такое добро... руки-ноги вырвать надо.

— Только добра, — настойчиво подтвердила Наташа, не отводя спокойных ясных глаз от злобного лица Барбоса. — Мы знаем, что ты не тронешь нас. Поэтому и говорим с тобой так откровенно. Если б не это, разве я посмела бы?..

«Посмела бы! — еле сдерживая себя, подумал Барбос. — И откуда только берутся такие

черт-девки? Давить бы их во время, пока не выросли».

Камень из кустов, таинственные сигналы и резкая перемена в поведении Наташи совершенно сбили его с толку. Он терялся, не зная, чему можно верить и чему нельзя. Одно стало ясно для него: с какой стати он должен расплачиваться за всех троих в случае провала, ареста? Чем больше думал Барбос, тем сильнее крепили в нем подозрения, вызванные словами Наташи. Если он расправится с новоселами — это будет выгодно Сазонову. Избавится тот от сообщников, заберет припрятанное в тайнике богатство. Петров-то этот... дурак-дураком. Все молчит. Верно, что Немой!.. Нет. Надо держать себя в руках. Права чертова девка! Лоб-то у него один. Сазонов держится хозяином всего дела. Пускай он и разбирается с парнем и девчонкой. Не век же будет он шарить по горам, искать того, кто следит за ними!..

Наташа заметила, что занятый своими невеселыми думами Барбос несколько отстал от них, и облегченно вздохнула. Украдкой прочитала она записанные Володей таинственные сигналы и удивленно приподняла плечи. Получилось вот что:

«...ГАГАГАГ 72АА77АА (что-то непонятное) АА77ГААГ72АГ...»

— Ничего не понимаю! — шепнула Наташа.

— Похоже на шифр, — неуверенно подсказал Володя. — Но мне никогда не приходилось иметь дело с шифрами. Не знаю даже, с какой стороны к нему и приступить.

— Я тоже не знаю, — призналась Наташа. — Но надо же как-то разобраться...

Некоторое время они шли молча.

— Это не Федя сигналил, — огорченно произнесла Наташа. — Он тоже ничего не понимает в шифрах.

— Не понимает, — так же грустно подтвердил Володя. — Но кто же мог сигналить здесь?

Сколько ни толковали Наташа с Володей, так и не поняли они таинственных сигналов. И все же они чувствовали себя увереннее, оттого что где-то здесь, в каменной пустыне, появился друг...

Наташа устала. Несколько раз она нетерпеливо посматривала в сторону Барбоса. Просить его девушка ни за что бы не стала. Но тот, казалось, забыл о привале. Глядя на него, трудно было понять: гнал ли он своих пленников или сам бежал от непонятных сигналов, направленного в него сильной рукой камня, смутной тревоги, наступающей на него со всех сторон... Но куда спешил он? Где думал укрыться? Этого Наташа с Володей не знали. Не понимали они и нелегкое положение Барбоса и Немого: ни бросить своих пленников, ни сбежать от них преступники не могли...

Наташа украдкой нацарапала карандашом на клочке бумаги: «На привале не надо. Спешкой все испортишь».

Володя прочитал поданную ему записку и качнул головой:

— Хорошо. Добавь-ка для туману что-нибудь по-французски.

Наташа понимающе улыбнулась и охотно дописала первое, что пришло ей в голову: «L'homme ecrites — le chien ne lira pas»¹.

Наташа сложила записку уголком и обронила ее под ноги. Потом достала из нагрудного кармана круглое зеркальце. Глядя в него, Наташа видела все, что делалось у нее за спиной.

— Поднял Барбос, — довольно сообщила она Володе. — Читает. Задумался.

— Задумаешься! — с притворным сочувствием вздохнул Володя. — Что он там?

— Все думает. И какая же у него сейчас морда глупая! — говорила Наташа, не отрываясь от зеркальца. — Показал Немому. Смял записку. Передумал бросать. Расправил ее и спрятал в карман. Наверно, Сазонову покажет.

— Очень хорошо! — одобрил Володя. — Подумают теперь, бандюги, прежде чем за пистолет хвататься...

Усталая Наташа остановилась возле плоского камня, покрытого мхом.

— Отдохнем, — сказала она подошедшему Барбосу. Не дожидаясь ответа Барбоса и не обращая больше на него внимания, она села на камень и вытянула усталые ноги.

— Где ты ухитрился забраться в грязь? — упрекнула она Володю. И тут же вспомнила, что он остался без очков. Чтобы как-нибудь смягчить свое замечание, Наташа достала из кармана лыжных брюк крупную раковину и протянула ему: — На вот, почисть сапоги.

¹ «Человек напишет — собака не прочтет».

Володя взял раковину и острой стороной стал соскабливать присохшую к сапогам грязь.

Наташа обернулась и случайно взглянула на Барбоса и Немого. Выразительное лицо девушки недоумевающе вытянулось. Оба конвоира уставились на раковину, как на живое опасное существо.

Первым взял себя в руки Барбос. Уверенный в том, что отчаянная девчонка нарочно показала раковину, он с деланной беспечностью сплунул и неторопливо, вразвалку отошел в сторону. Ему необходимо было побыть одному, решить, как держать себя дальше.

Наташа заметила охватившее Барбоса смятение. С трудом преодолевая усталость, поднялась она с мягкого мха и пошла за ним.

Барбос остановился:

— Ты куда?

— А ты... не убежишь? — подозрительно присмотрелась к нему Наташа.

— Чего-о?

— Я не могу отпускать тебя далеко одного, — сказала Наташа. — Удерешь.

— Отойди! — в голосе Барбоса зазвучали угрожающие нотки. — По-хорошему говорю!

— Не выдумывай, — спокойно ответила Наташа. — Даром, что ли, мы ночь не спали, вас караулили? Сазонов-то удрал. Надо хоть тебя устеречь.

Барбос попятился и пригнул голову, словно оглушенный ударом. Он и в самом деле был оглушен услышанным. Задержанные караулили своих стражей! Кто же кого захватил? Кто кого ведет, стережет? Быть может,

права эта девчонка? За ее спиной милиция и солдаты, пограничники и охотники и многие-многие из тех, кто не носит никакой формы. А где-то вдалеке маячила так хорошо знакомая и ненавистная колючая ограда лагеря. При одном воспоминании о ней Барбоса бросило в отвратительный мелкий озноб...

— Уйди! — захрипел он.

И разразился такой бранью, что на этот раз выдержки Наташи не хватило. Девушка отошла в сторону и опустилась на мох, но так, чтобы Барбос видел, что она не спускает с него глаз.

Наконец-то он остался один. Пристальный взгляд Наташи жег его, не давал собраться с мыслями, сосредоточиться. Барбос снял шапку и вытер ладонью горячую мокрую голову. Страшная мысль не давала ему покоя: покончить все двумя выстрелами и бежать; бежать от девушки и парня, которые были его пленниками и вместе с тем строгими неумолимыми сторожами. Но куда бежать? Наташа и сама не подозревала, какой грозный смысл был в ее словах, обращенных к Барбосу: «Тундра для тебя мешок. А завязки от него в крепких руках, в руках советской власти».

Барбос хорошо знал Кольский полуостров. Как ни велика тундра — надолго в ней не скроешься, а выйти из нее нелегко. Ох как нелегко! В каменистой малонаселенной пустыне замечен каждый человек. Выйди на побережье — там пограничники, проверка документов. Податься к морю? Без пропуска на паром не сядешь. Если и доберешься сухопутным, тундрой, до далекой железнодорожной

станции — тоже не сразу уедешь... Сейчас, в начале июня, на юг устремился могучий поток пассажиров. Едут матери с ребятами на каникулы, пионеры в лагеря Ленинградской и Вологодской областей, едут многочисленные отпуски. Подолгу ходят они отмечаться в очередь за билетами. Были б большие деньги!.. Но для того, чтобы появились деньги, необходимо забрать из тайника жемчуг. Прежде всего жемчуг! Нет, Сазонов придумал правильно: завести задержанных новоселов на Дикий Берег и бросить их там. Пускай выбирают, если смогут. Туда сам черт забегает раз в семь лет. Как ни крути — надо довести их до места целыми. Незачем самому лезть под такую статью, как умышленное убийство, да еще и с отягчающими обстоятельствами. Хватит! Учен!

Глава двадцать вторая

НА ДИКОМ БЕРЕГУ

Кольский полуостров — колоссальных размеров каменная глыба, кое-где чуть припорошенная тонким слоем наносной почвы, принесенной ветрами издалека за многие тысячелетия. В глубине полуострова невысокие, но крутые горы перемежаются с низинами, которые подобно каменным блюдам веками собирают землю и влагу. Южное побережье полуострова, омываемое Белым морем, невысоко. Зато северные берега упираются в Баренцево море отвесными скалами, глубоко уходящими в прозрачную холодную воду.

И летом, и зимой пустынные скалистые бе-

рега студеного Баренцева моря. Редко где в извилистых шхерах, сильно врезающихся в материк и имеющих пресную воду, жмутся к скалам домики прибрежных поселений, или, как по-старинке зовут их на Мурмане, становищ. А дальше, на десятки километров, снова тянется безмолвная каменная пустыня.

Грозны берега Баренцева моря! Даже отважные заполярные рыбаки стараются держаться от них подальше. Знают они, какой опасности подвергает себя тот, кто соблазнится подошедшим к берегу богатым косяком мойвы или трески. Ловить лови, но оглядывайся: вдруг налетит шторм с моря! Случись какая заминка с машиной или управлением — и пропал корабль. Огромные океанские волны разобьют его о прибрежные утесы. А разбился корабль — нет спасения и людям. Если и повезет сильному пловцу, сумеет он в ледяной воде прибиться к берегу — не подняться ему на отвесные скалы, обросшие внизу скользкими водорослями. Могучая волна с размаху ударит пловца о камень — и никто не найдет его останков: глубоко Баренцево море и быстры его течения.

Вот почему рыбаки Мурмана стараются держаться подальше от побережья. А когда услышат они по радио весть о приближающемся с севера шторме — немедленно покидают прибрежные воды, как бы хороши ни были в них уловы. Крупные корабли спешат уйти подальше в море. Умелому моряку легче перенести ураган в открытом море, чем небольшой шторм у берегов, что исстари зовется в народе гибельным. Малые суда бегут в ближайшие

шхеры, надежно укрывающие их от любой бури. Причудливо врезаются шхеры в каменные берега, то робко пробираясь между скалами, то широко раздвигая их. Даже в ураган волна не может прорваться в затейливые каменные лабиринты. Только ветер злобно свистит и ревет поверх скал. Так гранитные утесы из пособия шторма и грозного врага моряка превращаются в друга человека, спасают его от бури.

Но и на неприветливых берегах Мурмана есть место, пользующееся особенно недоброй славой. Старательно обходят его олени пастухи и охотники, даже рыбаки. Недаром местные жители исстари зовут его Диким Берегом. На десятки километров тянется по побережью почти голый камень, спускающийся к морю неровными увалами. Редко где во впадине прижмется скромная рощица карликовых березок. А дальше снова камень и камень...

Привольно чувствуют себя у Дикого Берега лишь привыкшие к воде и бурям морские птицы. Облюбовали они выступающую в море громадную ребристую скалу. На многочисленных ее выступах и выемках, прямо на холодном камне, откладывают кайры свои остроконечные некатящиеся яйца, выводят крикливых и жадных птенцов. Тут же и чайки-моевки, и чистики, и тупики складывают из клочков мха и лишайников свои неказистые гнезда. Порой птицы сбиваются на скале в такой тесноте, какой не увидишь и в курятнике. Они дерутся за право сесть на краешке узкого выступа. Сильный тут сбрасывает со скалы слабого и занимает его место. С жалобным кри-

ком летают обиженные — ищут, кого бы и они могли сбросить, чтобы захватить чужое место.

На самой вершине скалы особняком держатся крупные хищные чайки-бургомистры. Чуть оттопырив сильные крылья, зорко всматриваются они вниз. Стоит зазеваться кайре, оставить без присмотра свое единственное яйцо или птенца, как бургомистр тяжело взмахнет крыльями и плавно скользя вниз, к добыче...

Стоит появиться возле гнезд хищнику-бургомистру, черному поморнику или даже самому морскому орлу, как чайки, кайры, чистики и тупики поднимаются шумной разномастной тучей. Общими усилиями они оглушают и сбрасывают злодея со скалы, если тот не убежит сам, по-хорошему...

Сотни тысяч птиц по-хозяйски расположились на громадной ребристой скале, одиноко, подобно часовому, возвышающейся впереди берега. Впрочем, скала действительно была часовым. Дурной славой пользовался Дикий Берег по всему Мурманскому побережью не только за пустынность и бесплодность. Скрытые под водой острые обломки скал угрожали смертельной опасностью любому судну, большому и малому. И рыбаки, завидев вдалеке одинокую скалу-часового, а в бесконечную полярную ночь — маяк-мигалку, поспешно сворачивали в открытое море, подальше от Дикого Берега...

Гнездившиеся на побережье черные поморники, которых в народе чаще называют «солдатами», круто взвились вверх и стремительно заметались в воздухе. На берегу появи-

лись люди. Они спускались по голому пологому скату.

Первой по-прежнему шла Наташа. Девушка заметно осунулась за последние два дня. Один лишь русский хохолок, как всегда, воинственно выбивался из-под вязаной шапочки. За Наташей, щуря близорукие глаза, шагал Володя. Последними шли утомленные не столько переходом, сколько постоянным наблюдением за своими беспокойными и дерзкими пленниками Барбос и Немой.

Наташа задумчиво смотрела на открывшееся перед ней бескрайнее море. Темная синева его, отдаляясь от берега, постепенно смягчалась, переходила в молочно-мутную даль и на горизонте сливалась с серой дымкой. Любуясь морем, девушка на какое-то время забыла о своих тревогах, сигналах неизвестного друга...

Зато Барбос не мог забыть о них. Ощущение растущей опасности не оставляло его ни на минуту. Даже после того, как они вышли на открытый Дикий Берег, Барбос все время оглядывался, обошел небольшую плотную рощицу, присматривался к каждому камню. Да разве уследишь за ними? Побережье усеяно камнями.

Совсем недалеко оставалось до берега, когда Барбос посмотрел на часы. Резко выделяющиеся желваки на его скулах напряглись. Близилась развязка. Он спрятал часы и остановился у довольно глубокой овальной вмятины, поросшей молодой травой.

— Отдохнем, — сказал он и начальственно заложил руки за спину. — Время еще есть.

Усталая Наташа первой опустилась на траву и с удовольствием вытянула натруженные ноги. Володя повалился на спину, закинув руки под голову. Чуть поодаль от них по-прежнему молча устроился Немой.

Не отдыхал лишь Барбос. Он лег у края вмятины и стал следить за спуском к побережью. Здесь, по открытому, хотя и усеянному камнями месту, подобраться незаметно было невозможно.

Как ни всматривался Барбос в однообразно пологий спуск, никаких признаков присутствия людей заметить ему не удавалось. И все же Барбос продолжал смотреть, не отрываясь ни на миг. От долгого напряжения у него уже рябило в глазах. Ему даже показалось, что вдалеке кто-то пробежал от камня к камню. «Померещилось, наверно», — подумал он, упорно продолжая следить за спуском, чтобы не пропустить того, кто настойчиво шел за ними уже вторые сутки. Поглощенный наблюдением, Барбос не прислушивался к тому, что говорили у него за спиной.

— Наташа! — Володя зажмурился и мечтательно спросил: — Скажи, что бы ты сейчас хотела увидеть? Больше всего!

— Автомашину, — не задумываясь, ответила Наташа. — Настоящую. С колесами и шофером. — Она протяжно вздохнула и, заметив удивление Володи, добавила: — Черную! А на ней двух-трех милиционеров! Настоящих! Хорошо!

Продолжая беседовать все с той же напускной беспечностью, Наташа оглянулась. Барбос с прежним напряжением наблюдал за

каменной складкой, ведущей в глубь берега. В стороне Немой, насупив жидкие белесые брови, рылся в своем заплечном мешке.

Момент был удобный, и Наташа поспешила им воспользоваться.

— Володя! — шепнула она. — Я расшифровала сигналы.

— Брось!

— Правда! — Наташа придвинулась к товарищу и зашептала, жарко дыша ему в ухо: — Из всей передачи мне удалось расшифровать два слова! «Море» и «Норд».

— А что это значит?

— Не знаю. Мы же приняли морзянку не полностью. Только часть. Я поняла так: развязка наступит на берегу моря. Помощь придет с севера. Нам надо поглядывать на норд. В сторону моря.

— Как же ты расшифровала сигналы? — недоверчиво поинтересовался Володя.

Наташа обиженно поджала губы. Вместо ответа она сунула руку в карман, где хранилась записка.

— Не показывай! — быстро остановил ее Володя. — Не надо.

— Как же я объясню тебе без записки? Мне ведь пришлось проделать тройное обращение текста сигналов.

— Тройное? — Володя сдержанно улыбнулся. — Даже в романе «Загадка зеленых пятен» и то писали о двойном обращении.

На этом разговор пришлось оборвать. У Барбоса уже так рябило в глазах, что он не выдержал и позвал на смену Немого, а сам перебрался поближе к задержанным.

— Ну как? — встретила его Наташа. — Еще не идут за нами?

Барбос крепкими желтыми зубами молча покусывал былинку.

— Придут, — успокоила его Наташа. — От советской власти не спрячешься.

— А может, спрячемся? — Как-то двусмысленно ухмыльнулся Барбос.

— И не думай, — продолжала Наташа самым миролюбивым видом. — Мы предлагаем тебе выгодные условия. Очень выгодные! Подумай. Отсидишь ты свое в лагере...

— Засохни! — вскипел Барбос. — Поживем — увидим: кто где сядет.

— Опять засохни! — обиженно вздохнула Наташа, не обращая внимания на скрытую угрозу. — Мы о тебе всю дорогу заботимся, а ты?.. Рычишь! Мы ведь с тобой по-хорошему. Сам подумай! Чего мы от тебя хотим? Совсем немного.

— Ну, — насмешливо бросил Барбос, — чего же?

Лицо Наташи сразу стало серьезным, а голос суховатым, деловым.

— Прежде всего ты вернешь Володе очки.

— Очки! — ухмыльнулся Барбос. — А еще чего?

— Потом ты отдашь нам пистолет и мы поведем тебя и его, — Наташа кивнула в сторону Немого, — в ближайшую милицию.

— Слушай, ты. — Голос Барбоса сорвался. — Я сидел в лагере. Хватит с меня! Лучше я... — Он искал нужные сильные слова и не находил. — Лучше с той скалы головой вниз, чем обратно в лагерь...

— Нет, нет! — воскликнула Наташа. — Только не это. Если ты покончишь с собой, нам придется отвечать за тебя...

По неподвижному лицу Барбоса скользнуло уже знакомое Наташе выражение растерянности.

А девушка все с той же хорошо разыгранной простотой продолжала.

— Надо же понимать, что существуют закон, суд, милиция. Им нужно ловить преступников, сажать. А если преступники станут самовольно бросаться со скалы, что же тогда делать милиции, прокурору, суду? Кого сажать?

На этот раз Наташа переборщила. Барбос понял издевку и умолк. Несколько раз пробовала Наташа заговорить с ним, но он словно оглох, даже не поворачивался к ней. Барбос сидел, крепко стиснув челюсти. И только короткие толстые пальцы его время от времени сжимались в тяжелые мясистые кулаки...

Так прошел час, еще час и еще. Барбос и Немой несколько раз сменяли друг друга. Чего они ждали? После сравнительно недолгого, но быстрого, похожего на бегство пути они остановились на такой длительный отдых и к тому же на явно неудобном месте, где даже костра не развести.

— Идет! — вдруг громко произнес Барбос. Он встал в полный рост и замахал кому-то рукой.

За ним вскочили Наташа с Володей. И тут же тревожно переглянулись. Вдалеке, по знакомой каменной складке, широким шагом

спускался Сазонов. Это был враг более опасный, чем Барбос и Немой.

Он подошел к ожидавшим его людям, по-прежнему подтянутый, властный, уверенный в своей силе.

— Пошли, — коротко бросил он. — Время.

Все собрались и нестройной гурьбой направились к взморью.

— Что долго ходил? — тихо спросил Барбос у Сазонова.

— Присматривался к местности, — ответил Сазонов. — Нет ли у нас сопровождающих. Да и время наше только-только вышло. Спешить-то нельзя.

— Спешить нельзя, — согласился Барбос и многозначительно добавил: — А опоздать и того хуже.

Совсем недалеко от них, между двумя округлыми утесами, виднелось холодное спокойное море. Над скалой-часовым тучей носились обитатели птичьего базара, встревоженные приближающимися людьми.

Наташа остановилась и недоумевающе оглянулась на Сазонова.

— Давай, давай! — прикрикнул Барбос, желая показать Сазонову, что болтовня и дерзость девчонки на него не действуют, а быть может, — и приглушить не оставлявшую ни на минуту тревогу. — Веселее шагай! Скоро чай пить будем.

— Куда шагать? — не выдержала Наташа.

Впереди, метрах в двадцати, каменистый берег обрывался в море.

— Куда надо, туда и пойдешь! — уже не скрывая злорадства, отрезал Барбос.

Немой задержался позади и смотрел: не идет ли кто за ними.

Пологий берег был пуст и безжизнен. Только на птичьем базаре словно метель бушевала: тысячи и тысячи чаек-моевок, чисти-ков, кайр, тупиков метались вокруг скалы-часового и надрывно кричали.

Еще десяток шагов — и Наташа остановилась у выброшенных прибоем водорослей.

— Шагай, шагай! — почти весело прикрикнул на нее Барбос. — Уговаривать тебя, что ли? А то я, пожалуй, уговорю. Навечно запомнишь!

Стараясь не поскользнуться на водорослях, Наташа, а за ней и Володя осторожно подошли к самому краю невысокого обрыва и остановились. Они смотрели вперед — на норд, на море. Но оно оставалось по-прежнему пустынным...

Под обрывом мягко всплеснула приливная волна...

Глава двадцать третья

ПОТЕРЯНЫ

Едва лишь маленькая группа скрылась под берегом, как вдалеке из-за небольшого и ничем неприметного камня выглянул мальчишка. Зорко всматривался он в сторону взморья, не решаясь выйти из-за укрытия. Но и на месте ему не сиделось.

Мальчуган не выдержал: ползком перебрался к крупному валуну. Прижался к нему, все так же украдкой наблюдая за берегом. Ничего опасного там не было. На недалекую

скалу-часового будто хлопья снега падали, забивая там каждую выемку: взбудораженные появлением людей птицы успокаивались и шумно занимали привычные места.

Мальчишка осмелел. Пригибаясь, перебежал он от камня к камню, осторожно приближаясь к морю. Пристально вглядывался он в спускающуюся к воде гладкую площадку, сжатую с обеих сторон высокими округлыми утесами. Здесь совсем недавно исчезли люди, за которыми он шел по пятам почти двое суток. Куда они делись?

Разглядеть ему не удалось. Летавшие над морем беспокойные чайки круто взмыли вверх и отчаянно заголосили. Мальчишка бросился под ближайший камень и сжался под ним неприметным комочком. Потом осторожно высунул круглую веснушчатую физиономию... и увидел нечто совершенно необъяснимое. Из моря вышел человек в милицейской фуражке и стеганке. Из моря! Сухой! Мальчишка не верил своим глазам.

— Сазонов! — узнал он.

И еще плотнее прижался к камню.

Преступник вышел на берег. Внимательно осмотрелся. Не заметив ничего подозрительного, он поднялся на большой, выше человеческого роста валун, с плоской, будто прямой сверху вершиной и растянулся на нем. Отсюда хорошо была видна спускающаяся сверху и постепенно расширяющаяся к взморью складка и небольшая рощица в стороне от нее.

Мальчишка замер. Выцветшая стеганка

его с протертыми локтями и серые брючки слились с шершавым гранитом.

Томительно тянулось время. Воздух заметно посвежел. Мальчуган зябко передернул плечами, но с места не двинулся.

— Лежишь? — буркнул он, глядя исподлобья в сторону притаившегося недруга. — Ну и лежи! Посмотрим, кто кого перележит.

Помогла ему похожая на утку гага. Летела она мимо и заметила на валуне неподвижного Сазонова. Часто взмахивая крыльями, гага повисла над ним в воздухе. Внимание ее привлекло маслянистое пятно на брюках лежащего человека. Глупая птица с воздухахватила пятно, вместе с телом. Сазонов вскочил на ноги, выругался вслед улетевшей гаге и легко спрыгнул с валуна. Поправляя на ходу сбившуюся на живот тяжелую кобуру с пистолетом, он быстро направился вверх по береговой складке.

— Так бы и давно! — шепнул посиневшими от холода губами мальчишка, провожая взглядом удаляющегося Сазонова. — Подумаешь!.. Фигура!

Сазонов не спеша поднялся на невысокий гребень и скрылся за ним.

Мальчуган по-прежнему лежал под камнем неприметным серым комочком. Он не доверял морю, в которое люди входили и так же запросто выходили. Занимала его только одна мысль: «Куда же девались остальные четыре человека?». И он упорно ждал, не выйдет ли еще кто из моря. А холодок донимал его все крепче. Как ни кутался мальчуган в старенькую стеганку, как ни вертелся — ле-

жать на холодном камне он больше не мог. Но и отступать было некуда: где-то за гребнем горы бродил Сазонов. Мальчишка все же решил рискнуть. Перебегая от камня к камню, подобрался он к гранитной площадке взморья и, взглянув на нее, облегченно вздохнул.

Два черных с белыми галстуками и брюшками кулика-сороки плавно опустились на площадку. Высоко поднимая голенастые красные ноги, они деловито осматривали выброшенные прибоем водоросли, время от времени выхватывая добычу длинным острым клювом. Глядя на них, соблазнился и летевший мимо рябенький зук. Подсел он к куликам-сорокам и, прыгая на тонких, словно чужих ножках, принялся рыться в темной влажной зелени, искать мелких рачков. За ним спустились на ближний утес несколько белых с голубовато-серыми крыльями чаек-моевок — погреться на вечернем солнце, отдохнуть от непрерывной сутолоки птичьего базара...

Мирная картина придала мальчишке смелости. Если осторожные кулики-сороки спокойно кормятся на площадке, а зоркие чайки греются на утесе, значит, людей поблизости нет. И он решительно направился к площадке.

Кулики-сороки встретили его недружелюбно. Чуть присев на пружинящих ножках, они громко закричали. Потом, почти одновременно взмахнув крыльями, обе птицы взвились вверх и потянули к скале-часовому. За ними вспорхнул зук. Сорвались с мест и чайки...

Площадка, круто обрывающаяся в воду,

оказалась пластом гранита, зажатым между округлыми утесами.

Мальчишка обошел площадку. Недоумение его росло. Как ни всматривался он — в сплошном пласте гранита не нашлось не только хода, даже щели, трещины, в которую мог бы заползти уж. Справа и слева от мальчугана над морем нависали округлые, источенные волнами и северными штормами утесы. Их отражения шевелились в воде, то поднимаясь вместе с плавным накатом, то снова опускаясь. Забраться на такой утес — нечего и думать. Впрочем, если б кто и сумел подняться туда — мальчуган из своего укрытия на берегу увидел бы. Но тогда куда же делись люди? Выход с площадки оставался только один — в море. Но оно было пустынным — вода и вода, без конца и края...

Все случившееся на берегу было совершенно необъяснимо. На глазах у мальчишки пять человек вошли в море и... бесследно исчезли в нем. Потом один спокойно вышел из него. Сухой! Какая-то чертовщина!

Задерживаться в каменной западне было страшновато. Последний раз окинул мальчуган взглядом площадку и, укрываясь за камнями, побежал к рощице. В густой зелени он присел и долго не мог отдышаться. Сердце колотилось в груди часто и звонко. Во рту пересохло.

В низкорослом березнячке было безопасно. Мальчуган устроился в небольшой ямке, засыпанной сухими прошлогодними листьями. Достал из кармана обкусанный со всех сторон ломоть ржаного хлеба и измятые перья дикого лука, набранного в пути. Ел он неторопливо,

с сожалением осматривая каждый кусочек, прежде чем его съесть. Покончив с хлебом, он доел вялый лук и огорченно вздохнул:

— Еще бы раз все сначала!

Но есть уже было нечего.

Посидеть спокойно удалось недолго. Снова стал пробирать холод. Мальчуган ежился, старательно запахивал стеганку, но оставался на месте. Он не верил ни в чудеса, ни в нечистую силу, а потому решил не оставлять засады, пока тайна исчезновения людей не раскроется. Эх, был бы у него хоть кусочек хлеба!..

Время шло. Холод усиливался. А тайна все не раскрывалась. Стараясь согреться, мальчишка прижимался к листьям то боком, то спиной. Порой хотелось поджечь сухие листья, чтобы обдало всего жарким пламенем, прогрело бы до самых косточек. Но сейчас нечего было и думать о костре, хотя бы и самом крохотном: где-то недалеко волком рыскал Сазонов. Приходилось согреваться только движением. Да разве согреешься так, ворочаясь на тощий желудок?

«Чего я жду? — думал мальчишка. — Зачем сижу тут?» Уже несколько раз он говорил себе: «Хватит. Ничего здесь не высидишь. Надо уходить». Но подняться и уйти, оставить пропавших людей, за которыми пробирался почти два дня по горам и зарослям, он не мог...

Глава двадцать четвертая

ЧАН РУШЛА

Прохор Петрович и Федя шли к старому Каллусту открыто, широким руслом, просматривающимся издалека. Но обратно, к месту

ночлега Сазонова, Прохор Петрович повел своих спутников кружным путем. Сперва они немного прошли по ручью в сторону Семужьей, продолжая отдаляться от своей цели. На повороте русло резко сузилось. Прохор Петрович свернул в щель между скалами, заросшую остро пахнувшим багульником. Дальше они расселинами пробирались к зарослям, где оставили Сазонова, всматриваясь в каждый камень, в каждый куст: не укрывается ли кто за ним?

Чем ближе подходили они к знакомому мелколесью, тем осторожнее держался Прохор Петрович.

— Не такой человек Сазонов, чтоб не посмотреть, ушли мы или нет, — объяснил он Феде и обернулся к старому Каллусту: — Пускай Тол поищет чужого человека.

Старый Каллуст понимающе кивнул и подзвал собаку. Поглаживая ее, он что-то говорил ей по-саамски.

Пес внимательно выслушал его и побежал вперед, плавно поводя из стороны в сторону тяжелым хвостом. Он заглядывал за камни, высоко поднимая голову — ловил встречный ветерок. Время от времени Тол возвращался к хозяину и виновато вилял хвостом.

— Никого нет впереди, — говорил старый Каллуст.

И снова посылал Тола на поиски.

Возле зарослей, прикрывающих поляну, где оставался Сазонов, Тол скрылся в зелени. На этот раз ждать его пришлось долго. Наконец он бесшумно вынырнул из густой листвы и, подняв острые уши, выжидающе остановился: людей впереди не было.

У погасшего костра старый Каллуст опустился возле Тола на корточки и протянул к его носу смятый комочек Наташиных волос.

— Апьсь! — приказал он. — Апьсь, Тол!¹

Пес обнюхивал волосы так старательно, будто хотел запомнить запах незнакомого человека на всю жизнь. А старый Каллуст серьезно, как понимающему собеседнику, объяснял ему что-то по-саамски. Потом он еще раз поднес пушистый комочек к влажному носу собаки и отрывисто бросил:

— Пе! Ищи!

Голос его прозвучал неожиданно резко и властно.

Тол подскочил, вытянул морду с чуть выступающими из-под верхней губы белыми клыками. Легкой трусцой пошел он вокруг костра и вдруг, с ходу, свернул в сторону моря — взял след...

Среди своих друзей Федя считался неутомимым ходок. И все же после часа стремительного движения по бездорожью за бегущей собакой он весь взмок. А старый Каллуст широким, чуть скользящим шагом (сказывалась многолетняя привычка к лыжам) шел за Толлом, изредка похваливая его, сбиваясь с русского языка на саамский:

— Ай, пенно! Мун шиг пенно!² Тол найдет людей. Воротимся мы к нашим олешкам. Умный Тол получит сладкую кость и много мяса...

Чем дальше удалялись они от остатков костра, тем менее бодро звучал голос старого Каллуста. Шаг его замедлился. Теплившаяся в ду-

¹ Нюхай! Нюхай, Тол!

² Ай, собака! Моя хорошая собака!

ше старика слабая надежда, что след свернет в сторону от моря, исчезла. Тол тянул прямо к страшившему старика Дурному Месту. Где-то там, на берегу глубокого незамерзающего моря, обосновался грозный Чан Рушла. Русский черт! Старый Каллуст издавна боялся чертей. Очень боялся! Но все же свой, саамский черт был ему ближе, понятнее. От своего черта можно спастись старинными заклинаниями, амулетами. А русский черт! Он же не знает саамских амулетов, не понимает саамских заклинаний!

Пока старый Каллуст предавался невеселым размышлениям, Тол все той же ровной рысцей поднялся на мягко закругленный, невысокий гребень. Впереди открылось бескрайнее холодное море с одинокой скалой-часовым, над которой носились потревоженные чем-то птицы. Под косыми лучами ночного солнца море переливалось тяжелыми бронзовыми бликами.

А пес, упруго вытянув косматый хвост, стремительно шел по следу. Время от времени он останавливался, поджидая отстающего хозяина. Остальные люди для работающего Тола не существовали.

— Устал, Каллуст? — спросил Прохор Петрович. — Отдохнуть хочешь?

— Если б Чан Рушла хотел отдохнуть! — вздохнул старик, еле переступая все более тяжелеющими ногами.

— Опять ты! — досадливо отмахнулся Прохор Петрович. — Русский черт или саамский... Один черт!

— Нет! — убежденно ответил старый Каллуст. — Русский черт хуже.

Растущий страх все сильнее сковывал его движения. Вернее, даже не страх, а страхи. Старик боялся засевшей в Дурном Месте нечистой силы, бесследно уничтожавшей сильных, смелых и хорошо вооруженных людей. Ему хотелось повернуться и бежать, бежать не оглядываясь назад, — в тундру, к дорогим его сердцу олешкам. Желание это тут же заглушала другая мысль: как вернется он в кúваксу и скажет своим, что бросил людей возле Дурного Места? И если первый страх словно опутал ноги, мешал идти вперед, то второй настойчиво толкал в спину, не давал остановиться.

Сумятица в мыслях старика все усиливалась. А верный Тол, выполняя его приказ, уже спускался к морю.

Неожиданно из густой березовой заросли, оставшейся в сотне метров левее следа, выбежал мальчишка в распахнутой стеганке и измятой шапке с болтающимися ушами.

— Федя! — кричал он на бегу. — Фе-е-дь!..

— Петька!

Федя крепко обнял запыхавшегося чумазого мальчугана.

— Видел их? — И почувствовал, как Петька сразу как-то обмяк. — Где они? — встревоженно встряхнул мальчугана Федя. — Говори скорей!

— Там, — Петька, не оглядываясь, махнул рукой назад. — В море.

— В море? — Федя невольно отступил от мальчугана.

— Так я и знал, что не поверишь! — огорченно вздохнул Петька. — Потому и говорить не хотел.

— Как в море? — Федя от волнения не находил нужных слов. — Да говори же!

— Не знаю я!.. — Петька запнулся и голос его зазвучал почти испуганно: — Сам ничего не понимаю. Шли они, шли. Дошли до самого берега и пропали. Все пропали! Вместе с теми чертями.

— С какими чертями?

Мальчуган растерялся и окончательно запутался. Федя увидел, что толку от него не добьешься, и припустился за ушедшим вперед старым Каллустом. На ходу он передал бессвязный Петькин рассказ Прохору Петровичу, молчаливо наблюдавшему за этой сценой издали...

Тол опередил людей. Спустился к берегу, миновал знакомую Петьке широкую гранитную плиту. Пес подбежал к морю, растерянно оглянулся на хозяина и злобно зарычал на воду.

— Пе, пе! — подогнал его старый Каллуст. — Ооуз! ¹

Тол топтался на месте, лаял на море, пробовал даже хватить зубами мелкую волну.

Все окружили его, не понимая, что случилось с собакой. Почему тихий, спокойный Тол с такой яростью бросается на воду и даже пробует укусить волну? Ничего подобного не видели не только Федя с Петькой, но и хорошо знающий нравы и повадки местных собак Прохор Петрович.

Старый Каллуст стоял в стороне. Бледные губы его беззвучно шептали старинное полузабытое заклинание. А мысль работала лихорадочно быстро. Вот они, проделки русского

¹ Пошел!

черта! Саамский черт прячется в лесу или в скалах. Это понятно. Надо же где-то жить и черту? Саамский черт может сбить человека с пути, навести на него метель, запутать следы лося. Это тоже понятно и в конце концов не так страшно. Дорогу можно найти, от метели отлежаться в глубоком сугробе, умелый охотник выследит другого лося. Но русский черт!.. Он прячется на дне моря и утаскивает людей в холодную бездонную пучину. Оттуда уже не вернешься. И место-то выбрал какое! Незамерзающее. Чтобы круглый год подстерегать неосторожных людей. Хитрый черт! Очень хитрый...

Один лишь Петька принимал все как должное и решительно ничему не удивлялся.

— Говорил я тебе! — значительно шепнул он Феде. — А ты не поверил...

Перебил его Прохор Петрович.

— Ты ходил сюда? — спросил он у Петьки.

— Ходил.

— Понятно! — заключил Прохор Петрович. — Собака сбилась на твой след.

— На мой след! — проворчал Петька. — А я на чей след сбилась? Я же сам видел!..

— Что ты видел? — сухо остановил его Прохор Петрович. — Ты видел, как люди ушли в воду?

— Да, — твердо сказал Петька, — они ушли в воду.

Глядя в упрямое веснушчатое лицо мальчугана, Федя вспомнил слова Сазонова: «Болтун он! Вы больше слушайте его. Он говорит.»

ДВОЙНАЯ ЗАСАДА

Петька обиделся. До чего взрослые считают ребят дураками! Даже разговаривать с ними трудно. Ты говоришь им: «Я сам видел. Своими глазами!» А они и слушать не хотят. Повернулись и пошли. Осматривают стены утесов. Будто сам Петька не догадался до них все тут облазить. А еще толковали о мушкетерах! Д'Артаньяном называли! А сейчас все мушкетеры вылетели из головы. Разговаривают, как со шпингалетом!..

Прохор Петрович и Федя недолго осматривали утесы. Внимание их опять привлекло странное поведение Тола. Разгоряченный поисками, пес все еще не мог успокоиться. Старательно приюхиваясь, кружил он по гранитной площадке. Сделав несколько кругов, Тол упорно возвращался все к тому же месту на обрыве и принимался с неутихающей злостью лаять на воду.

— Ищите, ищите! — ворчал в стороне обиженный Петька. — Хотя до утра ищите... — Он не закончил фразу и горестно отвернулся от моря. Не стоило зря тратить слова. Все равно не верят.

Поиски пропавших, как и предсказывал Петька, ничего нового не дали. Остаться у взморья было бессмысленно.

Стоило Прохору Петровичу только заикнуться об этом, как старый Қаллуст с неожиданной поспешностью направился прочь от моря. За ним потянулись и остальные. Старик шел быстро. Остановить его удалось

лишь у березовой рощицы, где скрывался Петька Жужукин.

Прохор Петрович осмотрел товарищей. Растерянность старого Каллуста его не удивила. Говоря по совести, он ожидал даже худшего. Зато очень не понравился ему поникший, угрюмый Федя. После первого испытания на Семужьей Прохор Петрович проникся доверием к ловкому и смелому юноше. Но сейчас его нельзя было узнать.

— Что делать? — тихо спросил Федя. — Где теперь искать их?

— Что делать? — задумчиво повторил Прохор Петрович и, не советуясь ни с кем, решительно произнес: — Вернемся назад, к костру. Пустим собаку по следу еще раз.

Старый Каллуст поднял на него выцветшие маленькие глазки, пошевелил губами, но ничего не сказал.

— Надо бы одному остаться здесь, — предложил Федя. — Последить, не появится ли кто на берегу.

— Я останусь, — живо согласился Петька. — Из березок хорошо смотреть за берегом. Все видно!

— Можно, — одобрительно кивнул Прохор Петрович. — Жди нас здесь. Из березняка — ни шагу. А если солнце поднимется над горой на три пальца и мы не вернемся, значит, собака взяла другой след. Тогда бросай тут все и возвращайся к костру. Понятно?

— Ясно! — ответил по-военному Петька.

— Смотри хорошо, — наказывал Прохор Петрович, хотя он и был убежден, что никто здесь не появится. Но усталый мальчишка

не выдержал бы стремительного движения за собакой, а потому лучше оставить его на время здесь, в укрытии. — На солнце не забывай поглядывать. Как поднимется на три пальца над горой — не жди нас.

— Ясно! — по-прежнему четко отрубил Петька. — Только... — Он вытащил расческу, неловко повертел ее в руках. — Покушать бы чего.

— Это можно! — Федя достал из рюкзака кусок жареной оленины, хлеб и протянул мальчугану: — Держи.

— Вот это да! — обрадовался Петька. — Кусочек... с коровий носочек!

Довольный, направился он к облюбованной рощице, пробрался в уже обжитую ямку и улегся на мягких сухих листьях. Холодная оленина, еще припахивающая дымком от костра, показалась ему необыкновенно вкусной. Петька достал нож, вытер его об рукав стеганки. Ел он по-охотничьи, отрезая от куска мяса длинные полоски. Как ни вкусна была оленина, мальчуган не забывал посматривать на берег. Он и не подозревал, что никогда еще опасность не была так близка, как сейчас, — почти за плечами...

Сазонов еще за гребнем заметил людей с собакой. Осторожно, стороной, пробрался он за ними и укрылся в березовой рощице. Из нее он следил за взморьем, видел, как Петька простился с людьми и свернул в ту же рощицу. Люди с собакой быстро перевалили через гребень и скрылись из виду...

Сазонов подобрался поближе к мальчишке и залег в густой зелени. Он нетерпеливо поглядывал на карманные часы. Время, казалось, тянулось нестерпимо медленно. Сазонов не выдержал и поднес часы к уху. Прислушался к ровно тикающему маятнику: часы шли. Приходилось ждать. И это сейчас, когда каждую минуту могли вернуться люди с собакой! Но иного выхода не было. Не мог он оставить опасного мальчишку здесь, на воле. Да и пробраться на глазах у него к тайнику, где находились сообщники и пленники, незамеченным было невозможно.

Последний раз Сазонов взглянул на часы и облегченно вздохнул. Время! Он пополз к мальчугану, бесшумно раздвигая ветки, покрытые свежей листвой...

Петька — сытый и довольный — лежал на животе, болтая поднятыми ногами: он честно выполнял нехитрые обязанности наблюдателя. Впрочем, пользы от своих наблюдений мальчуган не ждал. Сколько просидел он тут до встречи с Федей! А что ему удалось увидеть? Сперва люди пропали в море. Потом, так же непонятно, вышел из него Сазонов...

...Страшная тяжесть обрушилась на мальчугана внезапно. Жесткая, будто деревянная рука сдавила сзади шею. Вторая рука схватила его кисть и рывком завернула за спину. Лицо мальчишки исказилось от боли. Он хотел крикнуть, позвать на помощь... и не смог. Из раскрытого рта вырвалось лишь невнятное мычание...

— Пикни только! — слышался за спиной знакомый низкий голос. — Придушу!

— Сазонов! — еле слышно прохрипел Петька.

— Да. Сазонов.

Хищник рывком поднял Петьку, поставил на ослабевшие ноги и подтолкнул его вперед, к морю.

Направляемый сзади сильной рукой, мальчуган почти бегом спускался к взморью. А Сазонов толкал его все сильнее, нетерпеливее. Не раз он тревожно оглядывался: не выходят ли из-за гребня люди с собакой.

Петька уже не шел, а бежал с пригнутой головой; бежал и не видел ничего, кроме шероховатого серого камня и своих ног, обутых в ботинки с оббитыми носками.

На гранитной плите Сазонов оглянулся последний раз. Гребень по-прежнему оставался пустынным. Море отступило и оголило выглядывающий из-под знакомого Петьке обрыва неровный уступ, поросший длинными и тонкими водорослями.

Случайно Петьке удалось поднять голову. Он увидел перед собой море и с неожиданной силой дернулся всем телом в сторону. Вырваться ему не удалось. Сазонов крепко стиснул завернутую за спину руку мальчугана и почувствовал, как сразу обмякло напрягшееся было тело Петьки.

Как ни коротко оказалось сопротивление Петьки, все же он успел свободной рукой оторвать от стеганки нарядную дамскую пуговицу и отбросить ее назад. Но о дальнейшем сопротивлении нечего было и помышлять.

Придерживая завернутую назад руку мальчугана, Сазонов заставил его спуститься с обрыва на уступ и осторожно слез сам. Подталкивая мальчишку впереди себя, он свернул направо. Уступ круто спускался вниз, заходил под округлый утес, нависший над спокойной водой. Под утесом Петька увидел широкую щель с приподнятым углом, похожую на искаженный от злости рот.

Сазонов сорвал с пояса мальчишки нож и забросил его в море.

— Лезь! — отрывисто приказал он.

Мальчуган замер перед щелью в тяжелом ожидании чего-то страшного, непоправимого. Сазонов с силой втолкнул его в темную, пахнущую сыростью и водорослями дыру, откинул за спину кобуру с пистолетом и скользнул в грот.

...Вода у берега медленно поднималась. Начинался прилив. Небольшая волна плеснула на уступ, по которому совсем недавно пробирался Сазонов с мальчуганом. Плеснула она и в устье грота. Еще час — и вход в него окажется закрытым. А часа два-три спустя его нельзя будет увидеть и вовсе — под водой и густой тенью, падающей с нависшего утеса. У Дикого Берега высота прилива достигает без малого семи метров...

Глава двадцать шестая

КАМЕННАЯ ЛОВУШКА

Темный грот, где каждый шаг приходилось делать наощупь, показался мальчишке бесконечно длинным. Местами подъем круто шел

вверх, и тогда пленнику приходилось пригибаться настолько, что руки касались шершавого камня.

Сазонов достал из кармана электрический фонарик, но потом раздумал включать. Свет помог бы мальчишке разобраться, где они находятся. Нет! Пускай почувствует, что пришла его беда.

Расчет Сазонова был правильным. В густой, вяжущей движения темени и тишина казалась особенной — тягостной, зловещей. Мальчуган слышал за спиной чужое дыхание, легкий шорох шагов и замирающие всплески воды. Порой ему хотелось остановиться и пнуть ногой назад, в лицо ползущего за ним врага.

«Попасть бы ему каблуком между глаз! И так попать, чтобы полетел в воду. Да разве такого быка столкнешь?». Размышляя об этом, Петька забыл проверить руками темноту перед собой и ударился головой об нависший сверху каменный выступ. Теплая шапка несколько смягчила удар. И все же мальчуган невольно вскрикнул, не столько даже от боли, сколько от неожиданности, и схватился обеими руками за ушибленное место.

— Шевелись! — подтолкнул его в спину невидный в темноте Сазонов. — Мечтать после будем. Всякий о своем.

Вспыхнул яркий луч фонарика, осветил свисающий крутым горбом потолок грота и погас.

Как ни коротко осветил Сазонов грот, все же идти стало легче. Легче стало идти — и

с новой силой охватило мальчишку беспокойство. Куда его ведут? Зачем?

Впереди забрезжил слабый свет — желтоватый, мрачный. Вскоре они вышли из грота в просторную, тускло освещенную пещеру. Справа, недалеко от входа, сидел на отсвечивающей серебром оленьей шкуре Барбос. Рядом с ним спал Немой. Возле них, на выступающем из стены плоском камне, стоял маленький туристский керосиновый фонарь с круглым стеклом.

Пещера была так велика, что слабый свет фонаря таял в глубине ее. Даже противоположная сторона пещеры виднелась тускло. Выделялись на ней лишь каменистые выступы. Закрытый сверху металлической крышкой фонарь не освещал потолок, отчего высота пещеры казалась бесконечной.

«Вот попал! — думал мальчуган. — Хуже быть не может. Разве найдут ход сюда? Догадайся-ка, что он только в самый отлив открывается, и то ненадолго».

Озираясь по сторонам, мальчишка заметил у противоположной стены пещеры два мутных серых пятна. Вдруг они зашевелились, вытянулись и обрели четкие очертания человеческих фигур. Радостная догадка оживила мальчишку.

«Вот вы где! — подумал он. — Утопленники!»

Мальчуган хотел окликнуть их — и не успел.

— Ступай к той стене, — строго сказал ему Сазонов. — Ложись там. Да не пищи. Маменьки тут нету, возиться с тобой.

— А чего мне пищать? — с достоинством ответил мальчуган. Он вспомнил подслушанные из зарослей дерзкие ответы Наташи и, преодолевая робость, бросил: — Пищать-то вам придется, не мне.

— Что-о?

Грозный тон Сазонова не смутил мальчишку. Ведь он был не один. За каждым его движением, словом следили друзья. Мальчишка пригнул голову и, глядя исподлобья на Сазонова, вызывающе произнес:

— Говорю, как бы сами не запищали.

— Попомни, Васька... — В голосе Сазонова звучала угроза. — Ты в наших руках. Весь! С потрохами!

— Я в ваших, а вы в наших, — дерзко ответил мальчишка, испытывая радостное, окрыляющее ощущение собственной смелости. — Поживем — увидим, что из этого получится.

— Цыц!.. — вскочил со шкуры Барбос. — Попал, щенок, в мышеловку. так не твякай!

— Не я попал в мышеловку, а вы! — взъерошился мальчуган. — Посмотрим, как вы отсюда выскочите.

Дела его оказались так плохи... Хуже быть не могло. И он решил — будь что будет! — держаться отчаянно, как Наташа.

Сазонов, пренебрежительно шурясь, осмотрел парнишку, стоящего перед ним в лихо сдвинутой на бок измятой шапке со свисающими ушами, и покачал головой:

— Герой!

— Не смейся. — Мальчишка уже забыл о недавней робости и держался почти спокой-

но. — Попался я вам? Попался. Факт! А Петька Жужукин на воле остался? Тоже факт. Сейчас он уже поднялся на гору. Костерок запылил. Соберет кого надо — и приведет сюда.

От мысли, что Петька Жужукин мог видеть, как он тащил Ваську под утес, Сазонова передернуло. Но он сдержал себя и насмешливо спросил:

— Где ж он был, твой Петька Жужукин, что я его не видел?

— Где надо, там и был.

— Кого ж это он соберет на горе?

— А кто вас ищет, тех и соберет.

— Кто же нас ищет? — все тем же насмешливо-подзадоривающим тоном продолжал расспрашивать Сазонов. — Кому мы так понадобились?

— Собрать их недолго, — продолжал Васька, не отвечая на вопрос Сазонова. — Точка-точка-тире... Тире-тире-точка...

Занятый спором, мальчишка не заметил, как у противоположной стены приподнялись Наташа и Володя. Напряженно прислушивались они к голосам, искажаемым чутким пещерным эхо.

— Это он. — На плечо Наташи легла Володина рука. — Петька! Неужели не узнаешь по голосу?

— Но он же говорит, что Петька на воле, — возразила Наташа. — Сазонов называет его Васькой.

— Сазонов знает Ваську и Петьку... — Володя задумался. — Ошибиться он не может. А мы с тобой Ваську этого никогда в глаза

не видели. Да и этого... Петьку-Ваську впервые встретили возле ручья.

— Ты думаешь, что Петька и Васька... одно и то же?

— Тш-ш! Пока мы не выясним этого, нам нельзя вмешиваться в их спор.

Они затихли, сторожко вслушиваясь...

— Ты, Васька, не фигурай, — сказал Сазонов. — По-хорошему говорю тебе — лучше не фигурай! Выполняй беспрекословно все, что он скажет.

Сазонов указал рукой на Барбоса. Много хотелось преступнику выведать у мальчишки. Но сейчас его беспокоило нечто более важное. Надо было немедленно узнать: подстерегает ли их кто на взморье? С мальчишкой потолковать он еще успеет. А выход из пещеры скоро закроет начинающийся прилив.

— Ступай к той стене, — приказал Сазонов. — Ложись там. Да гляди... без его разрешения — ни шагу оттуда.

Васька, не отвечая, круто повернулся и неторопливо направился к указанному месту. Сазонов проводил его долгим тяжелым взглядом. Продумывая каждую фразу, он коротко рассказал своим сообщникам о людях с собакой.

— Схожу-ка я погляжу, — закончил он, — что там, на воле, делается.

— Опять пойдешь? — недовольно проворчал Барбос. — Запутаешь ты нас своими хитростями!

— Хитростями! — укоризненно бросил Сазонов. — Если б не мои хитрости... эта шатия вот где у нас сидела бы! — Он звучно шлепнул

себя по плотному затылку и значительно добавил: — Один-то из тех... с карабином!

— С карабином? — Немой даже присвистнул от удивления. — Во-о!

— Давно бы этих... в пропасть. И концы! — раздраженно произнес Барбос.

— Концы! — неловко усмехнулся Сазонов. — Экой ты скорый! Что ж ты не сделал им концы? Они же тебе в лицо плюют. Барбосом зовут.

— Они и тебе плюют в лицо, — бесстрастно ответил Барбос. — В глаза зовут бандитом.

— Бандит не барбос.

— А это... кому что нравится. Барбоса бьют, бандита расстреливают.

— Смываться надо вовремя, — решительно сказал Сазонов, не желая продолжать неприятный спор с Барбосом. — Оставим этих здесь. — Он махнул рукой в сторону пленников, а затем в темную глубину пещеры. — Пока они дождутся отлива, выберутся из пещеры, да пропутаются в тундре... мы будем далеко. Чего глядишь? Бежать сразу мы не могли. С Семужьей-то! Красный кисет оставался здесь, в пещере.

— Кисет у меня. — Барбос шлепнул ладонью по потайному карману, пришитому под сгибом колена. — Вот он.

— Уговор забыл? — нахмурился Сазонов. — В одиночку кисет не брать. Даже близко к нему не подходить.

— А я не один. Нас двое, — ухмыльнулся Барбос. И тут же поспешил успокоить его: — Без тебя мы отсюда не выйдем. А как выр-

вемся отсюда — разделим кисет. И кто куда. Так, что ли? — спросил он, обращаясь к Немому.

— Так, — охотно подтвердил Немой, довольный тем, что к нему обратились за решающим словом в таком важном споре. — Поделим кисет и будем рвать когти с Мурмана.

Сазонов понял: сейчас не время для споров. А сообщники от него никуда не денутся — он вернется к следующему отливу.

— Ладно! — поднялся он. — Я пошел. А вы... глядите тут в оба.

И скрылся в темноте.

...Пока Сазонов спорил с Барбосом и Немым, мальчуган не спеша подошел к противоположной стене пещеры. Его схватили и потянули на мох тонкие крепкие руки Наташи.

— Петька!

— Я не Петька, а Васька.

— Васька, — быстро поправилась Наташа, — а где же Петька?

— Петька! — в голосе мальчишки послышались пренебрежительные нотки. — Такого барсука разве уговоришь пойти в тундру? Ему бы только дома болтать. На это он ходовой!

— Но ты же сейчас сказал, что Петька на воле?

Васька подумал, провел расческой по волосам и ответил словами из какой-то басни:

— Мало ли что скажет воробей, когда попадет кошке в лапы. А у них коготки... — Он заметил, что Сазонов вышел из пещеры, и усмехнулся: — Пускай поищет Петьку.

— Как же ты жил два дня? — все еще не

могла опомниться от неожиданности Наташа. — Чем кормился?..

— Неужели ты знаешь азбуку Морзе? — перебил ее Володя.

— Немного знаю, — скромно признался Васька.

— Так это ты переговаривался с нами зеркальцем? — все больше удивлялась Наташа.

— Я, — гордо ответил Васька.

— Шифром? — В голосе Наташи прозвучало явно недоверие.

— Шифром? — недоуменно переспросил Васька. — Каким таким шифром? Просто точка-точка-тире. И все?

— А Наташа... расшифровала твои сигналы, — еле сдерживая смех, сообщил Володя.

— Расшифровала? — От удивления Васька даже затылок почесал.

— Да, — подтвердил Володя, стараясь отставаться серьезным. — Прodelала тройное обращение текста и... расшифровала.

— Тройное! — растерянно повторил Васька. — Вот штука-то вышла. А я-то и сам не знал, что у меня шифр получился.

— Не знал? — продолжал расспрашивать Володя, украдкой поглядывая на смущенно притихшую Наташу.

— Нет. Мы эту морзянку всего месяц учили. В клубе — теоретически, на экскурсиях — практически. До буквы «гы» дошли. Потом наш физик уехал. А новый учитель не стал с нами заниматься.

— До буквы «гы»? — Наташа все еще не могла прийти в себя от изумления.

— До «гы», — подтвердил Васька.

— Почему же ты ни разу не передал нам «б» или «в»?

— А я их... — Васька смущенно замаялся. — Я их забыл. И цифры забыл. Помню только... Две точки, три тире — двойку. И наоборот: два тире, три точки — семерку.

— И все?

— Хватило и этого! — с достоинством произнес Васька.

В ответ он услышал дружный хохот, настолько дружный, что и сам Васька не выдержал, рассмеялся.

Смех пленников словно хлестнул Барбоса. Всего ожидал он от них, любой отчаянной выходки, но только не этого искреннего, дружного хохота. Смех всполошил его больше, чем камень, пущенный сильной рукой из засады, таинственные световые сигналы и даже весть о том, что какой-то Петька остался на воле и собирает себе на помощь людей с собакой и карабином. Мысли Барбоса сплелись в беспокойный клубок. Почему после появления Васьки пленники развеселились? Что за весть принес им мальчишка с воли? Чему они смеются?.. И ни на один из многих тревожных вопросов найти ответа не удавалось.

А гулкое эхо подхватило смех, разнесло его по просторной пещере. Из всех уголков ее откликнулись гулкие голоса.

Барбос весь напрягся, вслушиваясь в заморающий хаос звуков. Он даже на колено привстал. Уловить ему удалось всего несколько слов.

— Значит... до «гы», говоришь, дошли? — деловито осведомилась Наташа.

— До «гы», — подтвердил Васька.

И новый взрыв смеха, подхваченный многоголосым гулким эхо, надолго заглушил все остальные звуки...

«До Гы дошли!» — Барбос мучительно силился вспомнить, а где же это Гы? И что это такое: становище, гора или речка? Дошли... Значит, мальчишка шел не один? Но с кем? Может, они подстерегли Сазонова у выхода из пещеры?..

Барбос терялся все больше. Он не знал, как держать себя с пленниками. Милovidная девушка, очкастый парень и мальчишка, которого и разглядеть-то толком не пришлось, казались ему чудовищами. Барбоса охватило смятение. Злоба и мстительные планы отступали перед растущим животным страхом. Отрезанный от земли гранитной толщей и запертый морем, он все меньше думал о пленниках и все больше — о собственном спасении. Только бы вырваться из пещеры. На волю! В тундре его не сразу возьмешь. Найти осторожного и выносливого человека в этом хаосе скал, зарослей и болот не так-то просто. Главная опасность — населенные пункты, железная дорога, города. Да что думать о них сейчас! Все это казалось таким далеким, почти недостижимым. Близки и опасны оставались каменные своды пещеры, пленники и те, кто преследует его с собакой и карабином...

И снова смех прервал думы Барбоса. Васька рассказывал, как намутился он в пер-

вую ночь, проведенную с новоселами, выживая, пока все заснут. А потом пошел и забросил свой платок в ручей. Да и в пути не зря забегал он вперед — надо же было оставлять «следы пропавшего Васьки Калабухова». Надломленные ветки никто не заметил. Зато на обложку от тетради клюнули здорово. А вчера он смастерил из веревки и оторванного от ботинка кожного язычка пращу. (Надо же было иметь хоть какое-то оружие!) А потом, подкравшись, запустил из пращи камнем в Барбоса.

— Здорово! — громко восторгался Володя, понимая, что Барбос подслушивает их беседу. — Запомнят они теперь. Надолго запомнят!

— Молодец! — также во весь голос поддержала его Наташа и тихо, уже только для Васьки, добавила: — Выдумщик! Всех всполошил своим камнем. Помнишь, Вовка, как он прогудел?..

...«Запомнят! — мысленно повторял случайно схваченные слова Барбос. — Надолго запомнят. А что?.. Что запомнят?»

Он тяжело ворочался на оленьей шкуре. Ему стало уже и жестко и тесно, даже душно. Смех и оживленный говор пленников, услышанные отдельные слова и фразы обострили его подозрительность до предела. Ему казалось, что опасность совсем близка, готова уже ворваться и заполнить сумрачную пещеру до самых отдаленных закоулков. А быть может, она уже проникла сюда и таится, невидимая, в темноте?..

Обеспокоенный Барбос поднялся на ноги. Пленники видели его и Немого, освещенных фонарем, следили за каждым их движением. А вот что они делали в темноте — этого видно не было.

Барбос снял фонарь с каменного выступа. Подошел поближе к пленникам. Выбрал на бугристом дне пещеры местечко поровнее, поставил фонарь и вернулся к спящему Немому.

Но и это его не успокоило. Пленники сбились в плотную кучку и оживленно шептались о чем-то.

«Сговариваются!»! — злобно думал Барбос.

Он следил за ними не отрываясь, пока не уловил какое-то подозрительное движение. Новая мысль обожгла его сознание: а если задержанные разобьют фонарь? От них всего можно ожидать. Остаться сейчас в темноте!..

Барбос поднялся, забрал фонарь и поставил его на прежнее место, возле себя. А в спину его ударил знакомый презрительный смех Наташи.

Нервы Барбоса сдали, и он разразился такой руганью, что Немой проснулся и, ошале-ло хлопая белесыми ресницами, почтительно протянул:

— Вот это да!.. Дает!

А Барбос изливал в ругани все, что накопилось у него в душе за минувшие дни и особенно за последние часы — и злость, и страх, и жгучее желание выбраться из проклятой каменной ловушки.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

И на этот раз Тол по-прежнему уверенно взял след у костра и направился к побережью. Точно, как по проторенной стежке, повторил он путь, пройденный совсем недавно, поднялся на мягко закругленный гребень и знакомой каменной складкой спустился к берегу. Все той же ровной рысцой выбежал пес на гранитную площадку и звонко залаял на море.

Прохор Петрович и Федя стояли возле собаки, избегая смотреть друг на друга. Опять след оборвался у воды.

Первым опомнился от гнетущего ощущения растерянности Федя:

— А где же Петька?

Прохор Петрович взглянул на затихший птичий базар. Низкое ночное солнце зарумянило обращенную к берегу сторону скалы-часового, вызолотило сидящих на ее вершине бургомистров. От скалы далеко в открытое море вытянулась длинная черная тень.

По расчетам Прохода Петровича, мальчуган должен был ждать в укрытии еще не меньше двух часов.

— Заснул, возможно, — неуверенно предположил Прохор Петрович.

Федя обернулся в сторону березовой рощицы и, сложив ладони рупором, крикнул во всю силу легких:

— Петька-а!

Подождал, не спуская глаз с рощицы.

Ответа не было.

— Пе-еть!..

И снова ничего, кроме легкого всплеска под обрывом.

Все стояли, чутко прислушиваясь, не откликнется ли мальчуган. Один лишь Тол спокойно кружил по площадке.

— Пе-етька-а! — не унимался Федя. — Пе-еть!..

— Полно кричать, — хмуро остановил его Прохор Петрович. — Нету здесь твоего Петьки.

Федя уже и сам понял: мальчуган пропал. Но после того, как об этом прямо и грубовато сказал Прохор Петрович, еще острее охватило юношу обидное ощущение своей беспомощности.

Они отошли от обрыва. Присоединились к державшемуся в стороне от моря старому Каллусту. Говорить никому не хотелось. Да и о чем говорить? Каждый понимал: оборвалась последняя ниточка, за которую они держались в своих поисках. Хотелось спросить: «Что делать дальше?» Но задать этот простой вопрос никто не решался, опасаясь, как бы у него не спросили то же самое.

— Никуда мы с берега не пойдем! — с необычной горячностью воскликнул Прохор Петрович, хотя никто и не предлагал уходить отсюда. — Они здесь. И Петька здесь! Возможно, спугнул его кто. Забежал паренек...

Перебил его Тол. Нетерпеливо помахивая хвостом, он негромко залаял, подзывая хозяина к водорослям.

Первым подроспел к нему Федя. Еще издали увидел он в вялой зелени водорослей... знакомую большую пуговицу с дамского пальто.

— Петькина! — радостно воскликнул Федя. — Он вышел к морю!

— Вышел к морю? — задумчиво повторил Прохор Петрович, осматривая пуговицу. — А дальше что?

Федя молчал, неподвижно глядя в холодное мрачное море.

Безмолвно следивший за ними издали старый Каллуст на этот раз не выдержал.

— Много людей ушло к Дурному Месту!.. — медленно произнес он. — Никто не вернулся обратно. И тела их не отдал Чан Рушла. Следа не оставил.

— Какой тебе еще след нужен? — Прохор Петрович, еле сдерживая раздражение, показал ему пуговицу. — А это что? Не след?

— Зачем черту пуговица? — рассудил по-своему старый Каллуст. — Ему люди нужны. Живые! — Он подумал и мрачно добавил: — Если б люди пропадали тут от зверя — остались бы ружья. Осталось бы что-нибудь, хоть тряпка. Но никто и ничего не нашел от людей, которые пропали тут. Ничего!

Взгляд его остановился на собаке. Она внимательно обнюхивала пуговицу, лежащую на ладони Прохора Петровича.

— Пе, Тол! — приказал Каллуст. — Пе, мун пенно!¹

Пес крутнул тяжелым мохнатым хвостом и, низко опустив голову, пошел по площадке. Тол сделал большой круг, вернулся к морю и остановился на краю обрыва. Острые уши его поднялись, шерсть на затылке вздыбилась. Тол сто-

¹ Ищи, Тол! Ищи, моя собака!

ял напряженный, с поднятой передней лапой, готовый броситься. Но на кого? Кого мог он видеть в море, застывшем в величественном ночном покое? Почему собаку с такой силой тянуло к одному и тому же месту на обрыве?..

Федя с трудом сдерживал себя. Хотелось обругать последними словами море и холодный безмолвный камень. Должна же быть разгадка проклятой тайны! Не могли ведь шесть человек исчезнуть бесследно, подобно растаявшей снежинке?

На плечо юноши легла знакомая плотная рука.

— Надо отдохнуть, — прервал тягостное молчание Прохор Петрович. — Сколько уже мы на ногах? — Он достал из кармана часы. — С пяти утра. А сейчас... Второй час ночи! Многовато.

Никто не поддержал его и не возразил. Подавленные неудачей, они неторопливо вернулись к березовой рощице. Выбрали на опушке поросшее мхом место. Молча поели холодной оленины. Все так же молча легли спать.

Сторожили маленький лагерь и вели наблюдение за берегом по очереди, сменяясь каждые два часа.

Тол свернулся в пушистый комок и чутко дремал с приоткрытыми глазами. Время от времени он срывался с места, выбегал из зарослей и замирал с поднятой передней лапой, всматриваясь вдаль.

...На этот раз Федя проснулся сам. Молча наблюдал он за бодрствующим старым Каллустом и собакой, пока не поднялся Прохор Петрович.

Бригадир заметил: Федя быстро встал и вопросительно посмотрел на него.

— Будем искать, — коротко ответил Прохор Петрович на невысказанный вопрос юноши. — Опять пустим собаку. Пускай поищет по берегу. Не могли же люди пропасть бесследно!

— А пуговица? — спросил Федя. — Петькина пуговица. Разве не след?

— Если один след ничего не дает, надо искать другой, — возразил Прохор Петрович. — Другой не поможет, третий найдем. Обязательно найдем.

И он заговорил по-саамски со старым Каллустом.

— Хорошо, — безразлично согласился тот. — Пойдем.

И показал собаке рукой вдоль берега:

— Пе, Тол!

Пес опустил голову и пошел по берегу охотничьим поиском — широкими зигзагами.

— Ооуз!¹ — сурово подгонял собаку старый Каллуст. — Ооуз, Тол!

Скала-часовой осталась позади. Исчезла из виду и площадка, где оборвался след пропавших. Дальше двигаться было бессмысленно. Свернули в глубь берега. Поднялись на гребень и вершиной его направились обратно. Недалеко от знакомой складки, спускающейся к морю, Тол взял след. Бойко потянул он к взморью, к знакомой площадке... и снова остановился на краю обрыва, на том же самом месте, и залаял на воду, оглядываясь на стоящих за ним людей.

¹ Пошел!

Пока они отдыхали и осматривали берег, море сильно отступило от площадки. Под оголенным обрывом вода открыла неширокий выступ. Свисающие с него длинные тонкие водоросли, словно зеленые русалочьи волосы, мягко шевелились на мелкой пологой волне.

Федя измерил глазами расстояние до выступа под обрывом. Потом сбросил с плеч рюкзак, уперся посохом в выступ и спрыгнул вниз. Осторожно ступая по покрытому водорослями камню, он сделал несколько шагов.

— Прохор Петрович!

Первым откликнулся на взволнованный голос юноши Тол. Пес опередил Прохора Петровича и спрыгнул к Феде. Принюхиваясь к незнакомым, резким морским запахам, собака растерянно посматривала на Федю, будто хотела спросить: что делать дальше? За ней спустился на выступ и Прохор Петрович. Всмотрелся в сторону, куда нетерпеливо показывал Федя. В тени, падающей от нависшего над морем утеса, он не сразу заметил открытое отливом широкое, похожее на щель с приподнятым углом, устье грота.

«Там он или не там, но проверить надо, — подумал Прохор Петрович. — Это наша последняя надежда».

— Пойдем, — сказал он Феде.

Не успели они сделать и двух шагов, как безучастно наблюдавший за поисками старый Каллуст с неожиданной для его возраста легкостью спустился на выступ и оказался между Прохором Петровичем и входом в грот.

— Ам лушт! ¹ — крикнул он, не замечая, как у него в русскую речь все чаще врываются саамские слова. — Куда?.. Куда вы идете? Разве тем, кто уже пропал, легче станет, если и вы пропадете? Не радуйте Чана Рушла. Смотрите! Он смеется.

Резким движением руки старый пастух показал на щель под утесом. Обросшая шевелящимися по легкой зыби водорослями, она действительно походила на скривившийся в злобной усмешке бородатый, неопрятный рот.

— Отойди, старик! — хмуро сказал Прохор Петрович. — Отойди и не мешай нам. По хорошему прошу.

— Ам вульг! — В голосе старого Каллуста прозвучало отчаяние. — Эвдес ам лушт! ².

— Оставайся. Мы пойдем без тебя.

— Убейте меня!..

— Никто тебя убивать не станет, — с трудом сдерживая растущее раздражение, ответил Прохор Петрович. — Но в пещеру мы пойдем. Если надо будет... силой пройдем.

Вялого, нерешительного старика словно подменили. На него не действовали ни решительный тон Прохора Петровича, ни мрачные взгляды Феде.

— Мальчик пропал, — продолжал он, не уступая дороги. — Вчера ты видел его. Живым видел, веселым. Больше его нет. Не станет и вас — молодых, сильных. Мун пэрно! Родэхейль! ³ Как я могу пустить вас туда? На гибель пустить...

¹ Не пушу!

² Не уйду. Дальше не пушу!

³ Дети мои! Родные!

— Уходи! — резко оборвал его Прохор Петрович. — По-хорошему прошу — уйди.

Старый Каллуст не шелохнулся. В напряженно застывшей фигуре старика чувствовалась отчаянная решимость — спасти стоящих перед ним людей, не считаясь ни с чем, спасти пускай даже ценой собственной жизни.

Прохор Петрович шагнул к Каллусту, не спуская с него жесткого, неподвижного взгляда...

Никто не заметил сгоряча, как беспокойно вел себя Тол, внимательно следивший за спорящими. Стоило Прохору Петровичу приблизиться к старому Каллусту, как пес, широко расставив мохнатые лапы, загородил собой хозяина и грозно зарычал.

— Слушай, старик, — Прохор Петрович говорил медленно, и оттого каждое слово его звучало значительно и весомо. — Я — депутат районного совета. Там, где нет милиции, я обязан поддерживать закон. Ты это знаешь.

— Да, — подтвердил старый Каллуст, не понимая, куда клонит Прохор Петрович. — Я это знаю.

— Я имею право требовать помощи от любого. И это ты знаешь.

— Знаю.

— Если ты не хочешь помочь мне — твое дело. Но ты мешаешь. Не мне мешаешь — советской власти. Понял?

Старый Каллуст молчал.

— Убери собаку!

— Я хочу помочь... хочу! — тяжело произ-

нес старик. — Пустить вас на гибель — это помощь?

Прохор Петрович уловил в его голосе новые, просительные нотки. И он повторил, всем видом показывая, что ни на какие уступки не пойдет:

— Убери Тола!

Пес услышал свое имя и угрожающе оскалил клыки.

— Если ты действительно хочешь помочь нам, — продолжал Прохор Петрович, — пошли с нами собаку. В пещере темно. Там, где мы не увидим людей, Тол их почует.

Старый Каллуст еле заметно качнул головой. Трудно было понять, соглашается он или отказывается.

— Пойдем, Федя! — твердо сказал Прохор Петрович, не глядя на старика. — Если пес бросится на меня... Отвечать будет Каллуст. Запомни.

Старик молча притянул к себе за ошейник собаку и показал рукой на устье грота.

— Кыч, Тол! Кыч!¹ — ласково уговаривал он пса, все еще не пропуская к пещере Прохора Петровича и Федю. — Кыч!

Он достал бумажку с завернутыми в ней волосами Наташи. Дал собаке понюхать пушистый комочек и подтолкнул ее вперед.

Тол осторожно спустился по крутому уступу. Разбрызгивая воду, еще покрывающую камень у входа в грот, он скрылся в темном устье.

— Не ходи с нами, — сказал Прохор

¹ Смотри, Тол! Смотри!

Петрович старому Каллусту и, желая успокоить старика, а вместе с тем и объяснить свое требование, добавил: — Одному надо остаться здесь и смотреть, чтобы никто не вошел в пещеру и не вышел из нее.

Старый пастух прижался к обрыву, пропуская Прохора Петровича и Федю, а взгляд его, каждая скорбная морщина на лице словно говорили: не ходите, не надо, там же верная гибель!

Вода еще не совсем убыла и заплескивала в устье грота. Но Прохор Петрович и Федя больше ждать не могли. Ступая по воде, подошли они к каменной щели и скрылись в темноте...

Не успел Федя сделать в гроте нескольких шагов, как наткнулся на Прохора Петровича и услышал его тихий голос:

— Спички есть?

— Есть фонарик.

— Это хорошо. Посвети немного. Не пойму, куда мы с тобой забрались.

Федя осветил под ногами неровный каменный подъем, мокрые стены, нависший над головой блестящий от влаги потолок.

— Хватит, — остановил его Прохор Петрович. — Погаси.

Первым пошел Федя, проверяя посохом дно и низкий потолок грота. Прохор Петрович двигался следом, не переставая досадовать на себя. Как же он не подумал?.. Можно ли угнаться здесь за собакой? Тола в темноте выручит чутье, заменит ему зрение. Хозяина тут нет; чужого Тол слушаться не станет, а ждать тем более. Вот и пошел пес пер-

вым, намного опередил поднимающихся за ним вслепую людей — и пропал в темени... А все старый Каллуст! Заморочил голову своим Чаном Рушла!..

Остановил их раскатистый, гулкий хохот. Десятки голосов — смеющихся, завывающих, поющих — слились в жуткий хор, какой может присниться разве только в тяжелом бреду.

Федя и Прохор Петрович не верили ни в бога, ни в черта. Но тут и они почувствовали, как неприятный холодок сковывает руки и ноги.

Зловещий хохот затих. Замерли под сводами пещеры последние певучие нотки. Но ощущение близкой опасности нарастало с каждым шагом. Все чаще ощупывал Федя посохом путь перед собой. Включить фонарик и осмотреться он не решался. Кто знает, как далеки от них люди? Фонарик мог превратить его и Прохора Петровича в прекрасную мишень, из охотников сделать дичью.

Федя не выдержал напряжения, остановился.

— Куда девался пес? — шепнул он.

— Вперед ушел, — так же тихо ответил Прохор Петрович.

— Почему же его не слышно? Неужели еще не добрался до конца пещеры?

Вместо ответа Прохор Петрович слегка подтолкнул его:

— Пошли, пошли. Стоять нам нельзя.

И оттого, что Тол пропал и даже голоса не подает, стало еще тяжелее идти дальше. Исчезновение собаки Прохор Петрович и Федя

невольно связывали с дикими голосами из глубины грота.

Постепенно проход становился шире и выше. Впереди, в непроглядной темени, забрезжил еле приметный свет. Тусклый, желтый, он постепенно усиливался, выделяя неровные черные края входа в большую пещеру.

Остановил их громовой удар. Словно гора раскололась. Глухие нарастающие раскаты катились по гроту, нагоняя друг друга и сливаясь в сплошной грозный гул. Что произошло там? Обвал? Взрыв? Что бы ни случилось, надо было идти вперед, на помощь. Теперь уже сомнений быть не могло — там люди.

До входа в тускло освещенную пещеру оставалось совсем недалеко, когда Прохор Петрович опустился на землю и безмолвно, рукой, положил рядом с собой Федю. Дальше они продвигались ползком, часто останавливаясь и вслушиваясь в неясные гулкие звуки, в которых скорее угадывались, чем слышались человеческие голоса.

У входа в пещеру они задержались. Осторожно заглянули в нее. В слабом свете маленького фонаря Прохор Петрович и Федя увидели слева от себя три смутно выделяющихся пятна. Справа от них кто-то лежал на оленьей шкуре, укрытый с головой, второй стоял, не сводя глаз с пленников... Федя всмотрелся в него и узнал Барбоса.

Прохор Петрович бесшумно проверил затвор карабина и шепотом спросил:

— Готов?

С трудом справляясь с охватившим его вол-

нением, Федя шепнул, как ему показалось, совершенно спокойно:

— Порядок!

Глава двадцать восьмая

НА ВОЛЮ, НА ВОЛЮ!

Борьба в пещере продолжалась.

— Смейтесь, ребята! — упрашивала Наташа. — Ну, смейтесь же!

Уступая Наташе, Володя и Васька время от времени выжимали из себя какое-то подобие смеха. Несмотря на все усилия Наташи, повторить тот дружный, искренний хохот, каким ответили они на признание Васьки Калабухова в том, что «Б» и «В» он забыл, никак не удавалось. Слишком мало смешного было в их положении. Почти сутки находились пленники в заключении. За это время они успели отдохнуть, поспать. А в пещере ничего не изменилось.

Барбос по-прежнему не спускал глаз с задержанных. С каждым часом он чувствовал себя все хуже, окружающий камень будто давил на его плечи. Совсем еще недавно укрытый морем тайник казался ему совершенно недоступным для чужих. А сейчас?.. Барбос лишился сна и покоя. Он искренне завидовал Немому. Опять спит и не думает ни о чем. А вдруг не соврал мальчишка — и у выхода из тайника их действительно подстерегают вооруженные люди? Кто подстерегает — неважно. Барбос не ждал ничего хорошего от встречи с лютым честным человеком...

Наташа увидела, что ни просьбы ее, ни

требования не помогают. Тогда она пошла на крайнее и совершенно неожиданное средство: схватила Володю под бока. Володя страшно боялся щекотки, вздрагивал при одной мысли о ней. И на этот раз он рванулся от Наташи и неистово загоготал. На смех это, конечно, походило мало. Помогло эхо. Оно откликнулось на голос Володи из всех уголков пещеры, ближних и дальних — захохотало, застонало, зауhalo...

Барбос не выдержал, схватил подвернувшийся под руку камень и запустил его в сторону пленников.

— Легче там, бандит! — крикнула Наташа. — Убить хочешь — так стреляй. А камнями баловаться нечего. Ушибить же можно!

Опять «бандит»! Проклятое слово и без напоминаний Наташи не давало покоя Барбосу. С трудом сдержался он, чтобы не ответить ей привычной руганью и угрозами; теперь он понимал: в крике и брани пленники видят лишь проявление его слабости, страха.

— Так как же, Барбос? — не унималась Наташа. — Будешь ты стрелять или нет? Я лично тебе не советую. Серьезно! Если б ты разделался с нами в горах... Ну, это еще можно было понять. Там у тебя оставалась какая-то надежда удрать, отсидеться в кустах...

— Все же там тебя не сразу поймали бы, — вставил Володя...

— А тут? — Наташа сделала значительную паузу и продолжала по-прежнему неторопливо и рассудительно. — Сазонова уже забрали. Заберут и тебя с Немым. Наши не топятыся. Знают, что отсюда никуда вам не

уйти. В тундре вы были, как в мешке. А тут завязочка уже затянулась — не выскочишь. Стрелять теперь... просто глупо.

Из сказанного Наташей особенно болезненно воспринял Барбос слова о Сазонове. Он и сам подозревал неладное. Почему не вернулся Сазонов? Мог же он выйти, осмотреть берег и вернуться, не задерживаясь. Что случилось с ним? В бегство главаря Барбос не верил. Красный кисет остался в пещере. Никуда от него Сазонов не уйдет. В особенности теперь. После похищения новоселов вернуться в поселок он больше не мог. Все надежды Сазонова, его будущее — в красном кисете...

А Наташа продолжала теревить своего тюремщика.

— Барбос!.. А Барбос!

Нет! Надо заставить ее замолчать. Любой ценой! Барбос выхватил пистолет и выстрелил над головами задержанных. Ослепительно белая вспышка и громовые раскаты взбудрили его, заглушили терзающие рассудок мысли. Но ненадолго. Еще не отзвучало эхо, как он снова услышал Наташу.

— Уточняю свою мысль, — голос девушки звучал ровно и спокойно, будто она не слышала выстрела. — Убьешь ты нас, Барбос, — за это тебя расстреляют. Не думай, что я тебя пугаю. Ты не из робких. Это видно. Да ведь не смерть страшна. Умереть можно по всякому. Свалился ты, скажем, в пропасть. Сломал шею. Ну и дело с концом!.. Страшно, Барбос, ожидание казни. Вот! Водят тебя на допросы. Пишут протоколы какие-то. А ты знаешь: надеяться не на что. И следовательно,

который тебя допрашивает, и конвоиры, что водят тебя, и судья, и адвокат... тоже знают: конец твой один. И все же ты будешь артачиться, спорить, что-то доказывать. Вынесет суд приговор — ты не выдержишь, подашь на помилование. Там... — Наташа показала пальцем куда-то вверх, — прочтут твое письмо и скажут: «Новоселов убил? К ногтю такого гада!» Вынести все это — никаких сил не хватит...

— Слушай!.. — Барбос ожесточенно ударил себя кулаком в грудь. — Девять граммов свинца приму... но тебя порешу!

— Валяй! — по-прежнему спокойно ответила Наташа. — Если тебе очень уж хочется с нами на тот свет. Мы не против. Только помни: я тебе и на том свете покоя не дам.

Все же она отметила: пружина завернута до отказа, может лопнуть. Девушка притихла. Но ненадолго. Перепалка с Барбосом снова подняла боевой дух задержанных. И Наташа принялась рассказывать какой-то смешной случай. Рассказывая, она часто вздыхала и как-то очень по-девчоночьи чмокала губами, вставляя к месту и ни к месту свое любимое «вот!». Это короткое словечко выражало у нее самые разнообразные чувства. Оно звучало в зависимости от обстоятельств — весело и удивленно, насмешливо и грустно, даже назидательно.

Но Барбосу слышалось в голосе и восклицаниях девушки только одно — торжество. А торжество Наташи ничего хорошего не могло предвещать ему, хищнику. Хотелось махнуть на все рукой и исчезнуть из пещеры. Но

если и выберешься отсюда—опять же прячься и прячься от всех. Трудно в одиночку. Наградила же его судьба мордой! Не морда, а сплошная особая примета!..

Рассказ Наташи оборвался неожиданно. В шею ей ткнулось что-то холодное, влажное и косматое. И девушка, бесстрашно боровшаяся с преступниками, не дрогнувшая от блеснувшего ей в лицо выстрела, невольно вскрикнула и прижалась к Володе.

— Тихо! — шепнул он. — Чего испугалась?

Наташа увидела, кто так напугал ее, и облегченно вздохнула. Небольшой черный пес бесцеремонно втиснулся между ней и Володи. Деловито подгрел он под себя мягкий мох и улется, положив голову на вытянутые вперед толстые лапы. Тол честно выполнил свой долг и теперь ждал хозяина, похвалы, обещанной вкусной косточки.

— Откуда он? — удивленно и радостно шепнула Наташа. — Как попала сюда собака?

— Ход к нам один, — так же тихо ответил Володя. — Гротом.

— Это ихняя собака, — еле слышно прошептал Васька. — С воли.

— Ничего не понимаю! — Наташа угловато, по-детски развела руками. — Почему собака пришла одна? А где люди, ее хозяева?

И затихла, стараясь не выдать усиливающегося с каждой минутой волнения. Сознание подсказало: появился пес — жди людей. И вдруг с такой силой охватило девушку стремление поскорей выбраться из пещеры. На волю, к солнцу, к морю! А главное — к людям...

Ох, как нужно было сейчас затеять что-нибудь, пошуметь, отвлечь на себя внимание Барбоса. Но сделать этого Наташа не могла. Сознание, что помощь близка, быть может, чьи-то дружеские глаза уже следят за ними — сковало девушку: руки и ноги стали тяжелыми, неповоротливыми, как чужие.

В наступившей тишине отчетливо и громко цокали о камень падающие с потолка редкие тяжелые капли.

...Барбос проглядел Тола. Черный пес незаметно проскользнул по темному базальту. И все-таки Барбос встревожился. Внезапная тишина насторожила его, обострила подозрительность.

— А ну там!.. Не расползаться! — крикнул он, хоть и видел, что задержанные сбились в плотную кучку. — Я, кажется, поползаю кому-то!

— Сиди! — ответила Наташа, прикрывая дерзостью свое смятение. Голос ее прозвучал неожиданно твердо. Это ободрило девушку, и она насмешливо бросила: — Три вершка осталось до тюремной решетки, а туда же... разговаривает!

До тюремной решетки! Барбос нащупал рядом с собой камень. От камня не помрут, потише станут. Поймут, что и у него есть конец терпению. Не успел он замахнуться, как от входа в пещеру отделились два темных силуэта.

— Руки вверх! — приказал Прохор Петрович и прикрикнул, как на лошадь: — Стоять!

Барбос увидел холодно блеснувший в его сторону ствол карабина, темный глазок ду-

ла... и выпустил камень. Руки его невольно поднялись над головой.

Сонный Немой приподнял голову со шкуры. Федя успел предупредить его. Одной рукой он схватился за кобуру Немого, а другой завернул его правую кисть за спину.

Властный окрик Прохора Петровича словно встряхнул замерших в ожидании пленников. Володя бросился на помощь к Феде. Наташа схватила посох и побежала к выходу, отрезая Барбосу единственный путь к бегству. Поднял голову и Тол. Навострил уши. Но хозяин его не появился. И пес снова растянулся на мху.

— Ваша взяла! — хрипло выдохнул Барбос. — Повязали...

Немой очнулся от сонной оторопи... Резким движением он вывернулся из-под грузно навалившегося на него Феде. Но выдернуть крепко завернутую назад руку ему не удалось.

— О-ой — истошно взвыл он. — Руку!.. Руку-у!

Старый, проверенный прием уголовников помог. Федя несколько ослабил нажим. Немой свободной рукой дотянулся до голенища и выхватил короткий острый нож. Ударить Федю он не успел. Подоспевший Володя обеими руками стиснул волосатое запястье Немого и, навалившись на него, прижал к шкуре.

— Брось! — крикнул он. — Брось, говорю!..

Выкрик Володи, ожесточенная борьба взбудоражили Тола. Остаться безучастным он больше не мог. Пес поднялся. Блестящие глаза его, наблюдая за борьбой, разгорались все ярче. Кому помочь? Тут все чужие. Взгляд

собаки задержался на Прохоре Петровиче. Этот человек вот так же наступал на хозяина. Пес подбежал сзади к Прохору Петровичу и щелкнул челюстями. Тот невольно оглянулся. Зорко следивший за его лицом Барбос быстрым, еле уловимым движением выхватил из расстегнутой кобуры пистолет...

Разбитый пулей карабин вырвался из рук Прохора Петровича. Ослепленный ударившей в глаза яркой вспышкой, он невольно пригнулся и тут же получил страшный удар в челюсть. Прохор Петрович высоко взмахнул руками и свалился навзничь. Подоспевшая Наташа схватила Барбоса за стеганку. Удар кулаком наотмашь отбросил ее далеко в сторону.

Барбос бросился мимо растерянно облизывающегося Тола на помощь к Немому... и остановился. Он увидел, как Прохор Петрович привстал и потянулся к висящему на тасме ножу. Барбос коротко, по-волчьи осмотрелся. Выход из пещеры остался открытым. Кисет спрятан в потайном кармане. На кой черт ему рисковать из-за Немого? Бежать из каменной ловушки! Бежать, пока не поздно. Скорее в горы, в лес, на волю!

Пес увидел бегущего человека и не выдержал, молча припустился за ним. У самого входа Тол громадным прыжком настиг Барбоса и повис на рукаве его стеганки. Преступник быстро обернулся. Давно клокотавшая в Барбосе жажда расправы обрушилась на собаку. Он выстрелил между ушей Тола. Пес отвалился от рукава, взвился на задних лапах, рухнул навзничь и забился в судорогах, хватая воздух оскаленными зубами.

Барбос мельком взглянул на него, заметил приближающегося Прохора Петровича и скрылся в темном выходе...

Федя с Володей не заметили бегства Барбоса. С трудом подмяли они отчаянно сопротивляющегося Немого, стараясь вырвать у него нож. Справиться с ним оказалось нелегко. Напрягая все силы, Володя наконец заломил толстое волосатое запястье хищника. Пальцы разжались. Нож выпал. Мускулистое тело Немого сразу обмякло, стало податливым, вялым...

Глава двадцать девятая

КОНЕЦ ЧАНА РУШЛА

Барбос уходил стремительно. Не раз он падал на крутом спуске, скользя на боку или на животе. Не обращая внимания на толчки и ушибы, он рвался вперед.

— Только бы выход был свободен! — повторял он. — Только бы выход!..

Впереди появился четкий просвет — ярко-зеленый с золотистым отливом.

«Море! — понял Барбос. — Солнце на воле!...»

Обычно он выходил из низкой щели осторожно, боком. Но сейчас приходилось дорожить каждой секундой. Барбос низко пригнулся и выскочил из грота. Неожиданно он поскользнулся на водорослях и, не устояв на ногах, рухнул в воду.

...Трясущийся от страха старый Каллуст не мог отвести взгляда от темного устья грота. В зловещем каменном зеве скрылись его

спутники и любимый пес. Каждую минуту старик ожидал увидеть нечто ужасное. Полный тяжелых предчувствий, он заранее напрягся, сжался в комок. Один раз страшное уже началось. Из пещеры, похожей на злобно искривившийся в усмешке рот, вырвались хохот и вой бесновавшейся в глубине ее нечистой силы. Старый Каллуст прижался спиной к обрыву и забормотал заклинания. Ему казалось, что еще мгновение — и пещера-рот раскроется, проглотит его, как и многих пропавших на Диком Берегу.

Хохот и вой затихли. Снова мирно плескала волна. Под устьем грота шевелились длинные мягкие водоросли.

После пережитого ужаса и тишина уже не могла успокоить старого Каллуста. Наоборот, она казалась необыкновенной, зловещей, предрекающей близкое и неотвратимое несчастье. И когда Барбос стремительно вылетел из грота и, коротко взглянув на старика своими мертвыми глазами, скрылся под водой, Каллуст замер в ожидании кары грозного Чана Рушла...

Барбос вынырнул из воды, схватился обеими руками за выступ и рывком бросил на него свое большое сильное тело.

Первое, что увидел омертвевший от ужаса старый пастух, — шапку-ушанку и большую жилистую руку с пистолетом, четко выделяющуюся на зеленых водорослях. И сразу словно луч света ворвался в затемненный суеверным страхом мозг старого Каллуста.

«Пистолет! — мгновенно и остро отметило сознание. — Черт с пистолетом! В шапке!»

И тут он услышал хриплую, круто завернутую ругань, очень земную и знакомую. Мысль, что перед ним не черт, а человек, сместила в сознании старика все. Жуткий, леденящий тело страх, волнение за людей, скрывшихся в пещере, мгновенно обратились в ярость, страшную ярость, какой старый Қаллуст в жизни своей не испытывал. Слепой в своем безудержном гневе, он не видел ни бычьей шеи Барбоса, ни выставленного вперед пистолета.

В эту минуту старый Қаллуст сам походил на сказочного саамского черта. Волосы его поднялись вокруг покрасневшей лысины пушистым венчиком, совик на груди и за спиной вздулся горбами. В глазах старого саама вспыхнули темные огоньки. Он пригнулся и шагнул к тому, кого совсем недавно считал всесильным чертом.

Черный глазок дула блеснул зеленоватым пламенем. Исчезли утес, мокрая стена обрыва, море...

Громовый удар отбросил старика в сторону, и он, почти теряя сознание, инстинктивно прижался спиной к обрыву. Но вера в грозного и всесильного Чана Рушла была уже потеряна. Сознание четко отметило: «Он выстрелил из пистолета». Сквозь мелькающие перед глазами зеленые пятна старый Қаллуст видел, как мокрый Барбос с трудом вскарабкался на обрыв. И если раньше саам в каждой мелочи видел проявление сверхъестественных сил, то сейчас он примечал во враге только человеческое — прилипшую к телу рубашку, обезображенное злостью и страхом лицо, а мерз-

кая ругань Барбоса звучала для оглушенного старика просто райской музыкой...

С какой-то отчаянной решимостью сорвал он с обрыва приготовленный на всякий случай аркан. Привычно взмахнул им над головой. Аркан, развертываясь в воздухе, настиг убегающего Барбоса. Свитая из оленьих ремней петля захлестнула хищника, намертво прижала его локти к телу. Но остановить бандита оказалось не по силам старому пастуху.

Барбос видел перед собой путь в горы. С воловьей силой тянул он аркан, а вместе с ним волочил вдоль выступа старого Каллуста, подтягивая его к обрыву. Втащить упирающегося в неровную каменную стену пастуха ему не удавалось. Зато стоило Барбосу чуть ослабить аркан и попробовать растянуть охватившую его петлю, как уже Каллуст всей своей тяжестью повисал на конце аркана и тянул его обратно к выступу. В отчаянии Барбос рванулся прочь от моря с такой силой, что выдернул старого Каллуста на обрыв. Он тащил пастуха за собой по гранитной плите, напрягая все силы, чтобы растянуть жесткую петлю, прижавшую локти к телу. А старый Каллуст волочился за ним, загребая своим телом водоросли, и, вслушиваясь в хриплую грязную брань, радостно убеждал себя: «Нет. Не черт это... Совсем не черт!»

Барбос отчаялся растянуть петлю, охватившую его грудь, подобно железному обручу. Он обернулся и набежал на лежащего пастуха, стараясь ударить его ногой. Старый Кал-

луст успел вскочить и увернуться от удара. Убегая от преступника, он ослабил аркан. Барбос воспользовался этим и несколько растянул петлю. Но тут аркан сильно дернул — хищник не устоял на ногах и свалился. Кисти обеих рук снова прижала к телу крепкая петля...

Сгоряча Барбос только сейчас заметил нового врага. На помощь к старому Каллусту подоспел выскользнувший из грота Прохор Петрович. Быстро поднялся он на обрыв и перехватил у старика аркан. Вдвоем они навалились на упавшего Барбоса.

Пойманный хищник не сдавался. Он бился под Прохором Петровичем и старым Каллустом, стараясь скатиться в море. В ледяной воде саамы выпустят его, не захотят тонуть. Барбосу удалось добраться до края обрыва, когда старый Каллуст своей жесткой ладонью резким, сильным движением нажал на его нос. Жгучая боль затемнила сознание Барбоса. Мышцы его ослабли. Прохор Петрович ловко перехватил сзади локти хищника узким ремешком, стянул потуже...

Лишь сейчас старый пастух провел рукой по лицу. Царапины над бровью и на щеке слегка щипали.

«Чем он меня так-то? — подумал он. — Пугнуть хотел, что ли?»

Старый Каллуст осмотрелся, поднял пистолет Барбоса и понял, что произошло. Когда преступник свалился в воду, в пистолет попала вода, и выстрел разорвал ствол.

— Нет! — покачал головой пастух. — Так не пугают. Худой ты человек!

С каждой минутой смелости у него все прибывало. Он подошел к устью грота. Заглянул. Но войти все же не решился. Подобрав выброшенную морем суковатую тяжелую палку, старый Каллуст вооружился ею и стал рядом со щелью.

Чуткий слух тундровика уловил в устье грота быстро приближающиеся шаги. Выцветшие глазки его сощурились, сухие еще крепкие руки напряглись.

Из щели осторожно опустил рыжеватый сапог, затем показалась нога в лыжных брюках. Старый Каллуст живо убрал палку за спину и встретил Федю, смущенно улыбаясь.

— Как дела? — спросил юноша, не подзревая, от какой неприятности спасли его лыжные брюки. — Больше никто не выходил отсюда?

— Разве я выпущу чужого на волю? — искренно обиделся старый Каллуст. — Со мной хорошая дубина. — И он, в свою очередь, поинтересовался: — Всех поймали?

— Нет, — ответил Федя, — главарь ушел...

Прохор Петрович и Федя помогли связанному Барбосу опуститься с обрыва на уступ и подтолкнули его к темному устью грота.

Старый Каллуст проводил их взглядом и покачал головой. Вот как получилось! Не черт тащил людей в пещеру, а люди волокли в нее черта.

— Чан Рушла, Чан Рушла! — пробормотал он. — Кончился ты, Чан Рушла. — И, пересиливая еще сохранившиеся в нем остатки внутреннего сопротивления, вошел в темный грот...

СТРАННЫЕ НАХОДКИ

Прохор Петрович и Федя привели притихшего мокрого Барбоса в пещеру. Несколько позднее поднялся за ними и старый Каллуст.

У входа в пещеру пастух увидел вытянувшегося, неестественно длинного Тола. В неподвижных глазах собаки застыли бронзовые огоньки — отсветы фонаря. Старый Каллуст присел над Толем. Медленно перебирал он сухими пальцами длинную, еще теплую шерсть собаки. Потом он с трудом заставил себя подняться и подойти к людям. Ни слова не сказал старый Каллуст никому. Зачем было говорить? Показывать недостойную мужчины слабость? Пес был верным помощником старика, и гибель Тола была только его утратой...

Прохор Петрович осматривал отобранный Володей у Немого рыбацкий нож — с коротким широким лезвием и длинной толстой рукояткой из некрашенного дерева.

— Хорош! — заметил бригадир, возвращая трофей Володе. — После такого ножа... не встанешь.

Прохор Петрович отвернулся от Немого и стал обыскивать Барбоса. Один карман у него был рваный и пустой. Во втором тоже ничего интересного не нашлось: какая-то грязная тряпка, служившая, вероятно, носовым платком, спички и Володины очки, которые он тут же вернул обрадованному хозяину. Удивил всех пистолет Барбоса. Это был старый «кольт», ободранный усердной ошкурив-

кой настолько, что от фабричного клейма и года выпуска остались лишь затертые линии. Ствольная накладка и рукоятка пистолета были усеяны глубокими черными раковинами. Так же выглядел и наган, отобранный у Немого.

— Да-а! — Прохор Петрович покачал головой. — Оружие...

— Настоящее бандитское! — пояснила Наташа.

Барбос не ответил, даже головы не повернул в сторону девушки. После бурного сопротивления и неудачной попытки к побегу Барбоса охватило полнейшее равнодушие ко всему, что происходило с ним и вокруг него. Он испытывал лишь одно чувство — страшный, пронизывающий все тело холод.

— Разреши переодеться? — обратился он к Прохору Петровичу, с трудом шевеля застывшими губами. — Продрог весь.

Барбосу развязали руки. Неловко ступая одеревянелыми, негнущимися ногами, он прошел с Володией к глубокой естественной нише. Забрался в нее, достал суконные брюки, свитер и старую стеганку с проженной полрой. Переодеваясь, Барбос незаметно переложил из потайного кармана брюк за пазуху незамеченный при обыске красный кисет с желтыми ягодками. Расстаться с ним он не мог даже сейчас.

Прохор Петрович выждал, пока Барбос переоденется, и спросил:

— Откуда у вас пистолет?

— Купил.

— У кого купили?

— У мальчишки.

— У какого мальчишки?

— Не знаю. Возле кино болтался...

— У мальчишки! — Прохор Петрович обернулся к товарищам. — Прежде чем уйдем отсюда, надобно осмотреть пещеру.

— Обязательно, — поддержал его Федя. — Проверим, что у них тут за хозяйство.

Хозяйство в пещере оказалось довольно богатое. В глубине естественной ниши, из которой Барбос достал запасную одежду, нашли запасы продовольствия: крупяные концентраты, консервы мясные и овощные, масло, сгущенку. На вбитых в камень кованых крюках висели две крупные соленые семги. Возле них на дощатой подставке стоял плоский, удобный для переноски бидончик с керосином. В старом фанерном ящике хранился кое-какой инструмент — топор, молоток, плоскогубцы и наждачные бруски. Тут же стояли прислоненные к стене небольшие самодельные железные вилки, насаженные на длинные, почти в рост человека, деревянные колья.

— Вот они чем семгу били! — вспыхнул Васька и подскочил к Барбосу. — Браконьеры!

Барбос взглянул на мальчугана, и тот невольно отступил за Федю. В сумраке вместо глаз с лица Барбоса смотрели пустые черные впадины.

— Семгу?.. — Прохор Петрович поднял одну из странных вилок, задумчиво осмотрел ее, даже попробовал пальцем острия зубьев. — Такой острой семгу не возьмешь. Острия

тупые. Зазубрины на них еле заметны. Гляди — на них и дохлая рыбешка не задержится, соскользнет.

— Все ясно! Мы нашли трезубец морского бога Посейдона, — пошутил Володя. — А вот и его подозрная труба.

И он вытащил из темноты фанерную трубу, длиной примерно метра в полтора. В один конец ее было вставлено стекло, второй оставался открытым.

— Старик Посейдон явно отстал от современной техники, — продолжал Володя, осматривая странную трубу. — Он пользуется самым обычным оконным стеклом. Что можно увидеть через такую трубу?

— Хватит заниматься пустяками, — остановил его Федя тоном старшего. — Брось-ка эти цацки!

— Не надо бросать, — вмешался Прохор Петрович. — Все это запасали не зря. Надо разобраться, что за дела тут делались.

Несильный в мифологии, он молчал, пока речь шла о Посейдоне. Но к имуществу преступников Прохор Петрович отнесся очень бережливо.

Недоумение, с каким осматривали новоселы несложные приспособления для добычи жемчужных раковин, удивило Барбоса, а затем и обрадовало. Если б пришельцы знали о северном жемчуге, так сразу догадались бы о назначении фанерной трубы и железных вилок. С плеч Барбоса словно тяжесть свалилась. То, что он считал выдержкой пленников, объяснялось совсем просто: обыкновенным неведением. Они и сами не знали, что по-

добрали раковины жемчужниц. Отдельные фразы Наташи и Володи, которые хищники принимали за намеки на их преступную деятельность, просто случайно совпадали с мыслями о возможном разоблачении. Нет! Еще не все пропало. Надо сохранить красный кисет, спасти любой ценой. В конце концов какое наказание ожидает его? Он ничего не украл, никого не убил...

— Еще трофеи несу! — объявил из сумрака Васька.

Мальчуган волоком подтащил три пары высоких резиновых сапог. В одном из них нашли банку клея и нехитрые приспособления для починки: остро отточенный сапожный нож, рашпиль, куски резины и наждачную бумагу.

— В таких сапогах удобно лазить в пещеру, — сказала Наташа.

— Можно подумать... — Володя внимательно осматривал много раз латаный сапог, — что они только тем и занимались здесь, что влезали в пещеру и вылезали.

— По тундре в таких сапогах ходить... тоже неплохо, — добавил Прохор Петрович, думая о чем-то своем.

Даже после беглого осмотра он увидел, что обитатели пещеры запаслись основательно и продуманно. Но для чего Сазонов и его сообщники так запасались? Что привлекло их сюда? Продовольствие, сапоги, инструменты, непонятные остроги, фанерная труба — стоили денег, труда, и немалого труда! Доставить все это на Дикий Берег можно было только на себе...

Чем больше думал об этом Прохор Петрович, тем больше путался в самых различных предположениях.

— Схожу-ка я осмотрю пещеру, — прервал его размышления Федя.

— Только ненадолго, а то как бы не застрять нам здесь, — предупредил его Прохор Петрович.

— И я с тобой, — оторвалась от осмотра непонятных находок Наташа.

Они отошли от товарищей, продолжавших разбираться в имуществе сазоновской артели.

...Круглый луч фонарика, то расплываясь, то сжимаясь, скользил по дну пещеры, взбирался на серые бугристые стены. В большую пещеру выходило несколько темных отверстий, расположенных на разной высоте. Были ли это ответвления пещеры или просто глубокие ниши, подобные той, в которой хранились запасы хищников, — проверить не удалось...

Федя хотел закончить беглый осмотр и повернуть обратно, когда Наташа придержала его за рукав.

— Смотри, смотри! Здесь жили какие-то пещерные люди.

И показала рукой на грубо выбитые на каменной стене неровные буквы.

— Пещерные люди! — Федя искоса посмотрел на нее: до чего может додуматься эта фантазерка. — Оказывается, они были грамотными.

— Смотри внимательнее. — Наташа подчеркнула пальцем слово «онъ». — Видишь? Твердый знак.

Теперь уже и Федя заинтересовался «пещерными людьми».

С трудом разбирали они неловко высеченные на камне, прыгающие буквы, собирали их в слова, а затем и в фразы.

«Помяни, Господи, душу раба твоего Олексія. До последнего издыханія остался онъ веренъ присяге Россіи и невинно убиенному помазаннику Божію...»

— Должно быть, тут жил какой-то отшельник, — предположил Федя.

— Отшельник! — В голосе Наташи появились знакомые покровительственные нотки. — Отшельник, верный «невинно убиенному помазаннику божію»! Кто этот невинно убиенный? Царь Николай.

Федя смущенно замолк и занялся надписью. В следующих строках буквы были выбиты ровнее и глубже, а потому разбирать их стало легче.

«Подъ камнемъ симъ лежитъ горестное жизнеописание Олексія Іоаннова Сарыкина».

— Под камнем сим... — задумчиво повторила Наташа и осмотрелась. — Под каким камнем?

— Может, ты обойдешься пока без камня? — спросил Федя, недовольный неуместным любопытством Наташи.

— Никак! — отрезала Наташа. — Ищи камень.

По тону девушки Федя понял, что спорить с ней сейчас не следовало, и уступил. Он вошел фонариком по стенам, но никакого камня не находил. Зато Наташа заметила в стороне светлый бугорок. Они подошли поближе. Под

стеной лежал скелет, прикрытый клочьями истлевшей одежды.

Наташа отвернулась и зябко передернула плечами:

— Пойдем отсюда.

Но теперь уже заинтересовался находкой менее впечатлительный Федя. Он осторожно разворошил острием посоха расплзающееся от легкого прикосновения прелое сукно.

— Пряжка! Видишь?

Федя поднял отвалившуюся от праха большую медную пряжку. Под толстым налетом зелени еле заметно проступал на ней отпечаток двуглавого царского орла.

— Где же это «жизнеописание»? — Федя нетерпеливо водил фонариком из стороны в сторону.

— Должно быть, где-то здесь, — предположила Наташа, — близко. Не мог же этот Олексий Иоаннович запрятать его далеко от надписи.

Случайно луч света задержался на большом выступе, над выбитым на стене текстом. Федя заметил там довольно большой серый камень.

— Есть! — воскликнул он.

— Что есть? — пожала плечами Наташа. — Как мог умирающий поднять такой каменище?

Доводы Наташи показались Феде убедительными. Но тут же их опровергла другая, не менее убедительная мысль. Если камень не был поднят человеком, то как он мог оказаться на краю наклонного выступа?

— Посвети мне. — Федя без лишних спо-

ров передал фонарик Наташе. — Стань так, чтобы луч не попадал мне в глаза.

Ловко цепляясь за ярко освещенные неровности в стене, вскарабкался он к выступу и крикнул:

— Отойди!

Наташа отбежала в сторону. Федя с силой пнул камень... и чуть не свалился сам. Рука его почти не встретила сопротивления. «Камечь» легко упал вниз и развалился. Это был большой ком давно истлевшей ветоши. Под ним лежали две медали и довольно толстый альбом в кожаном переплете. На первой странице его было выведено крупным четким почерком с затейливыми завитушками: «Прочтите о многих муках и кончине Олексія Іоаннова Сарыкина и помяните его мятущуюся душу! Прости, Господи, прегрешения мои тяжкіе, яко я всех прощаю!»

Разобрать написанное дальше Наташе не удалось. Влажные страницы альбома слиплись. Да и Федя настойчиво торопил ее вернуться к своим.

На этот раз Наташе пришлось уступить. Бережно отряхнула она с альбома пыль, кожаную труху от переплета и пошла за Федей...

Пока они ходили, в пещере все успели осмотреть.

Особенно бурную деятельность развил старый Каллуст. Из широкой щели, уходившей под стену, он вытащил три винтовки, покрытые старой закипевшей ржавчиной. Пока Прохор Петрович с Володей осматривали их и размышляли, как могли попасть сюда вин-

товки и сколько времени они тут пролежали, старый пастух принес сравнительно хорошо сохранившийся цинковый ящик с неровно оторванным верхом. В ящике лежали насыпью винтовочные патроны, покрытые густой зеленой окисью.

За старым Каллустом заглянул в щель и Васька. В глазах у мальчишки вспыхнули жадные огоньки. Он увидел сваленные в груду винтовки, охотничьи ружья, старинные берданки, штыки, ножи. Васька не задумывался над тем, как и откуда все это попало в пещеру. Усердно рылся он в сваленном в кучу оружии. Очень уж хотелось ему принести в поселок ружье, вычистить его. Пускай оно даже стрелять не будет. Все-таки ружье!

— Дорогой Д'Артаньян! — окликнул его Володя. — Мушкетеры были отважными воинами, но не кладоискателями. — Он отобрал у недовольно насупившегося Васьки изъеденный ржавчиной штуцер и насмешливо протянул: — Да-а! Редкая находка! Три килограмма ржавчины!

Осмотр пещеры пришлось закончить. Забираться в глубину ее, проверять все ответвления, оставляя вход и задержанных без надежной охраны, нельзя было. Сазонов оставался на воле. Вооруженный! Об этом Прохор Петрович не забывал ни на минуту. Да и выход из пещеры скоро закроет начавшийся прилив.

— Кончили все! — твердо заявил Прохор Петрович. — Пошли!

Опускаться узким и местами крутым гротом с неожиданными поворотами связанными

преступники не могли. Прохор Петрович развязал руки Барбосу и Немому. Потом он перехватил задержанных вокруг пояса арканом старого Каллуста. Намотав конец крепкого плетеного ремня на руку, он стал спускаться первым. За Барбосом и Немым шли Федя, Володя и Наташа. Последним выбрался из пещеры старый Каллуст — он задержался возле трупa Тола...

На берегу Прохор Петрович осмотрелся и сказал:

— Путаться по горам мы не станем. Пойдем в наш погост¹, напрямик, горами. Дома подумаем, как взять Сазонова. Посоветуемся с районом...

— Зачем думать? — горячо запротестовал вдруг старый Каллуст. — Поднять людей надо. Охотников взять. И схватить его. Нельзя, чтобы такой гулял на воле. Ему сидеть надо!

Глава тридцать первая

ПОГОСТ

Если б новоселов спросили, каким путем возвращались они с Дикого Берега, никто из них не сумел бы рассказать об этом толком.

Над морем поднимался туман. Еле приметные зыбкие полосы его ползли на берег, лощинами пробирались в глубь полуострова, ширились, густели, сливались в сплошные колышавшиеся наплывы. Поднимаясь выше, туман обволакивал склоны сопok. Белесые волны его настойчиво катились на юг, нагоняя одна другую. Вершины сопok и отдельные

¹ Погост — саамское поселение.

высокие скалы словно плыли по волнующемуся молочному морю, постепенно погружаясь в него все глубже и глубже. А над головами путников мягко светило странно белое солнце. Постепенно тускнея, оно скоро превратилось в четкий серебристый кружок. Туман окутал путников, заставил сократить шаг. Медленно клубился он, отливая неповторимым по богатству оттенков нежным перламутровым сиянием. Каждая частичка его ловила и по-своему отражала невидное в мареве могучее полярное солнце.

Прохор Петрович вел свою группу, избегая теснин и лесистых мест, где задержанные могли бежать или хотя бы оставить за собой заметные следы. Как он выбирал нужное направление в густом тумане — это оставалось для новоселов совершенно необъяснимым.

У Прохора Петровича были серьезные основания держаться осторожно. Очень уж ненадежным было вооружение его группы. Карабин, поврежденный пулей Барбоса, кольт с нелепо вздыбившейся ствольной накладкой в счет не шли. Какое это оружие! Не доверял Прохор Петрович и изъеденному темными раковинами нагану, отобранному у Немого...

Наташа с Васькой тоже шли не с пустыми руками. Девушка несла на плече «трезубец Посейдона». Мальчуган шагал с фанерной трубой. Прохор Петрович считал, что оставлять эти странные предметы в пещере нельзя; их надо показать знающим людям...

Подъемы в тумане на голые сопки утоми-

тельно чередовались со спусками. У Наташи появилось даже ощущение, будто они поднимаются на одну и ту же сопку и тут же спускаются с нее.

— Ничего! — утешил девушку Прохор Петрович. — Туман этот нестойкий. Еще часок-другой подержится и рассеется.

Прохор Петрович не ошибся. Скоро туман стал редеть, отступать в низины. Снова показалось на небе похожее на светлую монетку негреющее солнце. Серебристый кружок постепенно становился четче, ярче, вскоре уже нельзя было смотреть на него...

— Отдохнем, — сказал Прохор Петрович.

Спутники его охотно устроились на мягком мху. Сам же Прохор Петрович и старый Каллуст заняли удобные для наблюдения места. Отдыхая, они внимательно следили, не появится ли кто в быстро тающем тумане.

Только теперь Наташа смогла поделиться с Прохором Петровичем сомнениями, мучившими ее всю дорогу.

— А все-таки жаль, что мы не осмотрели пещеру как следует! — вздохнула она.

— Ничего! — успокоил ее Прохор Петрович. — Люди разберутся. Без нас разберутся.

Он заметил удивление на лице девушки и пояснил:

— Когда мы уходили с Федей с пастбища, я сказал своим пастухам так: «Если спустя сутки мы не воротимся, — передайте в район, что я ушел искать пропавших людей». Значит, в районе уже знают, что мы ищем вас. Наверно, уже послали за нами.

— А райцентр ведь далеко отсюда? — спросила Наташа.

— Не близко, — спокойно подтвердил Прохор Петрович. — Побольше ста километров будет.

— Как же пастухи передадут туда, что вы ушли на поиски?

— Сходит кто-нибудь в погост. Там есть телефон.

— Телефон? — удивилась Наташа. — В погосте?

— Если в русской деревне может быть телефон, почему ему не быть в саамском погосте? — вмешался в разговор более опытный Федя.

— У нас все есть, — охотно подтвердил Прохор Петрович. — Есть у нас радио, телефон, электричество. Было бы и пианино, да играть на нем некому. Легче, дочка, купить пианино, чем сыграть на нем.

— А вы пробовали играть на пианино? — спросила Наташа, сдерживая улыбку.

— Пробовал, — с такой же деланной серьезностью ответил Прохор Петрович. — Одним пальцем хорошо получается. А вот остальные девять мешают. — Он взглянул в широко раскрытые глаза Наташи и довольно засмеялся — шутка удалась.

— Хватит нам тут сидеть! — поспешил вручить ее Федя, вспомнив свои злоключения в кúваксе. — Вон и туман рассеялся.

Действительно, пока группа отдыхала, склон сопки очистился от тумана. Как бы преследуя отступающую серую пелену, спустился Прохор Петрович со своими спутниками

в неширокую ложину. В глубине ее сердито ворчал ручей, — словно боролся с туманом, то вырываясь из его мутных волн, то снова скрываясь под ними. Справа, в прогалине между сопками, открылось небольшое горное озерко. Ровная гладь его отражала ясное небо и тихо светилась, будто излучая из глубины еле приметное, мягкое сияние.

— Чудесное озеро! — невольно залюбовалась Наташа и подтолкнула Володю: — Смотри — чистое, чистое!

— Как может быть озеро нечистым? — откликнулся старый Каллуст. — Знаешь, что такое озеро? Это — глаза земли. Глаза нечистые не бывают.

— А я видел как-то грязное озеро, — вставил Володя. — Вода в нем черная. Как кофе!

— Бывает! — с неожиданной легкостью согласился с ним старый Каллуст. — Бывает и у человека плохой глаз: слепой или с бельмом. У земли много глаз. Очень много! Потому она все видит и все знает. Где живет олень — земля дает ягель. В ваших местах много коров, — земля родит для них вдосталь травы. Зимой земля отдыхает, и глаза ее закрываются, затягиваются льдом. — Пастух задумчиво пожевал губами. — У неба тоже есть глаза. Небо никогда не спит. Днем у него открыт большой глаз — солнце, а ночью маленький — луна. Большой глаз хорошо смотрит и всем помогает: человеку, зверю, каждому листку. Ночной глаз у неба тоже неплохой. Только с ленцой он. Три дня глядит хорошо. Потом помаленьку закрывается-закрывается... и засыпает. Поспит-поспит — и снова помалу

просыпается. Долго просыпается. Ленивый глаз...

Слушая неторопливый рассказ старого Каллуста, новоселы спустились в лощину и пошли вдоль шумного ручья. Потом незаметно вышли к Семужьей и облегченно вздохнули.

— Эддэм! — Старый Каллуст показал в сторону реки и пояснил по-русски: — Мост.

Несколько правее остановившихся путников через кипящую на камнях реку были переброшены узкие, в две доски, лавы с единственным поручнем из грубо окоренных тонких жердей.

— Оказывается, в тундре даже мосты есть? — удивилась Наташа, довольная неожиданным открытием.

— А ты думала! — в тон ей ответил Прохор Петрович. — Если б не лавы, как бы наши женки с ребятами пробирались на пастбище? Как доставить из-за реки в погост заготовленный на зиму ягель? Да и веттехнику, с его кухней, тоже надобно бывать в стаде.

Беседуя с девушкой, он краем глаза незаметно присматривал за Барбосом и Немым. Прохор Петрович не верил в смирение преступников, — трудно было предвидеть, на что они могут пойти.

Первым ступил на мягкие, пружинящие под ногами лавы старый Каллуст. Остальные растянулись за ним цепочкой. Последним оставил левый берег по-прежнему настороженный и внимательный Прохор Петрович.

Шли молча. Под ногами певуче гудели доски. Порой эти звуки заглушались шипением

воды, разбивающейся об устои лав, сделанные в виде козел.

Барбос, не меняя шага, достал из-за пазухи красный кисет. Придерживая его двумя пальцами, он старательно подравнивал узкую полоску газетной бумаги. Занятый ею, он оступился на вильнувшей под ногой доске и невольно схватился за поручень. Кисет выскользнул из его пальцев и упал в пенящуюся ледяную воду.

— А ч-черт!.. — Барбос огорченно сплюнул.

— Да-а! — хмуро поддержал его Немой. — Если не повезет, так и на санях колеса ломаются.

Он ухватился обеими руками за поручень и устоял в кипящую воду.

— Пойдем! — сказал Барбос и вздохнул. — Пропал табак! Тьфу!

— На-ка, мужик! — Немой протянул ему папиросу. — Покури моих.

Барбос посмотрел на папиросу и поморщился.

— «Огонек»! Сорок пять копеек пачка, — пренебрежительно бросил он. — Солома. У меня самосад был. Привозной. С Украины. Слезú вышибал.

Неторопливо прикурил он тонкую папиросу от поданной Немым спички и, попыхивая голубоватым дымком, зашагал дальше...

От дощатых лав по травянистому берегу вилась еле приметная стежка, огибая выпирающие из земли крупные округлые валуны.

Близость жилья взволновала усталых людей, заставила прибавить шагу.

...Первые дома — добротнo срубленные, а некоторые даже обшитые тесом показались новоселам очень знакомыми, похожими на среднерусские. Лишь на коньке крайней крыши, рядом с антенной, красовались накрепко приделанные великолепные олeньи рога.

— Чертей гоняют! — заметил Прохор Петрович, перехватив удивленный взгляд Наташи, и показал рукой на ветвистые рога с устремленными вперед острыми концами. — Не понимаешь? Черт бегаeт ногами по крышам и заглядывает в трубу. Он всегда спешит, а потому бегаeт очень быстро. В темноте черт не увидит рога, вскочит на крышу, напорeтся на острые концы и убежит.

— Безобидный черт, трусливый! — засмеялся Володя.

— Саамский! — значительно поднял широкие черные брови Прохор Петрович. — Свой! Вот Чан Рушла... Совсем другое дело.

И он выразительно повел головой в сторону старого Каллуста. Тот подошел было, чтобы принять участие в беседе, но, услышав о Чане Рушла, поспешно скрылся за спинами задержанных.

У окраины погоста первыми встретили людей собаки. Они сбежались из ближних домов и подняли звонкий, но беззлобный лай, извещая хозяев о появлении незнакомых людей. Впрочем, стоило Феде замahнуться посохом, как собаки метнулись от него врассыпную и с еще большим рвением принялись облаивать пришельцев уже издали. На шум, поднятый собаками, из ближнего дома вышел молодой парень.

— Прохору Петровичу! — крикнул он и кивнул остальным: — И вы здравствуйте.

— Здорово, Руслан! — ответил Прохор Петрович.

— Тебя тут начальники ждут, — поторопился сообщить новость Руслан. — Собирались искать тебя.

— Искать меня не надо, — улыбнулся Прохор Петрович. — Я сам пришел. И не один.

Он показал рукой на своих спутников.

Руслан с откровенным юношеским любопытством разглядывал новых людей.

— Какие же начальники меня ждут? — поинтересовался Прохор Петрович.

— Следователь. Да еще милиционер с ним, — ответил Руслан. — Все выпрашивали: «Куда ушел? Зачем? С кем?» А что мы знаем! — Он помолчал, присматриваясь к окруженным новоселами Барбосу и Немому. — Утром собирались за тобой идти. Охотников звали.

— Пожалуй, не нашли бы нас, — усмехнулся Прохор Петрович.

— Чего так? — удивился Руслан. — Неужто так далеко забрались?

— Не близко.

— Охотники нашли бы, — не уступал Руслан. — Зимой по месяцу и больше живут в тундре и не теряются.

— В тундре живут, а к Дурному месту не ходят, — не выдержал и простодушно похвастался старый Каллуст.

— Зачем ходить к Дурному месту? — удивился Руслан. — Там ни пастбища нет, ни зверя...

Прохор Петрович не хотел распространяться о том, где был и что делал, а потому круто повернул разговор.

— Знаете, где Прокофий? — обратился он к сбежавшимся откуда-то мальчишкам. — Милиционер?

— Знаем! — дружно ответили ребята.

— А ну, кто первым найдет его и скажет, чтобы он шел сюда?

Мальчишки коротко переглянулись, как бы оценивая силы соперников, и бегом припустили по широкой улице.

— А ты, Руслан, — обернулся к юноше Прохор Петрович, — помоги мне. Надобно гостей устроить. Одних на отдых. — Бригадир кивнул в сторону новоселов. — К хорошим людям. Других — в крепкий сарай. С большим замком. Но это гости Прокофия. Пускай уж о них сам подумает. — И он выразительно посмотрел на задержанных.

— Найдется крепкий сарай, — весело сообщил Руслан, обращаясь к Барбосу и Немому. — И замок найдется. Здоровый! Еще купеческий.

Он заметил идущего по улице в окружении шумной ватаги мальчишек милиционера и закричал:

— Прокофий! Сюда иди!

— Не кричи, — остановил его Прохор Петрович, — у него глаза есть. Мимо не пройдет.

Милиционер уже заметил ожидающих его людей. Прокофий Суфрин коротко и деловито сообщил Прохору Петровичу, что следователь Долгушин ездил в третье стадо колхоза «Полярное сияние». Надо было разобрать-

ся там, по чьей вине волки за весну зарезали около тридцати оленей. А утром из района сообщили, что Прохор Петрович ушел с каким-то парнем из Пушозера искать пропавших новоселов и не вернулся в срок. Из стада следователь заехал в правление колхоза «Дружба», чтобы разузнать, где Прохор Петрович, а если понадобится — организовать поиски пропавших.

Прохору Петровичу не хотелось продолжать этот разговор в присутствии задержанных. Узнав от Прокофия Суфрина, что следователь сейчас отдыхает, он сдал ему Барбоса с Немым:

— Устрой-ка их на квартиру, позаботься.

— Будь спокоен! — Прокофий перевел взгляд на задержанных. — Квартира будет подходящая. Где Прокофий Суфрин, там забота правильная.

Глава тридцать вторая

ТУПА

Прохор Петрович проводил взглядом милиционера и задержанных, затем обернулся к своим спутникам:

— Двоих я заберу к себе. У меня печь перекладывают — всех удобно не разместить. Остальных Руслан устроит на квартиру. А попутно зайдём к одному человеку. Вам не худо поглядеть на него. Такое чудо не увидите и в московском музее.

— Что же это за чудо-человек? — недоверчиво спросила усталая Наташа.

— Изот Африканыч Сорванов.

— Ваш родственник?

— Какой родственник! — недовольно отмахнулся Прохор Петрович. — В тундре Сорвановых!.. Где мох — там олени, где олени — там Сорвановы.

— Когда бог сотворил землю, — вмешался старый Каллуст, — стал он выдавать людям фамилии. Подходили к нему русские, немцы, англичане. И каждому бог выбирал фамилию. Подходящую! Потом устал господь. Пошли народы поменьше. А что с ними возиться? Бог уже давал фамилии какие попало. А как пришла очередь самого маленького народа, саамов, все хорошие фамилии кончились. Вытряхнул господь бог из мешка последнюю щепотку фамилий и сказал: «Хватит с вас и этого. Делите на всех». Вот почему, куда не пойдешь в тундру, — всюду Юрьевы, Сорвановы, Галкины.

— Кто тебе это рассказывал? — сухо спросил Прохор Петрович. — Поп или лавочник? Им надо было, чтоб такие, как ты, верили; что есть на земле народы первые и есть последние. Фамилий и то не нашлось для нас у бога.

— А почему тогда... — начал было старый Каллуст и осекся. Он увидел нахмуренное лицо бригадира, смущенно пробормотал что-то по-саамски и кивнул новоселам: — Пока до свиданьица. Отдыхать надо. — И зашагал по улице.

— Понимать надо, что говоришь, — бросил ему вслед по-русски Прохор Петрович. Сердитым взглядом он проследил за старым Каллустом, пока тот не скрылся в калитке.

Потом повернулся к новоселам: — Пойдемте. Сейчас увидите человека, которого обидел бог. Не фамилией. Хуже. Разумом обидел.

Остановились они у старой тупы — низкого бревенчатого домика с односкатной, почти плоской крышей и единственным маленьким окном. Нижние черные венцы его прогнулись и ушли в землю. Дряхлая тесовая крыша рассохлась, покоробилась. В досках местами чернели широкие, в два-три пальца, трещины. Зато за тупой стоял добротный бревенчатый сарай на четырех столбах почти в метр высотой, чтобы к запасам не подобралась тундровые грызуны — пеструшки.

Проход Петрович толкнул дверь тупы, и она взвизгнула, как от боли.

Следом за бригадиром вошли в тесное помещение и его молодые спутники. В лица им ударил нестерпимо тяжелый сладковатый запах оленя. В тупе им пропахло все — вещи, люди, даже стены. У низкого окна малыш лет пяти-шести старательно выколачивал на подоконнике огромную мозговую кость. Рядом с ним сидела на скамеечке старуха и шила липты — длинные чулки из оленьей шкуры, прикрывающие не только ноги, но и бедра. Женщина помоложе старательно делила высушенное хребтовое сухожилие оленя на тонкие пряди, а затем ловко катала их на своей щеке — сучила нитки. На протянутой через все помещение веревке сохли такие же широкие сухожилия и несколько шкурок пыжика. И как-то странно было видеть в тупе под фольговыми иконами швейную машину и включенный в штепсель утюг.

— Здравствуй, Изот Африканыч! — Прохор Петрович подошел к пожилому хозяину, невысокому и сухощавому, встретившему его не очень-то приветливо. — Окно у тебя все еще подушкой заткнуто?

— Чтоб не дуло, — спокойно пояснил хозяин.

— Темно же. С подушкой.

— Ничего. Нам света хватает.

— Даже зимой?

— Зимой окно не нужно. Живем с электричеством.

— Почернела твоя подушка, — не отступал Прохор Петрович. — С осени торчит в окне, вместо стекла.

— Ништо ей, — по-прежнему спокойно ответил Изот Африканыч, не приглашая гостей садиться. — Пускай торчит.

— Сгниет же!

— Сгниет — другую купим. Заработки у нас подходящие. Не жалуемся.

— И снова заткнешь дыру в окне?

— А что ж?.. С дырой жить?

В голосе Изота Африканыча все явственнее звучал вызов. Чувствовалось, что не впервые встречается он с Прохором Петровичем и ведет подобную беседу. За спором о злополучной подушке скрывалось что-то другое, более серьезное.

— Дочка твоя в техникуме учится в Кировске, — упрекнул хозяина Прохор Петрович. — А отец родной подушкой окно затыкает.

— Отец оленей пасет.

— Не ты один пасешь оленей, Изот Африканыч.

— Пасут по-разному, — с достоинством ответил хозяин. — Надо газеты читать, бригадир. Три раза хвалили меня в нашей газете. Да по радио тоже... хорошо помянули.

— Что ж ты думаешь, и дочка твоя так станет жить? В тупе? — продолжал Прохор Петрович, не отвечая ему.

— А что? — Вызывающе уперся руками в бока хозяин. — Живем в достатке. Не пригложнется дочке отцовская тупа, пускай живет, как сама понимает. А мы со старухой, внуком и снохой-вдовой по-своему жить будем.

— Грязно живете, Изот Африканыч! — поморщился Прохор Петрович. — Ой, грязно!

— Грязно, — согласился хозяин. — Зато не хвораем. А кто чисто живет — все время к доктору ездит. Оленей пасти таким некогда.

— Как же не хвораете? — возразил Прохор Петрович. — А это кто?

Он показал рукой в темный угол. Там за низким камельком, заменяющим в тупе печь, на старинной, кованой кузнецом кровати лежал больной. Глядя на тонкое бледное лицо с падающими на глаза мягкими волосами, четко выделяющееся на синей подушке, трудно было понять, юноша это или девушка.

— Это кто? — Прохор Петрович повысил голос. — Не больной?

— Он гнилой внутри, — по-прежнему невозмутимо объяснил Изот Африканыч. — Я здоровый. Жена, внучок, сноха — здоровые. А у него внутри все прогнило.

— Тебе дали направление в больницу. Почему не отвез парня?

— Все равно помирать ему, — упрямо мот-

нул головой Изот Африканыч. — Пускай на глазах кончается. В семье. С отцом-матерью. Не с чужими людьми.

Наташу передернуло от неосознанной жестокости отца. Как мог он сказать это в присутствии больного сына!

— Не хочешь лечить парня по-хорошему? — В голосе Прохора Петровича появились недобрые нотки. — Заставим!

— Опять учишь меня? — уже не скрывая своей неприязни к гостю, сказал хозяин. — Нет, Прохор Петрович, поучись ты у меня. Вот!.. — Он выхватил из рук молодой женщины золотистую жилую нитку. — Наша саамская нитка не гниет. Сто лет служит! Попробуй тоборки и малицу сшить лавочными нитками. Месяца не проходишь. Останешься босой и раздетый. Что гниет — сам бог крепким не сделает...

Слушая их, Наташа испытывала странное ощущение: будто она перенеслась в далекое прошлое, где не было привычно сложной и вместе с тем светлой жизни, что выражается в двух простых и всеобъемлющих словах — Советская власть. Прошлое ожило перед ней в живых людях, в вещах, даже в запахах. Оно вызывало у девушки противоречивые чувства — щемящую жалость и жгучую неприязнь. Здесь, в тупе, Наташа как бы обрела второе зрение. Стоя возле камелька, девушка необычайно остро, по-новому увидела то, что находилось за пределами тупы, что еще несколько минут назад казалось таким обычным, обязательным и неизменным...

— Прохор Петрович! — Не выдержала На-

таша. Девушка уже задыхалась от нестерпимого запаха оленя, от услышанного и увиденного в тупе. — Я подожду вас на улице.

Прохор Петрович не ответил ей. Глядя куда-то мимо лица хозяина, он жестко произнес:

— Если ты сегодня же не отправишь парня в больницу... Силой заставим. Найдем управу на тебя. Учти!

Он круто повернулся и, не прощаясь, не глядя даже на своих притихших спутников, быстро вышел из тупы.

На улице Прохор Петрович не выдержал. От спокойствия, с каким он разговаривал с Изотом Африканычем, не осталось и следа.

— Видали? — обернулся он к новоселам. — Один такой остался. На весь погост один! Я нарочно привел вас с собой. Думал, стыдно ему станет. Какое там!.. Стыдно! Он еще гордится: вот, мол, я какой, настоящий саам!

— Что же другие смотрят? — не выдержала Наташа. — Ведь есть правление колхоза...

— Правление! Все перевоспитывают Сорванова, убеждают... А парень уже с постели не встает. Говорил я председателю колхоза: «Надо забрать парня и отправить в больницу. Силой забрать. Загубит его отец». «Нельзя, — отвечает, — обижать человека. Надо по-хорошему. Убедить! Изот Африканыч один из лучших оленеводов. Молодежь учит. В газете о нем писали». В газете! — вспыхнул Прохор Петрович, вспомнив что-то обидное. — Больше года ни один газетчик сюда не приезжал. Зачем ехать? Поймай пастуха в районе — в магазине или на совещании. А потом пиши:

«Купил велосипед сыну, электрический утюг хозяйке. Дочка учится в техникуме». А вот что у него дома делается? Может ли сын сесть на велосипед? Где стоит электрический утюг?.. Этого газетчик не видел. Зачем видеть? Написал: «Культурно живут пастухи-оленоводы». И хватит. Раз махнул — всех остриг! Для такого Изот Африканыч, Степан и Яшка Юрьевы, Терентий Сорванов — все едино. Пастухи! — Прохор Петрович осуждающе ткнул пальцем в сторону отсутствующего газетчика. — Олени — и то не бывают одинаковые. Один годится в упряжку, другой нет. Тот хорошо ходит в грузовых нартах, а этого можно запрягать только в легкие. Пастухи не олени. Люди! Разные люди! Ой, какие разные! — Он тяжело перевел дыхание. — Доберусь я до них! Дождаться бы только осени, районной партийной конференции...

— Может надо помочь Изоту Африканычу постройться? — осторожно прервала Наташа разгорячившегося бригадира.

— Помочь? — Лицо Прохора Петровича стало неподвижным, жестким. — У них трое работают. Стараются. Ничего не скажу. За прошлый год почти две тысячи трудодней им записали. Деньгами только получили больше двадцати шести тысяч. Мяса около тонны. Молока да прочего... В колхозном стаде пасется тридцать личных оленей Изота Африканыча. Это же... дом пасется! Всего у него хватает. Одного недостает... — Он выразительно постучал себя пальцем по лбу.

— Ну, может не деньгами, — поправились Наташа. — Лесом, стройматериалами.

— Так-то мы каждому колхознику помогаем, — ответил немного успокоившийся Прохор Петрович. — Иначе откуда народ возьмет материал? Сами видели наши леса. Каждое бревнышко, досочку нам везут с юга. Вот и построился народ. И этот мог... — Он махнул рукой в сторону тупы и упрямо повторил: — Все равно заберу парня! Позвоню председателю исполкома райсовета. А потом, если доктор вылечит парнишку... ударит это по мозгам таких вот африканычей. А доктор говорит: можно вылечить, только не в тупе...

— Прохор Петрович! — окликнул его издали запыхавшийся Руслан. — Куда вы девались? Весь погост обегал...

— Может, нас устроят в сарае? — несмело предложила Наташа. После увиденного в тупе ей уже не хотелось отдыхать в жилом доме. — Неловко беспокоить людей. И потом... тепло на улице.

Прохор Петрович понял девушку.

— Думаешь, ты видела жилье саама? — сказал он, желая развеять обидные для него опасения Наташи. — Нет. Ты ходила в живой музей. Таких тупи осталось на всю область не больше десятка. И то только потому, что африканычи не желают жить по-человечески. Но ничего, — и тупы ломаем, и африканычей!

Глава тридцать третья

ТРЕВОГА

Друзья решили не расставаться. Хоть и устали они, но прежде всего хотелось поделиться пережитым за минувшие дни, распро-

силь друг друга. Как ни уверял их Прохор Петрович, что в доме, где найдется четыре кровати, будет слишком людно, шумно — какой же это отдых! — новоселы настойчиво просили устроить их вместе. Как угодно устроить, лишь бы вместе. Пришлось Руслану отвести гостей в один дом.

— Колхоз наш называется «Дружба», — словоохотливо рассказывал он по дороге. — Почему «Дружба?» Потому что живут в нем саамы, ижемцы, русские и ненцы. Дружно живут. Потому и «Дружба». Саамов вы видели. Отдыхать будете у ижемцев. Завтра сходим к ненцам. Только разницы нет никакой. Живут все одинаково. Хорошо живут. А прежде, старики рассказывают, у саамов олешек было мало. Наши больше батрачили у богатеев-ижемцев. Как батрачили? Придет, бывало, батрак-саам наниматься в пастухи к богатому ижемцу. Оба неграмотные. Влезут они на скалу. Хозяин говорит: «Видишь: тут пасется много оленей? Будущей весной сдашь мне еще больше. За службу я заплачу тебе деньгами и оленями». Проходит год. Опять приходят хозяин и пастух на ту же скалу. Хозяин говорит: «Ой, пастух! Нисколько оленей не прибавилось. Не стану я платить тебе за плохую службу». Пастух, конечно, спорит. А что может он доказать? Оленей-то никто не считал!..

Остановился Руслан у небольшого дома под веселой зеленой крышей. Внешний вид дома вызывал доверие к его владельцам. Да и внутри оказалось не хуже. Порадовала усталых новоселов просторная, в три окна,

светлая комната. Пол, стены и потолок ее, выкрашенные масляной краской — коричневой, светло-синей и белой — были вымыты до блеска. Возле окон на низких, грубовато сложенных подставках стояли цветы в отслуживших свой век кастрюлях и ушатах. Почетное место, под иконами, занимали радиоприемник и горящий в косых лучах вечернего солнца никелированный самовар. В открытую дверь виднелась вторая комната, поменьше. Наташа заметила там кровать с горкой пышно взбитых подушек, застланную голубым в белых узорах покрывалом.

— Чисто у вас! — невольно вырвалось у девушки, все еще не освободившейся от гнетущего впечатления, оставшегося после посещения тупы. — Очень чисто!

— Как не чисто! — согласилась хозяйка. — Муж и старший сын олешек пасут в тундре. По месяцу и больше живут в чуме или кúваксе. Надоест там дым да грязь. Зато дома отдыхают в чистоте и в тепле.

Невысокая и широкая в плечах, с округлыми крепкими руками и гладко зачесанными назад темно-русыми волосами, она проворно и бесшумно двигалась в узорчатых тоборках, отделанных кумачовыми полосками. Постелила на полу несколько пушистых оленьих шкур. Ваське устроила постель на неостывшей еще после утренней топки лежанке. Но опоздала: мальчуган присел на шкуры и, сам того не замечая, повалился на них и заснул, широко размахивая руки и ноги.

Руслан скромно стоял у притоки и не отводил черных блестящих глаз от гостей.

Очень хотелось ему побеседовать с новыми людьми. Расспросить о Москве, о России... Но хозяйка, приготовив нехитрые постели, сказала:

— Ложитесь. Отдыхайте. Никто вам мешать не будет. — Она выразительно посмотрела на провожатого.

Руслан с сожалением натянул кепку и кивнул гостям:

— Пока до свиданья. Еще увидимся...

Володя с Федей сняли лыжные куртки, подвинули Васькины руки и ноги — податливые, словно тряпичные, легли на мягкие шкуры и сразу заснули.

Наташу хозяйка устроила в комнате поменьше, на кровати с пышно взбитыми подушками в цветастых ярких наволочках.

Перед тем как лечь в постель, Наташа прошла в сени, с удовольствием умылась под рукомойником. Несмотря на усталость, девушка не устояла перед соблазном — осмотрела развешанную в сенях зимнюю одежду. Понравились ей малицы, сшитые мехом внутрь и покрытые снаружи сатином. Зимние совики шились уже мехом вверх и надевались только в сильную стужу, поверх малицы. Тут же висели липты, зимние тоборки из шкурок, снятых с ног оленя, и грузные пимы все из того же оленьего меха. Отправляясь в дальнюю зимнюю дорогу, пимы надевают поверх тоборк и липтов. Тогда уже можно спокойно спать на снегу в любой, даже самый крепкий мороз.

Наташа вернулась в комнату. Не спеша причесалась. Двое суток она почти не загля-

дивала в зеркало. Зато сейчас девушка долго всматривалась в свое отражение. На лице ее появилось довольное и вместе с тем удивленное выражение, словно она увидела хорошего человека, с которым давно не приходилось встречаться.

Насмотрелась Наташа на себя и присела на кровать. Разулась.

Низкие лучи вечернего солнца расписали синюю стену мягкими золотистыми узорами, били в лицо девушки. Наташа зажмурилась и поднялась с постели. Достала из рюкзака альбом, найденный в пещере, положила его на стул рядом с кроватью. И снова в глаза ударило солнце.

— «Нет, — подумала Наташа. — Так не уснешь».

Ощущая под натруженными босыми ступнями приятный холодок крашеного пола, подошла к окну. Задергивая занавеску, девушка невольно засмотрелась на играющих возле дома ребят. И вдруг Наташа изменилась в лице и отпрянула от окна. По улице неторопливым шагом прошел человек. Лица его Наташа не разглядела — помешали опущенные уши шапки прохожего. Зато, когда тот задержался, расспрашивая о чем-то ребят, девушка отчетливо увидела хорошо знакомую спину — широкую, покатуую, с приподнятыми сильными плечами и чуть расставленными локтями, будто человек собирался прыгнуть. Запомнились почему-то и серые в темную полоску брюки прохожего.

— Сазонов! — воскликнула Наташа.

Девушка накинула лыжную куртку, на-

скоро обулась и выбежала в соседнюю комнату.

— Ребята!...

Взгляд ее безнадежно скользнул по спящему Феде и остановился на Володе.

— Вставай! — тормошила его Наташа. — Сазонов здесь. Слышишь?

Володя раскрыл большие удивленные глаза и сонно спросил:

— Кого?

— Сазонов здесь. Са-зо-нов! — теребила его Наташа. — Понимаешь?

Едва лишь до сознания Володи дошло это имя, как он проснулся окончательно. Будить Федю не имело смысла. Слишком дорога каждая секунда. Володя схватился за одежду.

Наташа еле дождалась, пока он оделся и обулся. Девушка первой выбежала в сени, плечом распахнула тугую дверь... и попятилась. Навстречу ей с нарастающим грозным рычанием приближался громадный пес — белый, косматый, с черным пятном на спине.

Наташа захлопнула дверь, растерянно оглянулась на Володю:

— Что делать?

— Пусти-ка!..

Володя взял свой дорожный посох и, отстранив Наташу от двери, смело вышел на крыльцо. Белый пес длинным волчьим прыжком бросился к нему. Володя невольно взмахнул посохом. Пес с неожиданной легкостью взвился вверх и одним ударом челюстей, как стальными щипцами, перекусил крепкое бамбуковое древко. Володя юркнул в сени и за-

хлопнул за собой дверь. Пес прыгнул на дверь и закружился на крыльце. Ему подвернулся обломок посоха, — не прошло и минуты, как от бамбукового древка остались лишь мелкие щепки да стальной наконечник...

— А ты не обозналась? — спросил, тяжело дыша, Володя. — Подумай.

— Нет, — твердо ответила Наташа. — Это был Сазонов.

— Как он был одет?

— Шапка-ушанка, серые брюки...

— Ошиблась, — перебил ее Володя. — На Сазонове были черные брюки и фуражка...

— Приросли к нему черные брюки, что ли? — вспыхнула Наташа. — Глуп он, по-твоему, чтобы разгуливать сейчас в милицейской фуражке? — И, не давая возразить себе, она настойчиво повторила: — Я не могла ошибиться, не могла!

— Но ты же не видела его лица?

— Неважно! Откуда у него шапка-ушанка и другой костюм — я тоже не знаю. Но спину его всегда узнаю, в любой толпе.

Убежденность Наташи подействовала на Володю. Надо было как-то прорваться на улицу. Стараясь ступать бесшумно, подошел он к двери. Собака услышала со двора шорох шагов, вскочила на крыльцо и залилась басистым гулким лаем.

— Вот чумовой пес! — Володя смущенно оглянулся на Наташу. — Брешет и брешет!

— Если б он только брехал... — огорченно заметила Наташа.

Помощь пришла неожиданно. Девчушка

лет семи в узорчатом байковом платье вошла на лай в калитку и закричала на собаку:

— Ооуз!

Потом деловито ухватила пса за ошейник и повела его в сарай. Девочка с трудом задвинула тяжелый деревянный засов и обернулась. Наташа с Володей быстро спустились с крыльца.

Не успела девчушка спросить, скоро ли вернутся гости, как они скрылись за калиткой. Девочка стояла во дворе, не понимая, что случилось с гостями и почему они выбежали на улицу с такими лицами, будто дом горел.

Наташа с Володей бегом миновали растянувшийся погост и остановились за последним его домом. Вдалеке на дороге они увидели одинокого путника.

— Это он! — На лбу у Наташи знакомо надломилась острая морщинка. — Сазонов.

Но в голосе девушки уже не было прежней уверенности. Лишь теперь у нее появились сомнения. Зачем Сазонов пойдет через погост, зная, что местные жители ищут его? Да и что делать ему в райцентре, удаленном от железной дороги на сто с лишним километров? Наташа вспомнила о своем уставшем товарище. Могла ли она поднимать его, лишая отдыха только ради того, чтобы проверить свои весьма шаткие подозрения? Лица то прохожего она не видела! Только спину... А серые брюки? На ком же она видела такие? Быть может, на Руслане? Только не на Сазонове...

— Пойдем, Володя, — вздохнула Наташа. — Я, кажется, ошиблась.

— Так я и думал! — Володя поправил очки и назидательно поднял палец: — Запомни, кстати: излишняя бдительность — враг здорового сна. Пойдем.

Возвращались они уже неспеша. На крыльце их терпеливо ждала девчушка в байковом платье. Она увидела возвращающихся гостей, спустилась с крыльца и спросила:

— Вы еще будете бегать по улице?

— Нет, — ответил Володя за себя и Наташу. — Не будем. Отбегались.

И прошел в комнату первым. Сбросил сапоги. Подвинул разметавшегося во сне Баську, привалился к теплomu мальчишке и заснул.

Наташа вернулась к не смятой еще постели. Разулась. Сбросила лыжную куртку. Легла. Закрыла глаза...

Долго старалась она заснуть. Ворочалась с боку на бок, устраиваясь поудобнее. А из головы упорно не выходила назойливая мысль: «Надо было все же догнать, проверить. Вдруг это все-таки был Сазонов?»...

Глава тридцать четвертая

ОШИБКА НАТАШИ

Так и не удалось Наташе развеять беспокойные мысли. Смутное ощущение допущенной ошибки гнало сон. Чувство близкой опасности не оставляло девушку. Чтобы отвлечься от тревожных дум, она взяла альбом — дневник Сарыкина. Осторожно просунула карандаш между слипшимися листами и, слегка вращая его, стала разъединять их.

Разобрать что-либо на первых страницах Наташе не удалось. Чернила выцвели, и блеклые ржавые строчки еле заметно выделялись на пожелтевшей бумаге, покрытой бурыми пятнами. Дальше они стали более четкими.

Наташа устроилась уютно, по-домашнему — забралась в постель, оперлась подбородком на ладонь и стала разбирать строчки, написанные твердым крупным почерком с лихими завитушками. Затрудняло чтение старое правописание. Наташа спотыкалась о незнакомые буквы «ять» и «и с точкой». И тем не менее скоро она уже не могла оторваться от альбома. Забытыми оказались и сон и усталось, даже Сазонов...

«... Доселе не могу опамятоваться. Что произошло на побережье? Двенадцать дней искали мы в тундре злоумышленников. Взяли их с превеликим трудом и опасностью. Вывели к погосту, где нас должны были ждать свои. И тут нас встретили беглым огнем...

...Боже мой! За что такая кара? Затравленный вырвавшимся на волю псами, загнанный на Дикий Берег, чудом ушел я от верной гибели. Спасти удалось всего троим: мне, Ферапонту Михеичу да Димитрию Огурцову. Спасла нас чудом открывшаяся в самый отлив пещера. Истинно тайница! Ни человек, ни зверь не найдут в нее входа. Но и жить в ней, не исполняя долга своего, — уподобишься зверю в логове.

...марта. Ходили в разведку. В погост не вошли. Издали видели там вооруженных людей. Один в бушлате. Димитрий приметил у него на шапке большевистскую звезду.

Вернулись, впрочем, благополучно. В пути добыли из стада оленя. Пастухи не видели.

31 марта. Вторую неделю сидим взаперти. Волны укрыли нас от мира и мир от нас. Хоть и не так велик ветер, а не выйти из нашей тайницы. Что творится на грешной земле? Остаемся в полном и тягостном неведении. Отдохнули мы от тяжелых испытаний телом. Но душа мятется против несправедливости, злой судьбы...

14 апреля. Нас ищут. Вчера Ферапонт Михеич и Димитрий приметили на взгорбке двоих красных. С оружием. Обоих прибрал Ферапонт Михеич. Истинно солдатский глаз. Одному попал повыше брови. Второй бежал и получил пулю в спину. Добил его прикладом Митька. Оставить их на горе было нельзя. Навязали покойникам камни. Отпели их, как сумели, и сбросили в море. Господи! Прими в Царствие Небесное души заблудших овец Твоих!

...Ферапонту Михеичу за преданность и верную службу не фельдфебелем быть в тюремной охране, а на моей должности — урядником в хорошем месте. Так я ему и сказал. Порадовал служаку...

22 апреля. Пришли еще трое. Верно, искали тех, кто уже успокоился в море. Ферапонт Михеич допустил их до самого берега и тут, меж утесами, положил их тремя пулями. Трупы сбыли в воду. С камнями со дна морского не поднимутся и новых к нам не приведут. Хватит там нечисти морской, чтобы разделиться с нечистью земной, дерзнувшей поднять руку на мирное наше житие...

24 апреля. Достоинно удивления письмо, что нашел я в кармане одного из казенных Ферапонтом Михеичем. Дерзновенное письмо и непонятное. Пишут в нем о каких-то победах большевиков на Мурмане. Поминают Совдепию¹. И вовсе непонятно другое. На конверте штемпеля: вологодский и мурманский. Как могло попасть письмо из Вологды в Мурманск? Чего смотрят союзники и наши власти? Об раздумьи своем молчу и терзаюсь тайно...

6 мая. Пришлось потрудиться всем трем. Шестерых инородцев прибрали. Лопари или самоеды — не разобрали толком. Били издали, с трех укрытых позиций, дабы некуда было инородцам скрыться. Двое имели ружья, но худые (пистонки) и ущерба нам не причинили. Взяли у них сухарей запас и муки порядочно. Это хорошо. А то вовсе приходилось жаться с каждым куском сухаря...

10 мая. Четвертый день читаю куски газет, найденные у инородцев. Читаю и дивлюсь выше всякой возможности. Пишут в них о мурманском Совдепе, поносят законные власти и особенно наше ведомство. Поминали и нас, побитых в тундре. Пишут так: никто из карателей не ушел от суда народа. Это хорошо. Значит, не знают большевики, что мы живы. Выходит, что и не искали нас вовсе. Таю страшное сомнение: а есть ли на Мурмане законные власти?..

26 мая. Давно не писал ничего. Не могу. Душа мятется. От пещеры, моря, пищи дур-

¹ Так белогвардейцы называли Советскую Россию.

ной. Сидим вроде псов в яме. Грыземся. Вчера Ферапонт Михеич прибил прикладом Димитрия. Заподозрил в нем плохой умысел. Сказал: «Врешь. Не вернешься ты к людям, покамест живы большевики». Митька плакал...

3 июня. Димитрий отказался стрелять в ходившего по берегу лопаря с арканом. Говорил о милосердии. Надобно присмотреть за ним. Не умыслил бы противное. О милосердии и мы понимаем, да время-то какое! Лопаря пришлось прибрать мне. Сам же проводил его на дно.

9 июня. Взяли троих с дорой¹. Приехали к птичьему базару обирать пух — и сами остались без перьев. Допрашивал их Ферапонт Михеич. Вести страшные. Предали нас союзники. Ушли с Мурмана и бросили нас на поток. Отпевал взятых с доры Ферапонт Михеич. Ночью не спал я. Не верю, не верю и снова не верю! Еще неделя, другая, от силы месяц — и рухнет большевистский содом, рассыплется в прах. Дождемся и мы своего светлого дня...

12 июня. Вторую ночь не спим с Ферапонтом Михеичем. Слушаем Димитрия. Бормочет ночами он. Схватывается. Разве заснешь с таким? И отпустить его с глаз нельзя. Не напрасно бил его Ферапонт Михеич...

18 июня. Пришлось Димитрия Огурцова порешить. Столкнул его в море Ферапонт Михеич. Митька цеплялся за камень, просил не кончать его, обещал служить преданно, как

¹ Д о р а — небольшое рыболовное судно.

и прежде, без рассуждений. Ферапонт Михеич сказал: «Все там будем, Дмитрий. Отходи с миром». И ударил его прикладом. На сказанное мной: «Отпеть бы надо Димитрия», Ферапонт Михеич ответил непотребными словами...

Июль. День непонятно какой. Снова томил нас в темнице яркий шторм. Не знаю, как мы выдержали его и сколько он был. Сбились с исчисления дней. Хорошо Димитрия покойного с нами не было. Без него легче.

Спустя шесть дней. Сняли вчера охотника. Живым не дался. Располагали мы узнать от него число — и не пришлось.

Примерно неделю спустя. Ферапонта Михеича бьет злая цынга. Спит он вполглаза. Наган из руки не выпускает. Обидное недоверие. Надобно лучше приглядывать за ним. Как бы не умыслил против меня худое. Для него чужая жизнь — пустяк. Хорошо бы отобрать наган у него. Зачем он больному?

Число и месяц неизвестны. Ходил в мокрую низину искать дикий лук. Попутно взял у пастухов хлеба и муки. Чум сжег. Пускай думают, что в пожаре сгинули. Инородцы не разберут.

Либо август, либо сентябрь. Ферапонт Михеич не поднимается с подстилки вовсе. Вчера грозился на меня, кричал: «Я все понял, все вижу». Опасный человек. Спим в разных концах пещеры. Он — возле самого входа, я — в верхней малой пещерке. Ферапонт Михеич ко мне не взберется. Сил не хва-

тит. И пульей не достанет снизу. Место мое укрытое.

Наверно, сентябрь. К Ферапонту Михеичу не подойти. Ночью он дважды стрелял и кричал. Мнилось ему, будто я близко. Господи! Будет ли конец тяжким испытаниям?

Месяц непонятен. Пропадает Ферапонт Михеич! Какой достойный человек и во что он обратился! Наган по-прежнему из руки не выпускает. Пройти мимо него к выходу нельзя. Смерть для такого будет великой господней милостью...»

Чем дальше читала Наташа дневник, тем тяжелее становилось ей. Сарыкин раскрывался в нем все откровеннее. Словно от крови разбухли слипшиеся страницы. О крови напоминали и рыжие чернила и пятна. С каждой новой строкой все отчетливее вырисовывался страшный облик озверевшего существа, потерявшего все человеческое: веру в будущее, цель в жизни, надежду. Их сменили первобытные инстинкты самосохранения и убийства. Впрочем, убивал он даже не ради самосохранения, ибо гибель надвигалась на него неотвратно. Убивал он только потому, что уменье наводить винтовку и спускать курок было последнее, что осталось в нем от человека. И он пользовался своим уменьем со звериной хитростью, оставаясь невидимым для чужого глаза и сплавляя тела убитых в море. Изумительна была живучесть этого человека-зверя. Смог же он выдержать чудовищное одиночество в пещере!

Так вот почему боялся старый Каллуст идти на Дикий Берег!..

Прочитанное потрясло Наташу. Она не могла сейчас спокойно отдыхать и ждать дальнейшего развития событий. Ощущение совершенной ошибки все усиливалось. Перед глазами у нее стоял новый хозяин пещеры. Сазонов был опаснее того, звероподобного. Страшнее Сазонов был уже потому, что тот, одичавший Олексий Сарыкин давно истлел и ничего, кроме ненависти и омерзения, не вызывал, а Сазонов жил и действовал. Он умел приятно улыбаться, мог сердечно поговорить с человеком, пошутить с ним, расположить к себе. Свое духовное одичание Сазонов мастерски прятал под маской честного, неподкупного служаки, прикрывал хорошими чужими словами, фальшивой искренностью. Страшный человек! И если Сарыкин был силен своим животным умением скрываться от людей, то Сазонов не боялся людей. Он общался с ними, жил в их среде. И от этого хищник становился еще опаснее...

Наташа рывком поднялась с постели. Сбросила голые ноги с высокой кровати. Она вспомнила, где видела серые в черную полоску брюки. В пещере! В нише, где хранилось продовольствие и запасная одежда. Значит, Сазонов видел, как они вышли из пещеры, вернулся туда, переоделся и отправился за ними по пятам к погосту!..

Наташа быстро оделась. Постучала в окно. Девчушка убрала со двора собаку.

— Где следователь с милиционером? — спросила у нее Наташа и, заметив недоумение на ее лице, пояснила: — Где начальники из района?

— В клубе, — ответила девочка. — И разбойников туда повели. Хочешь поглядеть на них? Не ходи. Прогонят. Нас уже прогнали...

Наташа и сама не помнила, что ответила девочке. Она спешила к обшиту тесом большому дому с выцветшим кумачовым флагом на невысоком шпиле.

В длинном и узком коридоре Наташу остановил Прокофий Суфрин.

— Вам кого? — спросил он и ловко козырнул, щеголяя армейской выправкой.

— Мне к следователю.

— Товарищ Долгушин занят, — ответил Суфрин. — Попрошу вас подождать.

— Мне надо сейчас! — настаивала Наташа. — Немедленно!

Суфрин взглянул в разгоряченное лицо просительницы с волевыми, надломленными уголком бровями.

— Ничего не могу сделать... Приказание такое. Придется вам обождать, — сухо повторил он.

Настойчивость не помогла. Наташа села на подоконник и прижалась горячей щекой к прохладному стеклу.

Глава тридцать пятая

ДОПРОС

На все вопросы следователя Немой, тупо уставясь в пол, отвечал одно и то же: «Не знаю. Не видел». Из его скупых ответов Долгушин сделал вывод: Немой не впервые встречался со следователем и знал, что показания можно впоследствии изменить, а потому ре-

шил пока отмалчиваться и послушать, многое ли знают о нем.

Совсем иначе держался с Долгушиным Барбос.

— Что зря время тянуть! — ответил он на первый же вопрос следователя. — Натворили чудес!

По словам Барбоса, все произошло с ним потому, что ему надоела жизнь в лесу.

— Разве мы не пилили? — рассказывал он с какой-то отчаянной искренностью в голосе. — Пилили так!.. Рубаха не просыхала от пота. А толку? Какой тут лес? Палки! Тягаешь пилу, тягаешь, а заработки? Извольте вот... — И, словно требуя сочувствия к своей нелегкой жизни, решительным жестом указал на лежавшую перед следователем расчетную книжку. — Какой это заработок? Полярный к тому же! Обида одна. Вот она-то, обида, и привела меня на Семужью.

Рассказ преступника лился легко. (Придуман он был задолго до встречи со следователем). Захотелось Барбосу более интересного, а главное — прибыльного занятия. Сошелся он с Сазоновым и Петровым. Ловили семгу в заповеднике. Куда сбывали? Возили со случайными машинами на станцию. Сдавали рыбу железнодорожникам, а то и в буфеты проходящих поездов. По четвертной за килограмм с руками отрывали. Деньги верные, и в поселке подозрений никаких...

Поведал Барбос и о своих переживаниях по пути к Дикому Берегу. А когда он помянул о поведении Наташи, в его голосе зазвучало неподдельное уважение.

— ...Хочешь ее припугнуть, а она, дьявол, как шарахнет словечком. По ушам! Веришь — нет, мне этот ржазый пистолет руки жег.

— Но вы же его так и не выпустили из рук? — вставил Долгушин. — Этот... ржавый пистолет?

— Не выпустил. Точно. А теперь сами скажите, куда я мог его девать? Куда? Выбросить? — продолжал он с какой-то страстной убежденностью. — Спросили б у меня сегодня: где пистолет? Ответил бы я: забросил в море. А вы записали бы в протоколе: скрыл оружие. Не поверили б, что пистолет-то был калека.

— Возможно, — сдержанно ответил Долгушин. — Возможно...

До поры до времени он избегал задавать вопросы, которые могли бы насторожить допрашиваемого. Обличающих фактов у следователя было мало. Признания преступника, не подкрепленные уликами, на суде стоят немного: откажется он в процессе судебного разбирательства от своих показаний — и обвинение рассыплется прахом. В результате — «следовательский брак». Вот почему Долгушин не спросил даже, почему преступники захватили новоселов и увели их на Дикий Берег.

Заговорил об этом сам Барбос. Зачем «малыши» впутались не в свое дело? Сазонов хотел силой увести их подальше от Семужьей и направить в поселок. Ну, а как прыгнул парень в пропасть... растерялись все. Думали — расшибся. Тогда Сазонов и предложил отвести захваченных новоселов в свое подводное убежище — в пещеру. Если б дело оберну-

лось плохо — оказались бы новоселы в положении сообщников. Народ они в поселке новый. Обычно приезжие, особенно молодежь, первым делом бросаются на семгу. Тогда и показания сбежавшего парня (если б он спасся) выглядели бы, как оговор обиженного сообщника.

«Но ведь ты уже попался, — отметил про себя Долгушин. — Однако ничего доказывать не собираешься. Наоборот, очень уж легко признаешь все свои провинности».

Долгушин помнил предупреждение старших товарищей: «сомнения следователя к делу не подколешь», а потому дал Барбосу выговориться и приказал Суфрину ввести в комнату Немого для очной ставки.

— Раскололся! — злобно бросил Немой, услышав признания Барбоса.

— А чего филонить? — легко, с какой-то подкупающей грустинкой в голосе ответил Барбос. — Попали? Надо рубить концы. При окончательном расчете учтут чистосердечное раскаяние. Отломают на годик меньше... и хорошо.

— А милицейские фуражки? — спросил Долгушин. — Оружие? Это тоже было необходимо для хищения семги?

— Фуражки? — Барбос уставился на следователя своими неживыми глазами, словно удивляясь его непонятливости. — Так это же для уважения. Увидит нас кто в милицейских фуражках — и никакого подозрения. Все законно!

— А оружие? — напомнил Долгушин. — Тоже для уважения?

— Какое это оружие, товарищ начальник! Видимость, а не оружие. Для формы только и таскали его. Сколько лет пролежало оно в пещере. Пистолет... раковина на раковине. Выстрелить из него боязно было.

— Но все же это пистолет, — постепенно переходил в наступление следователь. — Он стрелял!

— Стрелял! — Барбос развел руками и обернулся к Немому и Суфрину, словно призывая их в свидетели творящейся несправедливости. — С первого выстрела разнесло его. Вы же видите, что осталось от пистолета!

— В кого вы стреляли? — продолжал вести свою линию Долгушин, не отвечая на вопрос Барбоса.

— В воздух. В воздух выстрелил! Для остротки. Сидеть-то в лагере никому не хочется.

Барбос с приоткрытым огромным ртом и глубоко запавшими пустыми глазами выглядел простоватым. Но кто знал, что таилось за этой внешней простоватостью. Долгушин был молод. Меньше года работал он следователем. Но и ему приходилось видеть — и особенно слышать — от более опытных товарищей о преступниках, которые подобно умелым актерам неделями играли придуманную заранее роль, пока не удавалось уличить их и припереть к стене.

Долгушин отпустил Барбоса и Немого, когда ночные тени от домов и изгородей значительно укоротились.

Первый допрос не оставил у Долгушина цельного впечатления. Следователь устало облокотился на стол и запустил обе руки в длин-

ные светлые волосы. Не хотелось даже, против обыкновения, перелистать протоколы. Особенно удивляло Долгушина, что Барбос и Немой не договорились об общей линии поведения на допросе. Каждый из них держался со следователем по-своему, хотя в пути они могли без труда сговориться. Взяли их люди неопытные. Немало промахов допустили они при личном обыске, осмотре пещеры и в пути к погосту.

Но Долгушин не знал, что всю дорогу от Дикого Берега и до самого погоста Наташа и Володя держались возле Барбоса и Немого, следили за каждым движением преступников так же зорко, как совсем недавно сам Барбос не спускал с них глаз. Да и в погосте Прокофий Суфрин, как и обещал, «проявил заботу» и предусмотрительно посадил задержанных в разные сараи — не дал им сговориться.

Долгушин взял авторучку и в конце протокола четко вывел:

«Осмотреть место преступления и допросить там обвиняемых повторно»...

Не успел он закончить фразу, как в дверь постучали. Стучали настойчиво, даже требовательно.

Долгушин поднялся, недоумевая, кто мог явиться к нему без вызова в предутренний час.

— Войдите, — пригласил он.

Вошла Наташа. По усталому лицу девушки видно было, что привело ее к следователю серьезное дело. Не ожидая вопросов, она рассказала о появлении в погосте человека, похожего на Сазонова.

— Напрасно вы не проверили, кто это! — сказал Долгушин. — Надо было сразу ко мне прийти.

— Я пришла, — ответила Наташа, — правда, с опозданием. Меня не пропустил к вам милиционер. Я ждала в коридоре. Даже выспаться успела. На подоконнике.

Долгушин неловко замялся. Он сам строго-настрого приказал Суфрину никого не пропускать к нему, пока не кончится допрос. Жители погоста любили потолковать с новым человеком, особенно с «начальником». Они считали, что «начальник» должен знать все: будет ли запрещена атомная бомба, привезут ли в магазин инкубаторных цыплят, почему не хватает кровельного материала и многое другое. Мог кто-либо из них, несмотря на позднее время, забежать на огонек в клуб. А выпроводить самолюбивого и обидчивого саама или ненца нелегко. Допрос затянулся. Давно уже минуло время, когда кто-нибудь мог зайти в клуб. Но исполнительный Суфрин так и не впустил Наташу к следователю, пока тот не приказал увести задержанных...

Долгушин подавил невольное смущение и стал расспрашивать девушку обо всем, что произошло с ней за последние двое суток. Из ответов Наташи он понял, что главарем преступной компании был Сазонов. Но непонятным оставалось другое. Шайка провалилась. Почему же Сазонов не исчез, а появился здесь? Правда, от погоста шла дорога к райцентру, от которой ответвлялась тропа на Пушозеро. Но если Сазонов уверенно ходил к Дикому Берегу, так сумел бы он обойти

стороной и погост. И, наконец, Сазонов не мог не понимать, что ничего хорошего не ждет его ни в райцентре, ни в Пушозере.

Нет! Сазонов спешил не в райцентр и не в поселок. Он шел по следам своих задержанных сообщников. Но зачем? Из допроса Барбоса и Немого Долгушин понял, что ничто не связывало их с Сазоновым, если не считать общего «дела». Следовательно, даже арест не оборвал какой-то очень важной, крепкой и пока еще неизвестной Долгушину веревочки. Что за веревочка? Хищнический лов семги? Это была явная «легенда»¹. Но крепка должна быть веревочка, связывающая преступников, если Сазонов рискует идти по следам задержанных сообщников...

Думая об этом, Долгушин продолжал беседовать с Наташей. Старательно припоминая все, вплоть до мельчайших подробностей, рассказывала девушка, как они возвращались с Дикого Берега.

— Вы говорите: кисет упал в воду и утонул? — остановил Наташу следователь.

— Утонул.

— Вы видели, как он утонул?

Настойчивость следователя смутила Наташу. Могла ли она ответить уверенно «видела», если все внимание ее на лавах было обращено на Барбоса и Немого? До кисета ли ей было?

Долгушин заметил замешательство девуш-

¹ «Легенда» — выдуманная преступником история его жизни, событий и т. д.

ки. Не настаивая на ответе, он подошел к двери:

— Суфрин!

Вошел милиционер. Молодцевато щелкнув каблуками, он искоса бросил в сторону Наташи еле заметный довольный взгляд, словно бы говоривший девушке: «Вот как у нас! А ты думаешь... милиция!»

— Вызовите ко мне Прохора Петровича и остальных, — приказал Долгушин. — Вызывайте не сразу всех. По одному.

— Слушаюсь! — Суфрин еще раз щелкнул каблуками и повторил: — По одному.

Он вышел. За ним поднялась и Наташа.

— Вы мне не мешаете, — остановил ее Долгушин. — Даже лучше будет, если вы останетесь и поможете нам сообща разобраться в этом деле.

Девушка опустилась на стул. Наташа и сама не заметила, как заговорила о том, что так взволновало ее и привело к следователю — о найденном в пещере дневнике Сарыкина.

— Вы не ошиблись? — живо заинтересовался Долгушин. — Точно там было написано Сарыкин?

— Дневник у меня, — сдержанно ответила Наташа.

— Интересно! — Долгушин закурил сигарету, со вкусом затянулся и продолжал: — О Сарыкине и поныне еще поминают у нас в районе.

— Поминают? — насторожилась Наташа.

— Точно. Сарыкин двенадцать лет служил в полиции. Дослужился до урядника. В здеш-

них местах урядник был... большой человек. Хозяин огромной волости. Во время интервенции Сарыкин пристроился в знаменитую иокангскую тюрьму. Уже перед разгромом интервентов из Иоканги бежали четырнадцать заключенных. В погоню за ними послали команду из конвойных. К ней прикомандировали Сарыкина, как человека, хорошо знающего тундру и местное население. Две недели гонялись они за беглецами и не знали, что с интервенцией уже покончено. Переловили почти всех беглецов. А когда вернулись, недалеко от побережья они напоролись на отряд красноармейцев. У нас считали, что тюремщики были все перебиты. А оказалось-то вот что...

— Вот что!.. — повторила за ним и Наташа. — Урядник Сарыкин превратился, сам того не зная, в Чана Рушла.

— В кого? — не понял Долгушин.

— В Чана Рушла, — повторила Наташа и пояснила: — А проще — в русского черта.

— Ну, это не так-то уж далеко от истины, — улыбнулся Долгушин, закуривая новую сигарету. — Что смотрите? Много курю?

— Порядочно, — уклонилась от прямого ответа Наташа, занятая своими мыслями.

Расспросить подробнее о Сарыкине девушке не пришлось. Вошел Прохор Петрович. Не успел Долгушин побеседовать с ним, как появился старый Каллуст. За ним вошли Володя с Федей. Последним исполнительный Суфрин привел сонного растрепанного Ваську.

Беседуя со свидетелями, Долгушин несколько раз возвращался к кيسету Барбоса.

Прохор Петрович шел последним и не видел, что делалось впереди. Старый Каллуст в это время уже миновал лавы и сходил на берег,—что происходило у него за спиной, он не знал. Володя с Федей шли за Барбосом и Немым. Но и они, так же как и Наташа, не могли уверенно подтвердить, что кисет утонул. Один лишь Васька решительно и без тени колебаний заявил, что кисет пошел на дно камнем.

— И тебя не удивило, что кисет с табаком камнем пошел на дно? — спросил Долгушин.

Васька неловко переступил с ноги на ногу и с достоинством ответил:

— А я... некурящий.

Расспрашивая свидетелей, Долгушин погасил окурки и бережно спрятал его в портсигар. На этот раз он перехватил сдержанную улыбку Наташи и выжидающе посмотрел на нее.

— Третий окурки вы зачем-то прячете в портсигар, — сказала она.

Теперь уже улыбнулся Долгушин.

— Мы работаем в комнате хорового кружка, — объяснил он, — а хористам курить не полагается. Поэтому и пепельницы тут нет. Вот и приходится собирать окурки в портсигар. Не бросать же их на пол.

— Я вас выручу. — Наташа достала из кармана лыжных брюк большую раковину и подала ее следователю: — Чем не пепельница?

— Пепельница, — согласился Долгушин, внимательно рассматривая радужно переливающуюся внутреннюю сторону раковины. — Неплохая пепельница.

— Что это все разглядывают раковину, как какую-то диковину? — удивилась Наташа.

— Кто все? — спросил Долгушин.

— Барбос и Немой уставились на нее, как бабка на чудотворную икону.

— Когда уставились?

Наташа рассказала следователю о том, как растерялись Барбос и Немой, увидев, что Володя счищает грязь с сапога такой же точно раковиной.

— Где вы нашли эту штучку? — поинтересовался Долгушин.

Наташа ответила.

— В яме? — переспросил ее Долгушин. — И много было в яме раковин?

— Я не присматривалась. — Наташа пожала плечами. — Но яма показалась мне довольно глубокой. А раковины лежали в ней навалом, почти до краев.

— Интересно! — Долгушин задумался. — Очень интересно! Спасибо за подарок.

Он погасил сигарету, спрятал окурок по-прежнему в портсигар и снова принялся рассматривать раковину.

Глава тридцать шестая

НА „КУКЛУ“

Перебирая в памяти все, что довелось услышать от задержанных и свидетелей, Долгушин выделил наиболее существенное. Барбос охотно и пространно рассказывал о хищениях семги в заповеднике, о незаконном хранении оружия, даже о захвате поисковой

группы молодежи. Готовность пойманного преступника к признанию не удивила Долгушина. Случается и так. Зато стройность суждений Барбоса вызвала у следователя сперва сомнения, а затем и недоверие к его показаниям. Беседа со свидетелями укрепила эти сомнения еще больше.

Что же осталось у Долгушина после не легкой рабочей ночи? Предполагаемое появление Сазонова в погосте, странная потеря красного кисета на лавах, необычная разговорчивость Барбоса и встревожившие преступников безобидные раковины.

Долгушин посмотрел на ручные часы и поднялся.

— Вы можете подождать меня? — спросил он у собеседников. — Не заснете?

— Заснем — разбудите, — безмятежно ответил Прохор Петрович. — Делов-то!

Он устроился поудобнее, прислонил голову к стене и закрыл глаза. В тяжелую летнюю пору пастухи привыкают засыпать в любых условиях и так же легко пробуждаться...

Долгушин прошел в правление колхоза, находившееся под одной крышей с клубом. В темноватых сенях он достал из-под бачка с питьевой водой ключ. Открыл кабинет председателя колхоза. Снял телефонную трубку.

— Алло! Кто дежурит? Катюша? Говорит Долгушин. Здравствуй, здравствуй, милая. Дай-ка квартиру секретаря райисполкома. Быстренько.

Долгушин услышал в трубке недовольный голос и вежливо поклонился телефонному аппарату.

— Говорит следователь Долгушин. Долгушин! Извините, Никанор Иванович, что в такое время беспокою. Я на следствии. Мне срочно нужна консультация вашего отца... Да-да. Во-первых: важная для краеведения находка. Это по его части. И второе... по моей работе. Тоже важное и срочное. Очень срочное. Но, если он спит, я позвоню позднее.

— Станет мой старик спать в такое время! — ответил Никанор Иванович. Голос его отдалился, затих. Спустя минуту следователь снова услышал его. — Только сказал ему о краеведческой находке, как он слез с кровати и в туфлях на босу ногу шлепает сюда. Кричит: «Я сам поговорю». Слушай, Долгушин! Не задерживай старика у телефона. Он в одном исподнем. Добро. Передаю трубку.

— Извините, Иван Сергеевич! — Голос Долгушина звучал мягко, почти просительно. — Вы — наш старожил. Почти тридцать лет работали учителем биологии, заведовали краеведческим музеем. Кроме вас, никто не может помочь мне, вернее даже не мне, а следствию.

— Давай, давай, — добродушно просипел в трубке низкий старческий голос. — Чем смогу — помогу. А насчет важной краеведческой находки как?.. Выдумал? Чтоб стащить меня с постели?

— Нет-нет! — горячо запротестовал Долгушин. — Есть находка. И очень интересная! О ней потом. Прежде помогите следствию...

Слушая подробные, порой даже излишне подробные объяснения знающего и любящего свой суровый край старика, Долгушин доволь-

но улыбался и согласно кивал головой черному, холодно блестящему телефону. Вот она веревочка: настоящая! Это не «легенда» о хищениях семги. В голове Долгушина уже складывался план дальнейших действий. Но, как ни спешил он, все же пришлось рассказать старику-краеведу и о находке Наташи.

Услышав о дневнике урядника Сарыкина, Иван Сергеевич заволновался:

— А ты не врешь? — спросил он каким-то изменившимся голосом.

— Иван Сергеич!..

— Смотри! Да... — теперь уже в голосе Ивана Сергеевича зазвучали просительные нотки: — устрой так, чтоб дневник Сарыкина попал в наш музей, а не в областной. Постарайся, Долгушин.

Следователь поблагодарил старика за помощь и горячо заверил, что сделает все возможное, чтобы убедить Наташу сдать дневник Сарыкина в районный краеведческий музей...

Он вернулся в клуб. Свидетели ждали его в комнате хорового кружка.

«Надеюсь, товарищи, вы мне поможете?» — хотел спросить Долгушин. Но, увидев обращенные на него в ожидании лица, не спросил ничего.

На удивление всем, Долгушин достал из шкафа найденную в пещере фанерную трубу и сказал:

Пойдемте к лавам! Надо найти красный кисет...

Гурьбой вышли они из клуба, миновали растянувшиеся в один рядок дома погоста. Кое-где хозяева уже поднялись. В тихом и

чистом утреннем воздухе слышалось тоскливое бление овец. Где-то рубили хворост. Визжал вороток колодца.

— Кто поведет нас к лавам? — спросил, не замедляя шага, Долгушин.

— Стежка тут прямая, — ответил за всех Прохор Петрович. — Нечего и вести...

Вскоре, словно подтверждая слова бригадира, впереди блеснула Семужья, с нависшим над водой противоположным берегом, густо заросшим мелкими серебристыми ивами.

У реки Долгушин быстро распорядился своими помощниками. С собой он оставил Наташу и Ваську. Остальным велел укрыться на высоких местах и следить за подходами к реке.

— Сможешь показать место, где Барбос бросил в воду кисет? — спросил он у Васьки.

— Идите за мной. — Гулко топая по пружинящим доскам, мальчуган забежал вперед. — Здесь я напоролся ладонью на сучок. Выходит: Барбос обронил кисет вон где.

— Будем искать, — сказал Долгушин.

Он взял у Васьки фанерную трубу и опустил ее застекленный конец в бурлящую воду. В трубу хорошо просматривалось каменистое дно. По нему непрерывно бежали зыбкие тени, падающие с беспокойной поверхности реки. Случалось, что и стайка мальков мелькнет перед самым стеклом. Течение сносило толстую трубу, мешало искать. Но Долгушин пядь за пядью внимательно просматривал дно, вглядываясь под камни, — течение могло сместить кисет.

Васька крутился возле него, помогал сове-

тами. Наташа держалась в стороне. Девушке не хотелось выдавать охватившего ее волнения.
— Есть! — воскликнул Долгушин.

Васька заранее сбросил сапоги, закатал брюки повыше колен и стоял наготове. Он тотчас же быстро сполз с высоких лав на чуть прикрытый водой валун. Совсем рядом, между двумя камнями, под пенящимся буруном еле заметно выделялся потемневший в воде красный шелковый кисет.

Васька нагнулся. Правая штанина соскользнула с колена, намокла. Мальчишка сгоряча не обратил внимания на такой пустяк. Кисет-то найден!

— Тяжелый какой! — воскликнул он, взбегая на лавы. — Я хоть и некурящий, а тоже понимаю: в нем не табачок.

— Вылезай, вылезай! — нетерпеливо подгонял его Долгушин. — Некурящий!

Он отобрал у мальчугана находку и принялся растягивать мокрый неподатливый шнурок. Васька стоял рядом и, не спуская глаз с рук следователя, пританцовывал от нетерпения.

Наконец-то шнурок поддался. Долгушин запустил руку в кисет.

— Есть! — радостно воскликнул он. — Расстелите-ка что-нибудь.

Васька сорвал с головы свою нескладную шапку. Из кисета полилась в нее молочно-радужная струйка.

— Жемчуг! — невольно воскликнула Наташа. — Да это же миллионы!

— До миллионов тут далеко. — Долгушин не упустил случая блеснуть перед девушкой

своими совсем еще свежими познаниями, полученными от старого краеведа. — Речной жемчуг намного дешевле морского. Но все же... куш они взяли хороший. Понятно теперь, почему Сазонов крутится где-то поблизости. Разве он уйдет от такой добычи!

Наташа осторожно, двумя пальцами выбрала из шапки две крупные грушевидные жемчужины.

— Не знаю, сколько они стоят, — сказала девушка, любуясь их тонкими переливами, — но я с удовольствием надела бы такие сережки. С удовольствием!

Налюбоваться находкой вдоволь ей не пришлось. Долгушин достал большой клетчатый платок и бережно ссыпал в него жемчужины.

— Вот это добыча! Не то что семга! — сказал он, обращаясь к Ваське. — Теперь ты понял, мимо каких раковин прошел на берегу и даже не нагнулся, не взглянул на них. И верно... «Чудак-рыбак».

— А чего раковины? — стараясь скрыть смущение, ответил мальчуган. — Их в школе не проходили.

— А эти орлы!.. — Долгушин, не отвечая Ваське, кивнул в сторону погоста, где сидели запертые в сарае Барбос и Немой. — Нашли в глухом месте богатую колонию жемчужниц и решили попользоваться. И ведь неплохо поживились бы, если б не наш храбрый защитник семги.

— Не семги, а природы! — бойко вставил Васька. Мальчуган смекнул, что жемчужницы относятся к природным дарам, а потому их тоже следует охранять.

Долгушин спрятал платок с жемчугом в карман и, не вступая в спор с Васькой, сказал:

— Придется ловить преступников на «куклу».

— На куклу? — переспросила Наташа.

— Именно! — Долгушин увидел удивленное лицо Наташи и скептически сморщенный круглый нос мальчугана и пояснил: — Что такое кукла? Искусственно сделанное подобие человека. А мы сделаем другую куклу — подобие жемчуга. Наберите-ка живенько мелких камушков, гравия...

Наташа и Васька с готовностью бросились выполнять поручение следователя. Они шарили под прибрежными камнями, собирая нанесенный течением крупный гравий.

— Живее, живее! — поторапливал Долгушин своих добровольных помощников.

Он отобрал гравий, насыпал его в кисет.

— Вот вам и «кукла»! — весело сказал Долгушин. — А теперь мы бросим ее на прежнее место.

Он взмахнул рукой и плавным движением забросил наполненный мелкими камушками тяжелый кисет точно между двумя белыми валунами.

— Пошли в погост. Живо!

Обратно вернулись не все. Прохора Петровича и Федю Долгушин оставил в засаде у реки — на случай, если Сазонову удалось или удастся пронюхать, что кисет брошен в воду. Впрочем, это было совершенно невероятно. Знал бы хищник, что кисет лежит в реке, не было б тут ни кисета, ни Сазонова...

ПЕСТРУШКА СВИСТНУЛА ДВАЖДЫ...

В погосте Долгушин провел своих помощников в пустое еще правление колхоза и попросил их оттуда не выходить. Старого Каллуста он отправил за Суфриным и задержанными, а сам вернулся в комнату хорового кружка и сел писать заключение.

Суфрин ввел преступников. Барбос с Немым стояли, ожидая, когда следователь обратится к ним. Но Долгушин лишь коротко взглянул на них и продолжал писать, изредка листая протоколы допросов.

Лица задержанных оставались по-прежнему безразличными, будто не их участь решалась сейчас в этой просторной комнате.

Следователь поставил точку и обратился к Барбосу и Немому:

— Признаете себя виновными в организованном хищении семги в запретном для лова государственном заповеднике, в незаконном хранении оружия и насильственном уводе группы молодежи с целью шантажа и оклеветания?

— Было, — тяжело обронил Барбос.

— Прочтите, — Долгушин придвинул к нему заключение, — и подпишите здесь: с заключением согласен.

Барбос долго, беззвучно шевеля губами, читал заключение. Осторожно взял он большой короткопалой рукой поданную следователем авторучку и старательно вывел свою фамилию.

Немой продолжал стоять все с тем же безучастным видом.

— А вы? — спросил его Долгушин.

— А чего я? — глухо произнес Немой. — Оружие это я и в руках не держал.

— У вас при задержании отобрали наган, — сказал следователь. — Вы знали, что товарищ ваш хранил пистолет; видели, как он угрожал им людям.

— Не видел! — отрывисто бросил Немой и тупо уставился в пол. — Не видел я ничего и не знаю...

— Не видели? — переспросил Долгушин. — Что ж! Вам предоставляется право оговорить свое несогласие с одним из пунктов обвинения. Остальные два пункта — хищение семги и задержание людей — вы, надеюсь, признаете?

— Не буду подписывать... — уперся Немой. — Не знаю я ничего.

— Ваше дело, — холодно ответил следователь, подавляя растущее в нем беспокойство. Тупое упорство Немого срывало его план разоблачения хищников. — В таком случае я буду вынужден отправить вас в район под стражей.

— Дело ваше, — вздохнул Немой, по-прежнему избегая встречаться взглядом со следователем. — Только не знаю я ничего.

— А вас... — Долгушин обратился к Барбосу, — поскольку вы признали свою вину, я считаю возможным не брать под стражу, а ограничиться подпиской о невыезде и явкой в милицию по первому требованию.

У Барбоса перехватило дыхание. Такой

удачи он никак не ожидал. Только бы вырваться из-под стражи!

— Куда я денусь? — Он с трудом выжидал из себя каждое слово, стараясь не выдать бушующую в нем радость. — В поселке у меня барахлишко кой-какое. Пригодится еще. А потом... тундра для нас... вроде мешка. А завязку от него советская власть держит. Крепко держит. Не выскочишь.

Заполняя бланк подписки о невыезде, Долгушин украдкой перехватил растерянный взгляд Немого, брошенный в сторону Барбоса. Сам же Барбос держался внешне равнодушно ко всему, что с ним происходило.

Долгушин протянул ему подписку о невыезде:

— Подпишите.

Барбос прочитал поданный документ и по-прежнему старательно вывел свою корявую подпись.

— Стало быть... — Он выпрямился, — я больше не нужен?

Ответить ему Долгушин не успел.

— Можно мне поглядеть? — спросил вдруг Немой.

— Что поглядеть? — с деланным безразличием бросил Долгушин. Он видел, как встретился Немой, услышав, что Барбоса сейчас отпустят.

— Заключение.

Долгушин протянул Немому заключение и заметил, как изменилось лицо Барбоса.

«Недоволен! — отметил он про себя. — Ему хотелось бы оказаться на свободе одному. Соучастник больше не нужен».

— Я подпишу, — выдавил из себя Немой. — Только насчет оружия... не согласен. Не желаю отвечать за чужое озорство.

— Я уже предупреждал вас: можете огорчить свое несогласие с каким-то пунктом заключения. Существа дела это не меняет, — объяснил ему Долгушин, а сам подумал: «Теперь-то ты все подпишешь! Лишь бы ее отпустить от себя сообщника».

— Давайте ручку, — сказал Немой, словно отвечая на мысли следователя.

Еще раз внимательно перечитал он заключение. Для виду поторговался из-за нескольких слов. Долгушин нетерпеливо слушал его, давая понять, что препирательства ему надоели и ни на какие уступки он больше не пойдет.

— Ладно! — решилсЯ Немой.

Подписал заключение, подписку о невыезде и вытер рукавом стеганки влажный лоб.

— Все?

— Немедленно возвращайтесь в поселок. — Долгушин помолчал, желая придать своим словам должную весомость. — О своем прибытии в Пушозеро сразу же доложите заместителю участкового. Понятно?

— Все понятно, — ответил за двоих Барбос.

У него уже земля горела под ногами. Скорее бы вырваться, уйти! По всему телу Барбоса разливалась буйная, неумная сила. Повезло со следователем! Черт знает как повезло! Молодой парень. Самоуверенный. Меньше чем за сутки во всем разобрался и все решил...

Долгушин встал и почти торжественно произнес:

— Надеюсь, вы оправдаете мое доверие. Можете идти.

Барбос и Немой степенно простились со следователем и неспеша направились к двери.

Суфрин нехотя посторонился и выпустил их из комнаты.

Гулко прозвучали в пустом коридоре неторопливо удаляющиеся тяжелые шаги. Хлопнула дверь. Все стихло.

— Товарищ Суфрин! — позвал следователь милиционера, удивленно наблюдавшего за происходящим. — Пройдите за этими орлами. Присмотрите, куда они направятся..

— Чтоб они меня не видели? — понимающе вставил Суфрин.

— Наоборот: проводите их и постоит у последних домов, чтобы они видели вас. — Долгушин увидел недоуменно вытянувшееся лицо милиционера и подчеркнул: — Так надо! Обязательно, чтоб они видели вас. Потом я все объясню. Сейчас нет времени. Быстренько за ними.

— Понятно! — привычно прищелкнул каблуками Суфрин, хотя и не понял, почему надо следить так, чтобы преступники видели его.

Суфрин добросовестно выполнил приказание следователя. Он шел за отпущенными хищниками серединой улицы. Погост кончился. Возле крайнего дома милиционер остановился. Закурил. Долго стоял он, глядя, как Барбос и Немой удаляются. Суфрин заметил, что Барбос дважды обернулся и посмотрел

в его сторону, но не остановился и даже шага не замедлил, а продолжал неторопливо идти по обочине дороги к видневшемуся вдалеке перелеску.

Кроме этого, ничего интересного сообщить следователю Суфрин не мог.

— Идут, как положено, — закончил он свой короткий доклад. — Всего два раза и оглянулись.

— Оглянулись все же? — довольно подхватил Долгушин. — Очень хорошо, что оглянулись! И вас видели?

— Как не видеть? — Суфрин все еще не мог оправиться от удивления. — Я стоял-то... Весь на виду. Наверно, посмеялись они надо мной.

— Пускай смеются, — заключил Долгушин. — Все идет, как надо. — Он быстро сложил бумаги в полевую сумку. — Пошли, Суфрин! Скоро вам все станет понятно.

Долгушин зашел в правление, забрал ожидающих его помощников и направился к Семужьей, где укрылись Прохор Петрович и Федя...

... — Ну как, Прохор Петрович? — спросил Долгушин, разыскав бригадира. — Никто не появлялся?

— Не было никого.

— Скоро придут, — заверил его следователь.

На этот раз места для засады заранее рассмотрел Прохор Петрович. Оставалось условиться о сигнале, которым сидящий в засаде мог бы предупредить остальных о появлении Барбоса и Немого. Прохор Петрович преду-

смотрел и это. Он предложил сигналить, подражая пisku пеструшки.

— А если настоящая пеструшка запищит? — возразил Володя. — Может же так случиться? Их тут пропасть!

— Наш сигнал — тройной писк, — уточнил Прохор Петрович. — Три раза подряд.

— Запищит наш Федя басом! — вставила Наташа, умалчивая, впрочем, о том, что и сама-то она не представляла: удастся ли ей записать пеструшкой.

— Сделаем! — успокоил девушку Прохор Петрович, понимая, что смущает Наташу. — Запищишь, как настоящая пеструшка.

Он ненадолго скрылся в кустах и вышел оттуда, держа в руке несколько тонких стебельков. Один из них Прохор Петрович раздвоил, положил между губами и тоненько свистнул.

— Вот вам и пеструшка! — сказал он и подал стебелек-пищалку Наташе. — Попробуй-ка.

Долгушин дал своим помощникам проверить пищалки.

— Хорошо, — сказал он. — По местам товарищи!

Засада расположилась по обоим берегам реки. Сидя в укромных местах, ее участники не только просматривали все подходы к лавам, но и прикрывали пути возможного бегства преступников.

Ждать пришлось долго. Больше часа прошло, пока лежащие на левом берегу — Федя, Прохор Петрович и Наташа — услышали тонкий писк пеструшки. Еще и еще раз. Сигнал!

К общему удивлению, свистел старый Каллуст, поставленный Долгушиным на самое безопасное место. Никто не предполагал, что хищники появятся со стороны, противоположной погосту. Очевидно, они обошли погост, перебрались через Семужью выше по течению и, прикрываясь густым низкорослым ивняком, пробрались к лавам — туда, где их меньше всего ожидали.

...Барбос и Немой вышли к реке не сразу, а залегли в кустах, осторожно оглядываясь по сторонам. Лежали они долго, желая, вероятно, убедиться, что ничего им не угрожает. Первым поднялся Барбос. Он осмотрелся и прошел на лавы. Барбос хорошо приметил место, где «уронил» кисет. Стоя на мостках, он дождал отставшего Немого. Вдвоем они напряженно всматривались в реку. Место здесь было неглубокое. Но вода бурлила и пенилась, мешая просматривать дно...

Внимание участников засады было приковано к лавам. Каждый из них готовился, по знаку следователя, броситься к преступникам, взять их в крепкое кольцо. И совсем уже неожиданно в стороне, где притаился старый Каллуст, снова послышался знакомый тройной писк пеструшки.

Старый пастух сигналил, что к реке подошел еще кто-то. Но кто мог появиться здесь? Если б свистел кто-нибудь другой, можно было бы усомниться, заподозрить ошибку. Но старый Каллуст, опытный тундровик, зря сигналить не станет. Как хотелось Прохору Петровичу, Феде и Наташе поднять голову, получше рассмотреть, что происходит там,

у старого Каллуста! Но они продолжали неподвижно лежать, прижимаясь к влажной, пахнущей сыростью земле...

...Барбос и Немой, стоя на лавах, настойчиво просматривали дно. Взгляд Немого задержался на двух белых камнях. Он показал на них рукой. Барбос всмотрелся в трепещущее под быстрым течением неровное дно и ловко соскочил на выступающий из воды большой плоский валун. Затем, сорвав с плеч стеганку и засучив по плечо рукав полосатой тельняшки, быстро вытащил из воды знакомый красный кисет с вышитыми желтыми ягодками.

Барбос отряхнул мокрую руку, опустил закатанный рукав, легко забрался на лавы... и замер.

Из зарослей серебристого ивняка поднялся Сазонов. Улыбаясь, шел он навстречу собобщникам. Но улыбка его не предвещала ничего хорошего. Улыбалось у Сазонова только лицо, а глаза оставались холодными, зоркими. Сазонов шел за своей долей добычи, не вынимая правой руки из-за пазухи...

Глава тридцать восьмая

КАРА

Допустить такой просчет! Сазонов не мог себе этого простить. Надо же было ему навязать себе на шею новоселов! Недаром Барбос говорил: «В пропасть их... и концы». Говорил! Но ведь Сазонов оставил его в группе старшим, когда уходил искать мальчишку. Почему же сам Барбос не разделался с плен-

никами? Ума у него хватило подбивать другого на расправу. А сам даже в пещере не смог расчитаться с издевавшейся над ним девчонкой. Своими глупыми рассуждениями о законе и расстреле она словно намордник надела на Барбоса. Впрочем, не так уж они были и глупы. Слушая их, Сазонов и сам чувствовал себя неважно, хотя Наташа к нему и не обращалась.

Сазонов понимал, что отступать уже поздно. Да и некуда отступать. Бежать? Куда побежишь? Без денег, в пропахшей дымом стеганке и меховой шапке в июне далеко не уйдешь. Мог ли он сейчас, потеряв все, отказаться от последней надежды — от жемчуга, богатства?

Как жалел Сазонов, что не сумел захватить кисет, когда выходил из пещеры! Тогда бы он был уже далеко от реки, ставшей такой опасной. А теперь? Пришлось следить за людьми, уводившими его сообщников с побережья, следить, напрягая все силы свои и ловкость, чтобы не потерять их в тумане и самому не попасться им на глаза.

Перед уходом из пещеры Сазонов наспех переоделся. Искать кисет он даже не пробовал. Разве найдешь его в огромной темной пещере с многочисленными закоулками? Надо как-то выручить Барбоса, вернуть его на Дикий Берег, к запрятанному сокровищу.

Сазонов видел, как Барбоса и Немого увели в погост. Не зная, как быть дальше, он решился на отчаянный поступок: нахлобучил пониже шапку и вошел в погост. На улице он окликнул играющих ребят, спросил, где лю-

ди, что недавно вернулись с Дикого Берега.

— Отдыхают, — важно ответил лобастый мальчуган с толстыми, чуть оплывшими книзу ярко-красными щеками.

А девчущка постарше, в цветастом фланелевом платье, шагнула к Сазонову и, прижимая тонкие ручонки к худеньким бедрам, деловито сообщила:

— А других заперли в новый сарай. Стерегут их. Чтоб не убежали.

«Стерегут! — подумал Сазонов. — Одному тут ничего не сделать».

А когда он услышал, что в погост приехал большой начальник и с ним милиционер, то понял, на какой риск пошел. Оставалось одно: поскорее убраться отсюда незамеченным.

Так Сазонов и сделал. Он быстро миновал погост и вышел на дорогу, ведущую к райцентру. Но никакая опасность не могла теперь заставить его отказаться от сокровища. Широко шагая, он дошел до мелкого перелеска и залег там в густой листве. Сазонов терпеливо ждал, когда поведут его сообщников в район. Никакого определенного плана придумать ему не удалось. Соотношение сил сложилось явно не в его пользу. Расчет был один — на случай.

Ждать пришлось долго, бесконечно долго. Но Сазонов знал, что другой дороги нет из погоста ни в район, ни в Пушозеро. И он упорно продолжал ждать, временами чутко засыпая вполглаза и пробуждаясь от каждого шороха...

Когда Сазонов увидел вдалеке идущих из погоста Барбоса и Немого, первое, что подумал он: «Бежали!» Однако это предположе-

ние сразу же было отброшено. Очень уж не походили его сообщники на беглецов. Шли они не скрываясь, даже не спешили...

Сазонов поднялся и хотел выйти из перелеска навстречу Барбосу и Немому, но вовремя остановился. Зачем идти к ним? Кто они ему? Друзья? Приятели? Нет. Это всего лишь участники общего «дела». Не лучше ли подождать их, скрываясь в зелени? Возможно, удастся узнать, куда они собрались и каковы у них планы на дальнейшее...

На этот раз Сазонову повезло.

Барбос и Немой свернули с дороги в перелесок и опустились на землю.

— Куда мы теперь? — спросил Немой. — На лавы?

— Не спеши. — Барбос повалился на спину и потянулся так, что суставы хрустнули. — Если дело выйдет чисто, придется нам после лав дуть ходом. Ложись пока. Отдыхай, знай.

«После лав... ходом! — Сазонов насторожился. — Обо мне и не вспомнили. — Отметил он это без какой-либо обиды, испытывая лишь растущее недоверие к сообщникам. — Зачем они спешат к лавам? Куда собираются идти «ходом»? Неужели обратно к Дикому Берегу?..»

И тут Сазонов услышал такое, что дыхание у него сорвалось и зачастило, как у больного.

— Ты точно заметил, что кисет упал между камнями? — спросил Немой.

— А то я брошу так! — усмехнулся Барбос. — Не глядя.

Лежа на спине, он широко раскинул руки

и ноги, жадно отдыхая всем своим большим сильным телом.

Больше Сазонова ничто не интересовало. Он бесшумно отполз в сторону и затаился в зелени. Кисет цел! Доступен! Мысль об этом будоражила, не давала покоя. Вместе с ней к Сазонову вернулась решимость, уверенность, что большая удача наконец-то не уйдет от него. Нет!..

Барбос и Немой поднялись. Отряхнули налипшие на стеганки и брюки сухие прошлогодние листья.

Сазонов выждал, дал им отойти от перелеска. Следить за сообщниками было нетрудно. Куда они направились, Сазонов знал, и потому на открытых местах спокойно отпустил их от себя вперед.

К лавам Сазонов вышел несколько позднее Барбоса и Немого. Лежа в густом ивняке, он наблюдал за каждым их движением. А когда они нашли кисет, Сазонов дрожащей от волнения рукой переложил пистолет из кобуры за пазуху, вышел из укрытия и спокойным, подчеркнуто твердым шагом направился к лавам...

Сошлись они на узком дощатом настиле, недалеко от лесистого левого берега, настороженно всматриваясь друг в друга. Связывавшая их веревочка — добыча жемчуга — оборвалась. Оставался кисет. За него они готовы были перегрызть друг другу горло.

— Где будем делить? — резко перешел к делу Сазонов.

— Отойдем в горы, — ответил Барбос.

И взглядом попросил поддержки у Немого.

— В горах поделим, — быстро согласился Немой.

В горах! Чтобы направиться в горы, Сазонов должен был повернуться к своим сообщникам спиной. Оставить их позади себя на узком зыбком настиле?.. Сазонов заметил, как понимающе переглянулись Барбос и Немой. Возможно, они успели договориться...

«Нет уж! — подумал Сазонов. — Дураки на нашей улице не жили».

Впрочем, спорить с сообщниками не стал. Все с тем же напускным спокойствием и уверенностью повернулся он, сделал шаг к берегу. А мозг его лихорадочно работал: «Один раз в жизни можно... Только раз! Лучше остаться живым и богатым преступником, чем быть убитым...»

Подтолкнул его легкий шопот за спиной. Сазонов бездумно выхватил из-за пазухи пистолет, круто обернулся. Барбос не успел и руки поднять. Лишь острая предсмертная тоска коротко оживила его мертвые глаза...

Выстрел в упор свалил Барбоса на лавы. За спиной у него дико взвыл Немой, резко согнувшись, как надломленный. Пуля пробила сердце Барбоса и ударила Немого в грудь.

Сазонов подхватил с дощатого настила выпавший из руки Барбоса мокрый красный кисет и, почти не глядя, всадил еще две пули в упавшего Немого. После каждого выстрела тело Немого резко вздрагивало, будто по нему били палкой. Потом оно медленно, словно нехотя вытянулось и обмякшим мешком сползло с настила в кипящую воду.

Барбос лежал поперек лав. С настила сви-

сала откинута назад голова с приоткрытым большим ртом и жесткими волосами. С другой стороны лав вода негромко бурлила о сбитые носки его хромовых сапог.

Сазонов остался один. Совсем один! С кисетом! Никто, кроме него, не знал теперь об излучине реки Семужьей, где так сказочно размножились жемчужницы. Там осталось богатство, которого хватит на десять Сазоновых. С избытком!

«Бежать! — спохватился Сазонов. — Скорее бежать отсюда».

А сам не мог оторвать взгляда от распластавшегося поперек настила тела Барбоса, от его вздернутого вверх тупого небритого подбородка. Перед тем как уйти в горы, надо избавиться от Барбоса. Навсегда избавиться! Еле сдерживая подступающую к горлу тошноту, он схватил воротник стеганки Барбоса и рывком сбросил труп в воду. Хорошо бы оттолкнуть его подальше от лав, да некогда... Ладно! Течение унесет. Вода все скроет...

В горы! Скорее в горы! Сазонов оторвал взгляд от убитых сообщников и... похолодел, невольно прижавшись спиной к поручню.

К лавам подходил милиционер. С пистолетом в руке. За ним Сазонов увидел Долгушина. Тоже с пистолетом. Подальше — Володю и Ваську Калабухова в пестрой телячьей шапке с болтающимися ушами...

Тугое упругое кольцо перехватило горло Сазонова, мешало дышать. Он рванул ворот рубахи, круто повернулся к левому берегу, к горам... Но и там к лавам подходили люди: Федя, пожилой саам с наганом, старый пастух

с арканом, изготовленным для броска, Наташа. Опять она!

— Положить оружие! — приказал следователь.

— Бросай пистолет! — зычно подхватил милиционер.

Бросить оружие! Сдаться! Чтоб они забрали кисет! А потом? Арест, следствие, суд и расстрел. Убил-то он Барбоса и Немого с целью грабежа. Грабеж! Отягчающее обстоятельство! Теперь пощады не жди.

— Оружие на лавы! — властно повторил следователь. — Выполняйте!

Сазонов нагнулся, будто хотел положить пистолет на лавы. И вдруг огромным прыжком перемахнул с настила на плоскую каменную плиту. Над головой его коротко прошипела пуля — как маслом брызнули на раскаленную плиту.

«Близко! — отметило сознание Сазонова. — Убьют! Черт с ним! Терять-то нечего!»

С плиты он перескочил на камень. Еще прыжок и еще...

Прыгая с камня на камень, проворный и верткий, мчался Сазонов к нависшему над водой левому берегу. Над головой снова прожужжала пуля. Еще одна. Странно, но выстрелов Сазонов не слышал, только злое, режущее слух шипенье пуль.

Беглецу повезло. Стрелял с правого берега один Суфрин. Долгушин не решался стрелять: преступник оказался между ним и неожиданно выбежавшими из ивняка старым Кллустом и Наташей. На левом же берегу Прохор Петрович выстрелил всего два раза. Убийца

забежал за вдающийся в реку высокий мыс и скрылся из виду. Да и непривычный для па-стуха наган на таком расстоянии был ненадежным оружием.

Еще несколько прыжков — и Сазонов, хватаясь обеими руками за выступающие из подмытого обрыва корневища, быстро вскарабкался на берег. Слева, наперерез беглецу, ломился через густой ивняк Федя с поднятым посохом-пикой. Невероятно отчетливо видел преступник приближающееся бледное лицо юноши. Сазонов на мгновение задержался, вскинул пистолет и выстрелил.

Федя выронил посох, схватился обеими руками за лицо и упал ничком.

«Третий! — злобно отметил Сазонов. — Черт с ним! Ответ один!»

Жив Федя или нет — его не интересовало. Кольцо облавы было прорвано. Оставалось либо пробиться в горы, либо...

«Вперед, вперед! — подгонял он себя, жадно хватая ртом воздух. — Скорее!..»

Низкорослые ивы не могли скрыть его от чужих, ненавидящих глаз, и он бежал почти не пригибаясь, не слыша ни громкого шороха ветвей, ни треска палых сучьев под ногами. Перед ним был путь в горы, в лес — к спасению.

Сазонов миновал ивняк. Каменистой осыпью поднимался он к узкой извилистой щели, раздвоившей невысокий крутой кряж. Преступника подстегивали редкие хлопки выстрелов, невнятные выкрики. Особенно врезался в память далекий, похожий на мальчишеский голос Наташи:

— Держи-и! Уйде-от!..

Сазонов оглянулся и хрипло выругался, — за ним грузно бежал Федя. Казалось, что он уже совсем близко. Сазонов остановился и выстрелил мимо. Второй выстрел свалил Федю в густые кусты. На этот раз Сазонов не поверил в его смерть и послал наугад еще одну пулю в укрывшую Федю листву.

Теперь погоня была не страшна: остальные далеко. Рывком Сазонов преодолел остаток каменистой осыпи и вбежал в узкую извилистую щель. В сознании его коротко мелькнуло: «Спасен! Уйду!» Задыхаясь от стремительного бега, он оглянулся... и снова увидел за собой Федю. Вот когда Сазонов пожалел, что сгоряча выпустил в упавшего Немого две лишние пули. В пистолете оставался один-единственный патрон. Последний! Если он промахнется... Сазонов вдруг с невероятной отчетливостью представил себе, как он целится, стреляет — и понял, что промахнется. Обязательно промахнется! Слишком дрожат у него руки и ноги, сбивчиво дыхание. Одно лишь сознание, что патрон в пистолете последний, помешает ему выстрелить точно. Правда, в кобуре есть запасная обойма. Но чтобы перезарядить пистолет, нужно время. Прежде всего надо избавиться от наседающего сзади парня, уже дважды попятнанного его пулями. Слишком страшен он своим неукротимым стремлением настигнуть убийцу.

Сазонов пробежал немного по щели, чувствуя, как тяжелеют ноги. Остановился за ребристым выступом. Прижался к нему плечом. Так устойчивее.

«Подпущу его и уложу, — думал он. — Буду стрелять в упор. Наверняка. Только наверняка!..»

Настороженный слух преступника уловил за спиной громкий шорох, Сазонов обернулся — и чуть не вскрикнул. Впереди, между ним и выходом из щели на горный простор, спускался на аркане по отвесному обрыву Прохор Петрович. Над обрывом виднелись два лица: морщинистое — старика-саама и юное, взволнованное, с большими горячими глазами — Наташи. Еще секунда-другая, и Прохор Петрович спустится в щель, выхватит из-за пояса наган и встанет между Сазоновым и горами — спасением. Сейчас покачивающийся на аркане саам был беспомощен. Надо покончить с ним, пока он не спустился, не встал на ноги. Сазонов сделал движение к Прохору Петровичу — и остановился, обливаясь горячим потом. Из-за выступа, в каких-нибудь нескольких шагах, появился Федя. Он уже не бежал, а шел, грузно шаркая отяжелевшими ногами. Окаменевшее от боли и нечеловеческого напряжения лицо юноши страшило Сазонова. Этот парень, не раздумывая, прыгнул в пропасть и вышел оттуда живым. Дважды падал он под выстрелами Сазонова и не отступался, снова настигал его.

Спускаясь на аркане, Прохор Петрович не отводил взгляда от убийцы. Он видел, как Сазонов поднял пистолет. Прохор Петрович выпустил аркан и с трехметровой высоты спрыгнул в щель.

Сазонов услышал за спиной гулкий удар. Обернулся — и увидел наведенный на него

наган. Преступник прижался спиной к стене и быстро, по-волчьи водил головой — то в сторону Феди, то в сторону Прохора Петровича. Гибель тут и гибель там. И если бросить оружие... тоже гибель.

Сознание Сазонова обожгла мысль:

«Патрон один и я... тоже один».

И, словно укрепляя его в принятом мгновенно решении, вспомнились ему слова Наташи: «Расстреляют!.. Не для того советская власть посылает новоселов в Заполярье, чтоб какие-то барбосы их убивали... Не страшно умереть, — страшно ожидание неизбежной смерти».

С какой-то чудовищной легкостью вскинул Сазонов пистолет к виску. Увидел зажатый в левой руке мокрый красный кисет с желтыми ягодками... и медленно надвигающегося на него Федю.

Федя пригнул голову, коротко качнулся назад и ударил убийцу. В этот удар он вложил не только всю свою силу, но и ненависть, накопленную за время поисков жгучую ненависть честного человека к преступнику.

Сазонов рухнул навзничь. Правая рука его медленно разжалась и выпустила пистолет с последним и уже ненужным патроном. Но левая по-прежнему крепко держала красный кисет с нелепыми желтыми ягодками...

Федя вложил в последний удар остатки своей огромной силы. Он сразу весь обмяк, привалился боком к стене щели. Перед глазами все закружилось — Сазонов, ребристая каменная стена, клочок неба с четко выделяю-

щимся на нем черным кустом... Потом появился огромный, быстро растущий Прохор Петрович, заслоняя все — и Сазонова, и щель, и небо...

Федя скользнул плечом по шершавому камню стены и медленно повалился на землю.

— Федя! — закричала, подбегая, Наташа. — Федя-а!

Отчаяние, прозвучавшее в голосе девушки, словно бы оживило Федю. Чувствуя, что сознание оставляет его, он чуть приподнялся и, задыхаясь, прошептал в склонившееся к нему бледное лицо с знакомой русой прядкой:

— Ничего страшного... левый бок и щека... царапины.

Последнее, что осталось в памяти — большие, глубокие девичьи глаза. Впервые увидел он в глазах Наташи страх, откровенный страх за жизнь друга. Уже погружаясь в прохладную колышашуюся пучину, он услышал истошный, хриплый выкрик очнувшегося Сазонова:

— Я не хотел, не хотел убивать!

Пучина сомкнулась...

....Федя почувствовал, что голова его покоится на горячих ладонях Наташи. Он открыл глаза, увидел бледного Володю, Ваську Калабухова с опущенной нижней губой. Феде хотелось успокоить друзей и еле сдерживающего слезы отважного защитника природы. опередил его знакомый глуховатый голос Прохора Петровича:

— Ничего, ничего! Через две недели он танцевать будет. Парень здоровый. Крови у него, как у оленя.

Федя поднял руку. Ощупал перевязанное лицо и бок. Повернулся. В стороне, рядом с неприступно строгим Прокофием Суффриным, сидел на земле связанный Сазонов и, как пьяный, качая головой из стороны в сторону, тупо твердил:

— Я не хотел.... не хотел убивать...

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
<i>Глава первая.</i> Происшествие в поселке	3
<i>Глава вторая.</i> Три друга	10
<i>Глава третья.</i> Встреча на ручье	14
<i>Глава четвертая.</i> След	22
<i>Глава пятая.</i> Поиски или погоня?	32
<i>Глава шестая.</i> Участковый Сазонов	37
<i>Глава седьмая.</i> Тайна Васьки Калабухова	46
<i>Глава восьмая.</i> Через горы	53
<i>Глава девятая.</i> Крах	60
<i>Глава десятая.</i> Прыжок	74
<i>Глава одиннадцатая.</i> Зарок нарушен	80
<i>Глава двенадцатая.</i> На дне пропасти	95
<i>Глава тринадцатая.</i> В кúваксе	105
<i>Глава четырнадцатая.</i> Васька Калабухов	117
<i>Глава пятнадцатая.</i> Истоки дружбы	128
<i>Глава шестнадцатая.</i> Таинственные сигналы	138
<i>Глава семнадцатая.</i> На помощь	147
<i>Глава восемнадцатая.</i> Испытание	157
<i>Глава девятнадцатая.</i> Белая стрела	162
<i>Глава двадцатая.</i> У гаснущего костра	171
<i>Глава двадцать первая.</i> Борьба	177
<i>Глава двадцать вторая.</i> На Диком Берегу	186
<i>Глава двадцать третья.</i> Потеряны	196

Глава двадцать четвертая. Чан Рушла	201
Глава двадцать пятая. Двойная засада	208
Глава двадцать шестая. Каменная ловушка . .	213
Глава двадцать седьмая. Последняя надежда .	226
Глава двадцать восьмая. На волю, на волю! . .	238
Глава двадцать девятая. Конец Чана Рушла . .	247
Глава тридцатая. Странные находки	253
Глава тридцать первая. Погост	263
Глава тридцать вторая. Тупа	273
Глава тридцать третья. Тревога	281
Глава тридцать четвертая. Ошибка Наташи . .	289
Глава тридцать пятая. Допрос	297
Глава тридцать шестая. На «куклу»	308
Глава тридцать седьмая. Пеструшка свистнула дважды	316
Глава тридцать восьмая. Кара	324

К читателям

Издательство просит отзывы об этой
книге посылать по адресу: Москва,
Центр, Хохловский пер. 7, Трудрезервиздат

